

"Звёздная пыль... На сапогах! (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Звёздная пыль... На сапогах!

Пролог

6 июля 1970 г.

Космодром Байконур.

Союз Советских Социалистических Республик.

Ну и что, страшно? Да ты же сам когда-то это чертил.

Теперь пользуйся — вперед и с песней. 'Врагу не сдаётся...' не пойдет. Лучше 'Заправлены в планшет космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут...'

Ага, особенно если ты сам бортинженер и штурман в одном лице, список программ бортового компьютера контролировал тоже сам.

И? На индикаторном дисплее горят зелененькие светодиоды, строго расставленные по знакоместам электронной начинкой БЦВК. Мигнули и нарисовали 'ПРГ 001 ИСП В-128'.

Секунда. Последняя циферка моргнула, сменилась на '7'.

Вот так. Это можно и нужно понимать как - 'Старт запрограммирован и разрешён', осталось 127, нет — уже 126 секунд. Две минуты, крайние минуты на Земле.

Да, есть способы трусливого отступления — на панели перед носом кнопка 'С/СП', сброс команды/сброс программы. Еще можно пихнуть командира, вдруг да провернет ручку управления системой аварийного спасения. Нет, бесполезно. Это он сделает только лишь, если почует взрыв носителя. Вообще, расслабься и получи удовольствие, в детских мечтах ты и не думал ты об этом.

А вот сейчас... Под тобой сотни тонн ажурных конструкций, готовые к ярости дюзы двигателей, больше двух килотонн сверхледяного жидкого кислорода и чистейшего керосина дремлют в баках. Трудом человеческого разума связано это, в нацеленную в Небо стрелу. И вся эта сила должна поднять нас сперва на орбиту, ну а потом...

Как начинался этот день? Почти как Штирлиц, проснулся за три минуты до будильника. Новости обнадежили — все системы ракетного блока 'Бурлак' работают штатно, орбита ожидания стабильна. Ура, летим!

Завтрак. Парадная форма. Выход на пресс-конференцию. И она сама. Чуть не сдох прям там, вопросы сыпались градом:

'...А зачем вам это', '...а зачем вам то...'

'... А зачем вы летаете на двух ракетах за раз...'

'...А почему не катались на луноходе космонавты. А вы будете?'

Тут я не выдержал — А вы дома на пылесосе катаетесь? ...пауза... 'Нет'.

— Ну и почему мы должны ездить на приборе? Если захотим, будем ездить на машине — а

Луноходы будут заниматься своим делом, изучать Луну. И искать интересные места для наших кораблей, попутно. Не поверили, естественно. А зря.

Да ну их. Недавно на космодром пускать стали — а они как чайки. Что видят, на то и гадят. Гостиница плохая, сервиса нет, ездить далеко — от одного старта другого на горизонте не увидеть. То жарко им, то холодно. Ну, не нравится — не смотрите. Да и вообще — валите на кейп Кеннеди, флаг вам в руки. И так выпался плохо, и пингвины эти еще нервы потрепали.

Вернулись в родной домик, перекусили. Жаль нельзя ничего типа шашлычка да коньячка, увы! Время, нам дорога на пусковую. Бункер — тут народ серьезный. Со слюнями никто не лезет, все делают дело. Переодевание, натянули мягкие на вид, но стойкие одежки-спаскафандры. Мелочь — но без них мы, после некоторых историй, корабли не проектируем.

Присели на дорожку. Старая традиция. А страшно мне... Жуть. Автобус приехал, древний ЛАЗ. Хотя какой он тут древний? Новье, только с завода. И, поехали.

Вот вроде второй раз еду, второй раз лететь должен. Но такого волнения никогда у меня не было. Прошлый раз? Это было, как экзамен сдать — на верной "семерке" слетать на станцию, погудеть там неделю и домой. Легко и просто. Относительно конечно — к невесомости только на второй день привык. М-дааа. Автобус повернул, объезжая крайние дома городка. И на горизонте показалась ОНА, та — Которая поднимет нас в Великое Небо. Рукотворная мечта, снежно-белая стрела машины, огромная и прекрасная.

— Пудинг, это Алиса! Алиса, это пудинг... пришла в голову забавная мысль, ляпнул вслух. Юрка тоже улыбнулся.

Да, это не старая добрая семерка, человек на фоне трехкилотонной громадины кажется мурашом. Одно дело рисовать схемы и редактировать чертежи, трогать куски в цехах, потом видеть как она летает. Не всегда хорошо... Провожать братьев-летунов на нее.

А теперь видеть ЕЕ, ту машину, которая должна поднять ТЕБЯ.

Здоровая дура. Нет! Нельзя ее так называть. Большая птица — ты унесешь нас в небо?

Птица молчала. Занята была, жадно впитывая свою кровь — подаваемый насосами жидкий переохлажденный кислород. Ее еда, чистейший керосин, была залита раньше. И двадцать четыре глотки первой ступени ждали начала пира.

Мы выпали из автобуса. Народ, собравшийся на площадке поглядывал то на нас, то на очередного выступающего 'речетолкателя', то на башню белой нашей птицы. Которая Н1 для ученых. Она же 'объект 11А52' для военных. И, в том числе ракета-носитель 'Атлант-3' для наших граждан и всего мира. Да все равно как ее называть — хватит речи толкать. Ох, сочувствовал я Быковскому с Рукавишниковым, их замучили по полной — они-то первыми из наших там были.

А после возвращения было как в басне 'По улицам слона водили'. Ладно, прорвемся — командир просветил, как с этим бороться. Уж у него опыт так опыт. Он-то вообще самый первый.

Ну, наконец-то, 'говоруны' заикались толкать речи. Юра тоже ответную сказал. Не привыкать ему, давно, наверное, научился. А я скромно так прикинулся ветошью и не отсвечивал.

Что-то мне так отсюда куда-то захотелось. Тут и повод, главный — время.

Ага, большой ракете — большой лифт. В кабину уместились не только мы, но и человек шесть стартовой команды. Тряхнуло. Едем вверх. Мелькают на борту птицы всякие лючки, крышки трубопроводов, всякая всячина. Мы боролись за каждый грамм веса — а какому-то деятелю захотелось красивую ручку на техлючках. И сколько их на всю махину? Так, пара тонн наберется. Это же был бы целый десяток-другой килограмм на корабль. Ну ладно, неважно теперь. А кстати — может так удобней? Удобство стартового расчета тоже много значит. Попробуй зимой, под страшным ветром, вися на таях — открутить болты техлюка. Тут все просто, повернул ручку и готово! Да, погорячился я.

И вообще вся Н1, казавшаяся из уже не моего будущего чем-то несовершенным... При большем понимании технологии, ее уровня, соотношений цены и качества — предстала в совсем другом свете. Да, потом сделаем лучше, но на ближайший десяток лет — идеальный предел. Не изуродованная дурацким форсированием, надежная, дешевая, тяжелая в меру — будет рабочей лошадкой долгие годы.

Вот и наш лифт проехал последнюю ступень. За решеткой показалась покрытая толстым слоем теплоизоляции и укутанная испарениями стенка водородного блока 'Фрегат'. С моей легкой руки, или языка — четко разделилась классификация по наименованиям. На то, что поднимает в небо — и то, что дальше работает там. Нет тут у нас носителя 'Молния'. Есть 'Союз' с ракетным блоком 'Молния'. Хотя — давать такое название чахлому и устаревшему блоку? Но всегда можно добавить номер.

А 'Фрегат' велик, семьдесят тонн с лишкой, однако. Но тут закончился и он, лифт начал тормозить. Решетчатые двери открылись, показав длинный коридор и пяток кино и фото операторов. Позади тепло и призывно светился открытый люк в корабль. Надеюсь, ни один не решит 'зайцем' к нам залезть? Оставим там, Робинзоном будет. К счастью, героев не нашлось, кроме нас конечно. Помахав на прощанье руками полезли мы в бытовой отсек — хотя какой он тут 'Бытовой'? Лунный он — потому что там и останется. Спустились с помощью парней стартовой команды в СА, он же 'спускач'. Упали в кресла, пристегнулись. И стали работать свою работу.

Юра тестировал бортсистемы, по командам центра управления. А я откинул защитную панель с клавиатуры БЦВК. Классная машинка, прямая как рельса! Оперативной памяти целый килобайт, проц почти мегагерц. И куча программ прошита в сорока восьми килобайтах постоянной памяти. Я даже туда 'морской бой' затолкал в тихую, оставалась пара 'сантиметров' места — вдруг будет скучно, поиграемся. Ну, это потом, сейчас другое важней. Кнопка 'ПРГ', параметр 100 — тест, проверка всей электронной начинки нашей красавицы. После нажатия 'ИП', она же 'Исполнить программу' индикаторный дисплей моргал секунд десять в унисон лампочкам пульта — и высветил '00-ХОР'.

'- Ага, хорошо тебе? Ну тогда кушай прогу!' - подумал я, нажимая кнопки. ПРГ 001 — она же 'старт'. Центр управления полетом подтвердил готовность и начал сыпать цифрами. Устал нажимать кнопку 'ВП', она же 'ввод переменной' - а также индекс переменной и, особенно, ее значение. С точностью восемь знаков после запятой. Проверяя их по три раза, а то! Хотя — ввести всего пару десятков числ... Идея с 'киберпилотом', бредовая сперва для народа, оказалась весьма 'ХОР'. Не было б тут нас — команды вводил бы этот тупой ящик. Весом как раз килограмм двести. О, наконец-то начал привыкать к нашей новой, особенно для меня, системе. Когда-то я бы написал 'ОК!'.

Ну, вот и все. Ввод завершен. Два тестовых прогона 'ПРГ 100' ошибок не выявили. ЦУП, как ни старался — тоже. Готовы все.

'- Заря, это Кедр — башня уходит' - пробурчал динамик. Хм, еще одно мое нововведение. Большая, стосорокаметровая и страшно дорогая башня обслуживания уползает перед пуском по жд-колее куда — подальше. Этак на пару-тройку километров, чтоб не попасть под раздачу в случае прихода северного пушного зверя большого размера. И это значит — заправка завершена. До начала представления всего десять минут. Ждем-с.

А красиво мы, наверное, выгладим со стороны. Хотя я уже был на полетах 'большой птицы' - так это редкий ночной пуск. Мы в ночи наверняка бесподобно смотримся. Ярко белая стопятиметровая стрела, нацеленная в темнеющее небо и освещенная сотнями прожекторов, струится из дренажных клапанов ледяная дымка... Секунды тикали и такали. И, наконец, подобралась к нулю, ложемент подо мной слегка завибрировал.

'- Есть Зажигание! Предварительная... Главная! Отрыв!!!' По сравнению с древней 'семеркой' прогресс налицо, по крайней мере стартовых команд меньше стало.

'ПОЕХАЛИ!!!' - заорали мы дуэтом.

Ну вот, теперь от нас ничего не зависит. На щите или со щитом — это надо спрашивать безымянных слесарей, токарей, инженеров, электриков, программистов, наконец. Имя им — легион, правда. Нашу птицу водоизмещением с хорошей эсминец делали тысячи людей. Надеюсь я — хорошо!

'- Прошла команда В1 дробь три, есть выход на курс...'

Ух, как не хочет пускать нас в Небо родная планета — цепляя атмосферой своей и гравитацией. Трясет всю бандуру нещадно.

'- В1 дробь 5, тяга 75... Курс норма, угол норма...' - Ага, вот-вот — умный в гору не поперет — он ее взорвет! В смысле мы, как настоящие герои — не будем рвать полную тягу в плотных слоях, а сперва заберемся км так на двадцать вверх.

'- В1 дробь 7 норма... В1 дробь восемь норма! Есть угол...' Тут мне вспомнилось...

'...Чтобы оценить значения этих параметров нужно представлять план полета ракеты-носителя. На начальном этапе, после запуска двигателей РН летит вертикально вверх, до достижения аэродинамической скорости, равной числу Маха $M=0.1$. Начиная с этого момента, начинается управление по тангажу, рысканью и крену - 'Завал'. Этот отрезок длится до скорости $M=0.8$. На нем по определенному закону (парабола отнесенная к функции третьей степени) плавно изменяется угол атаки (поскольку Н1 симметрична относительно продольной оси под углом атаки здесь понимается сумма как собственно угла атаки так и угла скольжения) — плавно нарастает от $M=0.1$ до $M=0.67$ с значением при $M=0,67$ 'В. икс' - максимальному углу атаки (в данном случае 10°), затем к $0.8M$ плавно убывает до нуля. Ось вращения в завале направлена перпендикулярно будущей орбите. По крену осуществляется только подавление вращения. Таким образом, к скорости $M=0.8$ за счет полета под углом атаки образуется некоторое отклонение скорости от вертикали, однозначно определенное максимальным углом атаки. Начиная со скорости $M=0.8$ до скорости и высоты, при которых скоростной напор станет меньше 2 КПа, осуществляется полет с нулевым углом атаки и скольжения. Данный этап обусловлен тем, что полет РН в указанном диапазоне скоростных напоров с углами атаки и скольжения, отличными от нуля вызовет недопустимо большие изгибающие моменты в конструкции за счет бокового обдува корпуса. Т. е. корпус на данном этапе обдувается набегающим потоком только по оси. При скоростном напоре меньше 2 КПа допустимы углы обдува свыше 70° . Во время полета на данном этапе отклонение скорости РН

от вертикали все время нарастает...'

Вот это мы изучали, хотя зачем? Все равно, каким бы ты не был асом — никогда ты не сможешь сам вести ракету в небо. Нет у Человека такой способности... А вот сделать машину для этого — есть!

Машина же отвечала мне бегущими цифрами индикаторных полей - 'ПРГ 001 ИСП В +88с, Высота 35432м, Скорость 1874 м/с, Топливо 1й ступени — 9% '.

'Девяносто секунд, полет нормальный...' - пробурчал динамик.

'Бзззыньь!!!', сказал аварийный зуммер.

'.....!!!', подумали мы одновременно...

Немного трянуло, боковая вибрация пошла, Юра стиснул пальцы на кране САС — в готовности рвануть со всех сил, если зуммер заорет по-другому. Я же оглядывал панели пульта — что случилось?! Мигал оранжевой лампочкой КОРД. Контроль работы двигателей, многострадальная 'монстра', кошмар программистов и ракетчиков. В динамиках раздался многоголосый шум.

— Кедр, что там? 'ХШБРГУВМЯ!!!' - ответил шлемофон кучей голосов разом, следом раздались неразборчивые маты. Потом, наконец, шумы посторонние разом отключило. И родной голос 'Кедра' ответил.

'- Взрыв турбонасоса седьмого. Осколками побил шестой. Девятнадцатый и восемнадцатый отключил КОРД. Все остальные гудят. Полет продолжаем!'

Не хочется мне что-то проверять качество работы системы аварийного спасения. Будем надеяться, проблем больше не будет...

'- Есть В1 дробь 12! Есть отделение! Есть В2 дробь 1!'

Неплохо трянуло — включились моторы 2й ступени, через секунду после выхода на полную тягу пироболты отстрелили первую ступень. Хороший пендель. Вот, наконец, бандура первой ступени кончилась и пошла вниз... М-да, лучше сейчас ничего не придумать и сделать не было возможности. Но двадцать четыре движка, каждый со своим турбонасосом как-то нервируют. И не зря — надежность любой сложной системы прямо зависит от суммы возможных неприятностей. Что мы и почувствовали только что.

— Вэ130, — сказал я. Прошли две минуты работы первой ступени, сжегшей больше полутора килотонн топлива и миллионы нервных клеток, теперь гудела многократно проверенная вторая и моргал зелененьким КОРД. Система аварийного спасения стала лишним грузом

— Принял, — ответил Юра. Подняв тяжелую из-за скафандра и перегрузки руку, откинул защитный щиток с кнопки, нажал. Нас опять трянуло — сперва улетела башня САС, которой, к счастью, сегодня не пришлось поработать. Через пару секунд пироболты разрезали, а движки раскинули в стороны головной обтекатель. И к нам в иллюминатор засветило Солнце.

Дальше все было тихо, относительно конечно. Мерно гудели двигатели, бежали цифры на дисплеях, перемещался по кабине солнечный зайчик. На высоте полторы сотни километров, в конце четвертой минуты отделилась вторая ступень, её восемь движков сработали без сбоев. И

снова нас тряхнуло. Перегрузки уже практически не было, третья ступень мягко добирала скорость до орбитальной. Индикатор высоты прекратил безумный бег цифр и почти замер. Носитель время от времени заметно качался, на последних секундах вообще опустил нас носом вниз, и Солнце в окошке ненадолго сменила Земля. Бортовой комп, старательно помаргивая индикаторными полями, формировал нужную орбиту. Пока еще не круговую — здоровенная бандура третьей ступени должна рассыпаться красивым метеоритным дождем в заданном районе Тихого океана.

Наконец двигатели стихли, наступила оглушительная тишина... И пришла она — прекрасная и коварная, её Величество Невесомость. Все тело стало воздушным, а вот гадский желудок чуть все не испортил, подпрыгнув к горлу. Наверное, захотел наружу прогуляться, видами полюбоваться... 'Фиг тебе', судорожно сглатывая, подумал я.

Итак, что мы имеем? Высота норма — 170км, как и заказывали. Угол наклона тоже норма. Ого, сколько в баках последней ступени топлива осталось! Да, с новой системой управления теперь можно, наверное, на все 90 тонн полезной нагрузки рассчитывать. А мы-то в восемьдесят пять старались уложиться... Жаль, нельзя второй раз ее движки запалить — не предусмотрено конструкцией.

— Юр, отделяй бочку.

— Да, она свое дело сделала, — лениво буркнул и щелкнул тумблером. 'Банг!' - сказали пироболты. Еще через минуту в строго рассчитанный момент врубил ненадолго моторы борткомп. Все, орбита круговая, — БЦВК, пораскинув электронами, выдал на пульте расчетные параметры и гордо сменил статус на 'ПРГ 001 ХОР'. Только таймер полетного времени тикал, +545, 546... Всего девять минут с копейками прошло, пока мы, разгоняясь, пролетели тысячи километров. Ну а теперь продолжаем движение, строго по законам физики пытаюсь упасть назад на Землю — вот только на скорости двадцать восемь с половиной тысяч километров в час постоянно промахиваемся мимо...

— Кедр, я Заря. Орбита расчетная. Все системы корабля в норме, самочувствие экипажа хорошее, — открыв забрало спасскафандра должил вниз, на Землю, командир.

В шлемофоне раздались крики и аплодисменты. Выслушав многочисленные поздравления, уточнили время приема параметров разгона — пообещали через полчаса.

Юра начал строго по плану тщательно проверять все системы корабля, сверяясь с Центром управления. Ну а я в это время спокойно отстегивал перчатки спасскафандра. Предстоит много точной работы — по расчету до начала выхода на лунную трассу два часа. За это время надо запрограммировать железяку уточненными данными, которые, высунув языки, на Земле считают и трижды перепроверяют. Я тоже их трижды перепроверю — мне не влом. И поехали - 'С/СП', 'ПРГ 010', 'УСТ'... Очень похоже, как я в детстве, в далекие с какой стороны не посмотри восьмидесятые, играл на программируемом калькуляторе в 'Лунолет'. И не думал даже тогда, что удастся это сделать в жизни...

За работой время пролетело незаметно. Я уже заканчивал последние сверки контрольных сумм, командир свои дела закончил чуть раньше. И, пользуясь моментом, любовался на вид из иллюминатора.

— Вова!

— Ау?

— Вижу нашу станцию, красиво!

— Ага, она идет чуть выше и в стороне. Как раз при разгоне мы ее догоним.

— Так это что, специально?

— Точно, баллистики пуск рассчитали по просьбе Центрального телевиденья. Нас сейчас оттуда ребята в телескоп снимают — улыбайся.

— Ха, сейчас пару ласковых им скажу...

— Не, Юр. Только после выхода на траекторию. Сейчас все каналы заняты.

Командир понял, что потрындеть с парнями перед стартом ему не дадут и заскучал. Впрочем, долго он спокойно сидеть не мог и достал из ЗИП-а подзорную трубу. Да ладно, он хоть и пилот — но сейчас ему делать нечего. Его навыки пригодятся в другом месте. Так что, пока он пялился в шайтан-трубу то на станцию, то на Землю я спокойно доделал свое дело.

И снова перед глазами тревожно моргают светодиоды, неотвратимо отсчитывая время до старта. Теперь уже с привычной, можно сказать насиженной, околоземной орбиты. Туда, где нет рядом родной Земли. Туда, откуда уже иногда не возвращались...

Мягко, почти бесшумно, загудели водородники. В кресло вжало, но совсем чуть-чуть. Какая перегрузка? Мы весили сейчас всего треть от земного. И постепенно быстрее и быстрее стали прибавляться метры в секунду на индикаторе скорости.

До Второй Космической кочегарили больше двадцати минут. Наконец скорость достигла расчетной и двигатели плавно утихли. Впереди трое суток в пустоте и почти безделии. Всего то надо коррекцию посчитать и выход на орбиту. Хотя зря я так говорю, большую часть сделают там, внизу — опять попугаем буду цифры повторять. Но в теории, при полном отсутствии связи пришлось бы считать самому... Ух, надеюсь, это не потребуется.

Отстегнув ремни, мягко всплыл над ложементом.

— Вов, куда намылился?

— Толчок разконсервлю, приспичило.

— Ааа, скажи там, если кто придет — я за тобой занимал!

Да, если бы летели полным экипажем, втроем... А так, тут до ближайшего желающего тысяча километров. И он, бедняга, все дальше и дальше от нас. Или мы от него?

Вот за что все Юру любят — за принцип 'будь всегда веселым'. Ни минуты без шутки. И это здорово!

Повозившись с кремальерами, откинул переходной люк и уплыл в бытовой, заниматься своим грязным делом. И не надо опять задавать идиотских вопросов - 'как Это можно делать без Веса?', идите лесом...

Короткий остаток первого дня прошел тихо и спокойно. Я общался с ЦУП-ом, уточняя коррекцию, Юра болтал со станцией, где все завидовали нам белой завистью. Говорили — очень красиво мы в полусотне километров от них на полной тяге промчались! Развернули корабль с ракетным блоком по Солнцу и стабилизировали, на теневой стороне 'Фрегата'

открылись его паруса — радиаторы системы охлаждения. Там еще много жидкого водорода осталось. А он не хочет долго оставаться жидким и его надо уговаривать — охлаждая, аж до -253 градусов. Несогласный со столь суровыми условиями водород соединился в химическом реакторе с кислородом, давая нам энергию и превращаясь заодно в воду для испарительной холодильки. Солнечные батареи мы разворачивать не стали пока, рано еще.

А спать в невесомости, если привык к ней конечно — кайф! Я дрых в бытовом, натянув гамак так, чтоб окошко на теневой стороне перед лицом было. Закрыл солнечное шторкой, потушил освещение — и любовался далекими звездами, пока глаза сами не закрылись...

Сон был как в детстве, я летал. Проснулся — точно! Гамак плохо закрепил или ногами дрыгал сильно, теперь меня вентиляцией по отсеку кружило. Зато выспался отлично. Глянул в спускаемый — Юра уже проснулся и тихо разговаривал по радио. Судя по интонации не с начальством, а с любимой женушкой.

— Куку! — сказал я, свисая из люка вниз головой.

— О! Вот и Вовка проснулся... Тебе привет!

— Пасиба! Ты пока болтай, а я завтрак пошел готовить.

'Так, чтоб такого скушать нам хорошего...', подумал я, возвращаясь в бытовой. Еды у нас было на месяц с лишкой, притом что сам полет — всего две недели. Тоже на всякий пожарный. Зато мы могли выбирать что, и как есть. На месте вообще по-человечески из тарелок кушать будем. А сейчас выбор был ограничен фактом что еда, оказывается, тоже любит летать! Поэтому, не долго думая, затолкал в микро-микроволновку по паре тюбиков на нос, один с борщом, другой со страшной на вид, но весьма вкусной бурдой. Представляете себе аппетитный вид отличного жаркого с гарниром? А теперь представьте его после попадания в мясорубку — ага, и с гарниром тоже. Вот-вот, неаппетитное зрелище. Но мы на него смотреть не будем, мы его просто съедим.

— Кушать подано, садитесь жрать, товарищи!

А потом, сытые и довольные, занялись шоу-бизнесом. Я работал оператором, летая летучей мышью по отсекам следом за Юркой. Ну а он работал клоуном — серьезный ролик для взрослых и детей превратил в цирк! Весь вес личного багажа ухнул на магнитофон с веселыми песенками — теперь эта дура летала по кораблю, орала и пыталась меня стукнуть, причем всегда по затылку... Юра шутил по поводу и без повода, описывая корабль и наш быт, игрался с водой и жратвой. Минибутербродик оказался внутри большого пузыря апельсинового сока и был торжественно им проглочен. Показывая Землю в окошке, поработал синоптиком. 'Ого, какой ураган идет на штат Флорида! Камрады астронавты на Земле! Держитесь за шляпу — у вас может улететь крыша...' Глядя на это веселое безобразия, у меня в голове закрутились слова одной песенки - '...А я похож на новенький Икарus — у меня такая же улыбка!'

Как ни странно, все остались довольны — даже наградили орденом и сказали, что крутили по ЦТВ в прямом эфире. Наконец шоу закончилось. Дальше все было как обычно — рутина. Я окончательно утряс с Центром параметры и время коррекции, по плану включились и немного погудели движки. Потом еще трое суток мы скучали, отсыпаясь впрок.

Проснувшись в очередной раз, глянул в окошко и офигел! Огромная, выпукло-рельефная, Луна заняла полнебосвода и заметно увеличивалась с каждой минутой. 'Ехали-ехали, наконец, почти приехали...'. Наступил главный день. Разглядывать пейзажи хотелось еще, но было некогда — еще раз все проверить надо, свернуть паруса Фрегата, развернуть корабль и

приготовится к торможению. На все всего лишь час, так что завтракать будем уже на орбите. За этими заботами время пролетело быстро, теперь-то можно в окошко посмотреть? А фиг тебе, смотреть-то и не на что, летим над ночной стороной уже... Зато в районе цели, окраины кратера Тимохарис сейчас раннее утро — гораздо удобней садится, когда каждая яма и булыжники отлично показывают себя тенями. Так что опять сидим и пялимся в отсчитываемые компом секунды. И вот, вновь загудели движки, переваривая оставшиеся тонны топлива, кожей чувствовались проносащиеся всего в тридцати километрах под нами горы. Торможение завершилось, мы отстрелили верный Фрегат, свою работу он сделал на все сто. И у него осталась только одна, последняя команда — ценой жизни послужить науке. Развернем сейсмодатчик, предупредим штатников, которые свой воткнули раньше — и он получит последний приказ, тормознув остатком топлива поработать метеоритом...

Ну ладно, теперь пора нам идти на свидание. С какой красавицей? Не, совсем это не красавица, а двадцатидвухтонная бочка ядовитой гадости — пентаборана и перекиси водорода с движком, зовется 'Бурлаком' и дожидается тут нас. Чтоб стащить вниз, а то. Я запрограммировал выход на рандеву сидя в спускаче, Юра полез в бытовой, к блистеру управления стыковкой. Вот тут-то и началась его настоящая работа, а то бездельничал всю дорогу, подрабатывая клоуном на полставки. Да, вот бочка показалась, кстати, здорово похожа на штатовский Аполлон — и внешне, и габаритами. Скороговоркой докладывал параметры, сверху время

от времени раздавались мягкие хлопки движков ориентации. Не самого корабля, а ДОК-а, двигателей ориентации комплекса. Домой мы их не повезем, пускай сейчас поработают. Юрка состыковался идеально, с первой попытки, но все равно трянуло нас здорово. Еще бы, две таких тяжелых бандуры поцеловались — это не к станции цепляться, которая от тебя еле колыхнется. На Земле за нас порадовались и назначили время спуска, почти через три часа. Луна намного меньше и легче Земли — там виток девяносто минут, а тут два часа с лишкой. Теперь-то можно наконец пожрать и поглазеть ф форточку...

А смотреть тут было на что — целый мир, чужой, мертвый, но красивый. Горы, кратеры всех размеров плыли за окном. И цвет не такой пепельно-серый, как кажется с Земли. Оказалось тут куча разных оттенков, Луна разноцветная, однако! Причем глаз видел гораздо больше, чем телекамера, только качественная фотопленка может сохранить часть этого великолепия. Отхлебывая суп из тюбика, глядел в окно пока снова не наступила ночь.

Час ничегонеделанья — все проверено и сосчитано, корабль сориентирован, теперь Бурлак смотрит своим задом с дюзой движка вперед и готов к работе в срок. О, мы снова на солнечной стороне — но еще над обратной стороной планеты, из всех людей в мире лишь пятнадцать могут похвастаться, что видели ее своими глазами. А вот и самое прекрасное зрелище — восход Земли. Впервые его увидели Лешка с Олегом почти три года назад. Как все тогда завидовали им... Но это значит, что осталось десять минут до начала самой веселой и опасной части нашего приключения. Время готовится к десанту.

Юра закрепился стоя за пультом в бытовом, перед самым большим окошком, разрисованным рисками углов и высот, я пристегнулся в спускаемом и тоже готов к работе. Загудел Бурлак, сталкивая нас вниз с орбиты. Он будет тащить нас до высоты в пару километров и почти полностью погасит скорость, сотню-другую метров в секунду мы и сами одолеем. Я повис на ремнях, тяга то отрицательная от нормали пошла. Командир, бедняга, вообще головой вниз висит.

— Ты как там, живой?

— Пока да...

— Высота двадцать пять, скорость полтора, норма!

— Долго еще?

— Минут пять потерпишь?

— Ладно, уговорил...

Мне тоже было хреновато после трех с лихуем суток невесомости, но полегче, чем ему. Не зря так мучают космонавтов на тренировках... И продолжали бежать цифры на индикаторах — теперь в сторону уменьшения. Мотор "Бурлака" забулькал, глотая последние капли горючки.

— Высота двести, скорость стопицпад на пять, отделяю бочку.

— Готов! — заорал Юрка. Я даванул кнопку и отстрелил стыковочный узел целиком, зачем он теперь нужен? Аварийная стыковочная решеточка у нас осталась, однако, на всякий. Командир немедленно взял управление на себя, тут уже пошла настоящая старая добрая пилотская работа — никакой компьютер не сможет выбрать подходящее место посадки, а не свалится в яму или не уткнется в большой кирпич. Защелкали рулевые движки, корабль начал переворот. Радар радостно нащупал лучом хоть что-то кроме пустоты — и начал давать истинную, а не расчетную высоту и скорость.

— Двести, стосторок на пять...

— Вижу!

Да, пока у него есть время смотреть по сторонам и на пульта, комп контролирует тягу двигателя по положению РУД-а, похожего на привычный самолетный, только крохотный совсем. А быстро и понятно говорить друг другу цифры мы специально учимся на тренировках. Высота, скорость горизонтальная и вертикальная. На Луне привычные пилотские навыки плохо работают, атмосферы то нет! Глаз не может зацепиться за ориентиры — совершенно непонятно, например этот камень размером с дом или с чемодан.

— Одинпятьсот, девяносто на десять.

— Вован... — неожиданно спросил Юр.

— А? — шокированный нештатным (не вовремя, за каждую секунду мы падаем на десяток метров) обращением спросил я.

— Тут наше железо не падало?

— Нет, я бы знал.

— А амеры?

— Вроде тоже нет.

— Мля...

И тут корабль резко наклонился движками вперед и вбок, а ручку управления двигателем Юра

тоже потянул на себя. На дисплее вертикальная скорость полезла вверх — а горизонтальная к нулю...

— ТыШоТворишьАсХренов!!!

— Кедр, я Заря! Вариант 'ЗЮ'!!!

Шлемофон, до этого молчавший, взорвался десятком голосов разом. Их перебил голос Главного ' — Ребята, работайте по варианту', потом видать микрофоны в ЦУПе обрубил — нам не мешать. Что такое вариант 'З', он же 'зю'? Когда его вписывали в полетные планы — хохмили, как могли. Расшифровывается как 'зеленые человечки / крокодильчики / чертики'... Воткнули на всякий пожарный. Теперь, в устном радиообмене мы не будем это упоминать — мало ли кто пишет радиопереговоры. Все сообщения по теме будем отправлять шифром, под видом обычной телеметрии. Ну а пока надо просто сесть, а не грохнуться!

— Где? — спросил я. Секретность секретностью — но хватит ли у нас горючки долететь до того, что углядел глазастый наш пилот.

— Триполовиной юговосточней точки...

— Принял. От блин, можем не дотянуть. Точнее дотянем — а домой на чем лететь? Тут заправок нет.

— Одинсто, десять на восемь...

— Один, ноль на десять.

— Нольдевятнадцать, двадцать на десять. Юрик теперь наклонил наш пепелац носом вперед и снова набирал скорость.

— Нольвосемь, пятьдесят на десять... Нольшесть, восемьдесят на десять... — продолжал я диктовать цифры, с тревогой глаза на топливомер.

— Нольтри, восемьдесят на десять... Падай, пора!

— Еще немного!

— Нет. Сорок секунд!

— Принял... — Пробурчал Юра. Если выжрем топлива сверх нормы сесть то сядем, но потом останется только выйти на орбиту и голодать, ожидая — успеют или не успеют послать спасательную экспедицию.

— Нольдва... Сто... Девяносто...

Высота падала, а горизонтальная скорость была еще большая. Мы неслись как истребитель на бреющем!

— Гаси горизонталь.

— Успею!

Вот блин, упрямый... Не успеет погасить — размажет нас по поверхности, полетим кубарем. Ох, не вовремя я это вспомнил — предсмертные вопли астронавтов Аполлона-10, когда они

кувыркались в взбесившемся при старте взлетном модуле. Жаль бедняг, не охота их судьбу повторить.

— Гаси, мля! Двадцать секунд остаток.

— Принял...

Корма корабля повернулась вперед и цифры горизонтальной побежали вниз.

— Пятьдесят, тридцать на восемь...

— Сорок, двадцать на семь...

— Тридцать, пятнадцать на семь..

— Двадцать, десять на пять...

— Одинпять, пять на три, одиндва три на два, одиннольдванадва, девятьнадва, семьньполтора, шесть, пять, четыре, три, два... Касание!

К дружному воплю восторга в шлемофоне присоединился наш дует. И хлопки прижимных движков, не хватало еще отскочить от поверхности и опрокинутся...

— Фух, — откинув забрало гермошлема, вытер я лицо. Ничего себе, и когда я успел так вспотеть? Вроде лежал себе спокойно в ложементе, циферки диктовал... Сверху послышалось шебуршание, клацанье пристежных ремней и показалась довольная юркина Лыба.

— Ну ты даешь, летчик-ас...

— А то, могём!

— А это ты видишь! — показал я ему пальцем на приборы. — Горючки осталось по расчету на девять секунд...

— Ну, так сели ведь!

— Это радует... — пробурчал я. Мы посмотрели друг на друга и весело заржали. Ух, главное то — мы на Луне, братцы-кролики! Не сговариваясь, бегом полезли вверх смотреть в окошки...

А смотреть то было почти не на что. Та группа скал, которую нашел Луноход и сильно возбудил этим наших геологов, осталась там, где и положено — на месте. То есть где-то далеко за горизонтом, вместе с самим луноходом. Таинственную фигию тоже не видать. Вокруг был обычный пейзаж. Лунный, естественно.

— Слышь, а тебе не померещилось?

— Не, зуб даю! Какой-то хлам валяется, около километра не дотянули просто.

— Ясно. Давай доклад в ЦУП, я пошел тестить.

Проверить действительно надо, посадка была все-таки жестковатая. И, становится аборигеном тут пока не хочется, как-то совсем. Пока я поверял корабль (ух, порядок), Юра поговорил с Землей и спустился ко мне поделится новостями. По измененному плану мы через час

выходим и втыкаем флаг. Дальше ставим приборы научных, лезем назад и дрыхнем. Пока мы всем этим занимаемся, 'танкисты' быстро-быстро гонят свою тарантайку, Луноход которая, сюда. А потом нам еще что-нибудь придумают. И мы даже знаем что, только по радио не обсуждаем.

— Все ясно, айда доспехи обувать.

Выходной скафандр не чета тряпичному спасательному. Это космический корабль в миниатюре, разве что движков на лунной модели не ставят, ножками прыгать будем. И парочка таких танков у нас как раз завалилась в чуланчике. Мы полезли наверх, покидали вниз еду и кое-что из оборудования, боящегося вакуума, задраили люк в спускач. Проверили герметичность, есно. И начали одевать доспехи. Хотя одевать — громко сказано! Ранец СЖО, запас нашей жизни, откидывается в сторону как дверь, через которую и надо попасть внутрь. Пролезли, захлопнули друг другу дверцы. В отсеке сразу стало тесновато — одевая скафандр я, например, всегда чувствую себя большим белым медведем. Откачивали воздух, пока насос тянул, остаток просто стравили. Юрка приготовился открыть люк...

— Хорошо подумай — ничего не забыл? — спросил я насмешливо.

— А что я мог забыть?

— Флаг, балда! Тебе ж его втыкать.

— О! — только и смог сказать он, снял с держателя большую красную палку и засунул в ножной карман. После чего, наконец, открыл люк. Хоть и довольно широкий, но пролазить в него все равно неудобно, скафандр большой и жесткий. Командир ногами вперед пошел вниз, нащупывая ступеньки лестницы. Наконец добрался до площадки на взлетно-посадочной ступени.

— Вовка, давай!

— Лезу! — бодро ответил я. И полез. Пока спускался, перед глазами была только магниевая лесенка и ЭВТИ корабля, зеленая фольга верхнего слоя теплоизоляции. Вот ноги нащупали площадку — смог повернуться и, наконец, увидеть чужой мир своими глазами. Бугристая из-за кратеров равнина медленно повышалась на север, мы у подножия большого кратера - 'цирка' Тимохарис, относительно молодого прыщика на поверхности. А те скалы, которые теперь геологам не достанутся, скорее всего прилетели сюда из кратера. Когда небольшой астероид попал, как атомная бомба — точно в свой эпицентр! Хотя и тут больших булыжников хватает, вон метрах в ста кирпич размером с микроавтобус. Ненасытные умники конечно больше обрадовались бы посадке в сам кратер, но не все коту масленица. Пусть попробуют сперва туда Луноход очередной уронить, да не разбить при этом. И пусть он там поищет площадки да маяки понатыкает... Ничего необычного впрочем, тут не было видно.

— Ну что, спускаемся дальше?

— Ага... Мы по второй, совсем короткой лесенке слезли на большую круглую тарелку посадочной лапы.

— И раз, два, три, прыг!

— Приехали!

Нас поздравили с прибытием, посетовали на отсутствие картинки с Лунохода, который

телевизионщики полюбили использовать как папарацци. Пока им приходится довольствоваться стационарной камерой корабля. Вот, под ее ясным взором Юра начал флаговтыкание. Раздвинул телескопическое древко, развернул толстую алую фольгу с золоченым серпом и молотом. Я всю щелкал фотокамерой. Гордо воткнул в грунт заколыхавшееся знамя. Вскинул правую руку к гермошлему.

'ПаБаммм...' - зазвучали фанфары! И, следом - 'Союз нерушимый...'. А колыхающийся до сих пор по инерции флаг начал медленно, но неумолимо наклоняться.

— Падает!

— А? Реакция была мгновенна. Схватил древко левой рукой и, как ни в чем не бывало, продолжил стоять с гордым видом. Ну ас! Кстати, так даже красивее получилось, сделал еще несколько кадров.

Потом, после положенных по плану речей и поздравлений, достав геологический молоток, пошел я забивать флаг. Героически удержанный все двадцать минут дурацкого трепса. Или начальники на Земле не в курсе, что тут дышать нечем? Не докладывали наверно...

Потом была просто работа. Забрались на корабль и развернули, наконец, панели солнечных батарей — автоматически они могут открыться только раз, и сделают это после старта домой. Отцепили контейнеры с приборами и расставили подальше от корабля, следя чтоб не попали под маршрут будущего взлета — сдует выхлопом на йух. Интересно, как быстро течет время в скафандре, четыре часа пролетели совсем незаметно. А образцы собирать пока не стали — мы не американцы, которые дольше полутора суток не сидели и сразу хватали что попадет. Не, мы тут надолго и у нас даже своя буровая есть — причем на колесиках. И ее мы тоже не трогали, пускай Луноход таскает, потом просто пройдемся и пособираем керны.

Забрались на площадку, достали щетку и пылесудв. Да-да, не пылесос, сосать то тут нечего. Почистились, дабы не натащить внутрь всякой гадости. Лунная пыль такая фигня, хуже пчел... Все равно, что мелкомолотое стекло вдыхать! Залезли, поставили скафандры на дозарядку, сами подзаправились — сил много работа снаружи отнимает и жрать охота зверски. Ели из тарелок, как белые люди. Завалились спать, точно по плану, а то. Этот длинный-длинный день закончился.

'...По выжженной равнине, за метром метр, идут по Укра...' Ой! Нет, не так, лучше -

'...По выжженной равнине, за метром метр, идут простые парни, отряда Центр!'. В смысле, отряда космонавтов. Не, хреновый из меня поэт.

Шаг. Вдох. Шаг. Выдох. Шаг. Вдох... Пот заливал глаза, дышать было тяжело. Система кондиционирования отлично работала... Почти! Никто не предвидел, что придется столько идти по прямой, под палящими солнечными лучами, и одна сторона скафандра раскалится неимоверно.

— Привал.

— Ух, пора!

Мы упали в тень лунохода, стали не спеша охлаждаться. Наклонив все еще потную голову, поймал губами мундштук. Десять капель холодного сока, божественный нектар!

— Долго еще?

— Метров триста, корабль за тем пригорком.

Да, в скафандре не только время воспринимается по-другому. Расстояние тоже. Что такое пройти всего девятьсот метров? Раз плюнуть... Но не когда на тебе тяжелый скафандр, а снаружи пустота. Рукава и штанины расперты внутренним давлением, каждое движение с усилием делать нужно. Да, вешишь ты тут в шесть раз меньше, но! Вес меньше, а масса-то та же осталась — и инерция в придачу. Вот построят тут когда-нибудь спортзал, с атмосферой естественно. И будут тогда показывать чудеса ловкости и прыгучести, ага в трико — не в скафандре. Так что умотались мы сильно, отшагали километра два уже.

С утра, пока мы завтракали, наши танкисты проехали оставшееся расстояние и припарковали тарантайку рядом с кораблем. И действительно, почему мы не едем на Луноходе? А вы его видели вообще? Не по телевизору, в живую. Он же маленький! Размером с запорожец, даже чуть меньше, на хрупких колесах, утыканный антеннами и камерами. А сзади у него изотопный генератор торчит. На полонии, фонит так, что данунафиг! В случае необходимости один на нем еще уедет, двое — нет. Вот нормальный луномобиль у нас давно уже готов и на тренировках мы на нем всю гоняли. Только в этой экспедиции ученые впарили на его место буровую, дальних прогулок по плану не предвиделось. Кто ж знал.

А вот грузы он у нас повозит. Мы привычно оделись, вышли — и накидали ему на крышу всякой всячины. В основном все инструменты, пару аварийных баллонов от спасскафандров — лишние полчаса жизни. И пошли.

Взобрались на пригорок — а впереди еще один оказался. Мля. Догадываясь, что на обратном пути мне будет не до этого, повернулся назад и отщелкал пару кадров. Маленький, одинокий и сиротливый посреди бескрайней безжизненной пустыни, островком жизненного тепла стоял наш корабль. Красиво!

Топать, если Юрик не врет, нам около километра. Мы, пока еще бодро, попрыгали вниз по склону, луноход послушной собачкой поехал за нами. Можно конечно пошутить над танкистами, завести его за собой в ловушку — но по возвращению они с умниками передерутся за право первыми бить нам морду... Не стоит, в общем.

Взбираясь на пригорок было уже не до прыжков, приходилось, с трудом сгибая колени, пыхтеть. Тут еще одна гадость себя всю показала. Реголит, лунный грунт — скользкий, зараза. Вес, следовательно сцепление, меньше. В общем идти так же весело, как по замерзающей слякоти. Тот же удовольствие, особенно в гору...

Но нет таких крепостей, которые мы не запинаяем. И, наконец, мы на вершине! Юра взял подозрительную трубу с прикрученным к ней раструбом проецирующего устройства. К глазу-то ее приставить тут можно всего один раз, первый и последний.

— Вижу.

— Где?

— Там, на два часа левее от большого булыжника.

Я посмотрел в указанном направлении, что-то там точно блестит, и не одно.

— Ну, потопали...

Шагать осталось нам всего метров триста. Так, считаем — сюда мы шли полтора часа, осталось минут двадцать, округляем — два часа дорога. Жизни у нас на шесть часов было при выходе. Значит, всего часа полтора можем на месте работать, полчаса на всякие случайности резерв. И два баллона 'последнего желания' на драндулете едут.

До первой блестяшки добрались на перегонки, успел первым все-таки я! Ууу, это клочок ЭВТИ! Экранно-вакуумная теплоизоляция, такая же укутывает наш корабль. Жаль, а я-то думал... А тут какая-нибудь наша железяка грохнулась, и из-за этого весь геморрой.

— Вов, на цвет глянь!

— Ну и что цвет?

— У нас какой?

— Зеленый, белый... А у ам... этих — иногда золотой. Тут медный!

— Вот-вот, пошли дальше.

— Ты понимаешь, что это значит!!! — Продолжал кипятиться Юрик.

— Да понимаю, понимаю, не тупее паровоза...

На самом деле о чем-то думать не хотелось совсем — сижу себе, гудящие ноги в спускач свесил, никого не трогаю. Кушаю потихоньку, дрожащими ручкам. Вернусь домой, найду того горе-конструктора и приблю. Какой умник решил, что на шесть часов для питья хватит пол-литра?! Обую на него скафандр и заставлю бегать...

— Да ничего ты не понимаешь!

— Ну что такое? — Устало пробурчал я...

— Да нас дома в карантин теперь засадят. Сунут в 'тимку' и год будут нас медики пытаться!

— С чего вдруг, тут все стерильное, никакая зараза не выживет?

— Ага, это мы так думаем. А я змеев этих хитрых знаю, все норовят тебя разобрать на запчасти!

Ну, это теперь меня мало волновало, тут разом отпали две великие проблемы ученых - 'есть ли жизнь на Марсе' и 'есть ли еще где-то такой же умник?'. Первая — теперь уже за неактуальностью. Ну, карантин, ну посидим... А вот умники, оказывается, водятся. И мы их тоже когда-нибудь найдем, поймем — и сразу посадим в карантин!

Там, когда увидели в первый раз, вообще ничего понятно не было. В небольшом кратере, скорее длинной борозде, лежал просто какой-то мусор. Клочки изоляции, куски обшивки были разбросаны в живописном беспорядке. Долго пытался представить в уме бывшую форму этого набора запчастей, фотографируя попутно со всех сторон. Ничего похожего на двигатели, кабину или там приборы разбитые не было видно. Судя по исковерканным шпангоутам и чему-то похожему на торцевой люк... Да на контейнер похоже, который пароходы по морю, а поезда по суше таскают! Вот только ни одному начальнику транспортного цеха не по силам

закинуть подобный ящик сюда — и укутать вакуумной изоляцией тоже.

И последнюю точку поставила табличка. Наверно на ней написано то же, что и на земных собратях — год выпуска, вес, объем... Вот только прочитать ее мы не смогли. Написано было всякими закорючками, хотя иногда встречались привычные знаки. Но это уже ничего не значило. Алиены, тудыхукачель!

Которые, значит тут понимаешь, летали и сундук свой потеряли. А паспорт у них есть? И разрешение тут мусорить. Это нам можно закидывать сюда всякую фигню — моя Луна, что хочу то и делаю.

Закончив съемку мы молча, говорить не хотелось совсем, пошли ворошить эту помойку. Да, точно контейнер, пустой. Но вряд ли стандартному земному нужны стыковочные крепления и всякие кабели, а так же гермодверь на болтах. Я долго пытался отковырнуть один, пока не понял, что крутить то надо в другую сторону...

Время поджимало. Побросав почти все инструменты таскали разный хлам на луноход. Пока бедняга не просел, на хитрых, но имеющих свой предел нагрузки решетчатых колесах. Да и вообще, жадничать сильно не получается, больше пары сотен килограмм мы домой увезти не осилим, горючки много пожгли.

Какая буровая, какие керны с геологами? Теперь сюда паломничество целое будет. Может и 'Ермак' тут опустят и соберут, обшарить окрестности получше. А воякам придется раздваиваться — шпионить то теперь придется и за Луной тоже. Те карты, которые у нас сейчас есть... Да там стадо слонов не заметить легко, разрешение пятьдесят метров на точку максимум. К тому же Земля приказала немедленно готовится к старту. Сразу мы, конечно, не полетим, отдохнуть надо сильно. Без задних ног упали где попало. И сон тоже был тревожный...

Утром в крайний раз пошли наружу. Запаковали в металлопластиковые пакеты инопланетянский мусор, запаяли. Забросили в корабль, закрыли крылья солнечных батарей. Юра сразу полез вверх.

А я посмотрел в небо — для этого пришлось, ухватившись покрепче за антенну, сильно наклониться назад. Там светила прекрасная, бело-голубая планета. Наш дом, хрупкая песчинка в бескрайней вселенной. Действительно, наша Мать! И что привезут домой ее сыновья — горе или надежду? Никто сейчас не скажет.

Упал на одно колено в серую пыль, провел руками в чужом песке — он привычно, как в детстве у моря, зашуршал в ладони. Миллиарды лет сюда падала всякая всячина — осколки других миров, взорвавшихся тьму лет назад звезд. Вы в курсе, что наше тело состоит полностью из таких осколков? Мы все инопланетяне по факту. И были когда-то частью древних звезд...

'...Солнечный день — в ослепительных снах... Звездная пыль — на сапогах!'

И высокая в небе Земля зовет меня в путь.

Подобрав камушек покрасивее, поднялся с колен и полез на площадку, отряхиваться. В отличии от Юры не брал я личного багажа, совсем. Отщелкнул нижнее крепление, взобрался — пнул лесенку ногой, закрыл люк. Спустили и закрепили находку в спускаемом, сложили в бытовке все ненужное, оставив пищевой рацион на трое суток. Закрылись.

Все уже введено и посчитано — осталось нажать пару кнопок. Я нажал первую и последний

отсчет затикал. Заревели движки, корабль пошел на взлет. Немного подождав, Юра нажал вторую — сверху раздался грохот, и наш летающий домик сразу стал однокомнатным...

Через пару минут отстрелилась посадочная ступень, через десять — баки. Еще через пять мы просто летели домой. От большого корабля остался крохотный мотылек, меньше пяти тонн. Тесновато теперь нам было, но потерпим.

Ничего интересного в эти три дня не было — у нас. Дома наверняка все сходят с ума и готовят очень-очень теплую встречу. Любовались по очереди растущей Землей и уменьшающейся Луной, время пролетело быстро.

Родной мир тоже приготовил нам жаркую встречу, точнее атмосферу. Я, сплюснутый некислей перегрузкой, снова скороговоркой сыпал цифрам. Юрик, вцепившись в джойстики, рулил. А в форточках полыхала плазма — огненным метеором промчались мы над Южным полюсом, порадовав пингвинов и полярников фейерверком. Выскочили над Мадагаскаром снова ненадолго в пустоту, чуток остыли. И начали падать, теперь уже окончательно. СовСоюз большой, промахнутся — надо сильно постараться!

В конце концов, был гулкий пинок движков мягкой посадки под и так уже болящий зад. Касание. Капсула спускача покачалась опасно, но на бок таки не свалилась. Ух, хорошо — в прошлый раз мы втроем висели вверх ногами полчаса... 'Приехали', сказал привычное Юра и усталой рукой отстрелил сделавшие свое дело купола парашюта.

А вот в карантин нас таки посадили. Но, ура, через неделю выпустили! Покопавшись в нашей находке, умники дружно решили — валялась она там десятки лет, опасность минимальна. Поэтому мы, в составе делегации, тоже сидели в большом зале ООН. На заседании, созванном без объяснения причин советским представителем.

Не ожидал... Наверно, если бы мы нашли что хитрое — тогда сработал бы принцип 'Бороться и искать, найти — и перепрятать!'. А так, народ решил — такое шило прятать незачем, лучше его кому вставить. Когда писаки узнали, кто будет выступать, забегали резвей обычного. Тоже хорошо, веселей будет.

После речи нашего дорогого 'бровеносца' мир взорвался.

И никогда уже не станет прежним.

Глава 1

'...Ты помнишь, как всё начиналось...'

Люблю я море, очень. Да и кто его не любит? Если оно не полярное, конечно. Так что мне повезло сильно, живу рядышком с совсем даже не ледовитым морем. Иногда, когда все и всё надоест, беру верный рюкзак. Набиваю его всякой всячиной — едой, водой, питьем, получается этакий ранец жизнеобеспечения на трое суток автономки. И уйду куда-подальше, отдохнуть. Над головой седые скалы, у ног плещется море, чайки орут... Ляпота!

Валяешься себе, купаешься, книжки почитываешь — эх, хорошо-то как! Так и в этот раз было, развел на закате костерок, сам пожарил, сам и съел палку шашлычка. Спать не хочется —

улегся на спину и давай в небо смотреть. Постепенно там высыпало все больше и больше светлячков, сумерки уступали место черной южной ночи. Белой рваной лентой проложил себя через небосвод Млечный Путь, наша галактика, вид в профиль изнутри.

Где-то там и другие есть... Бесконечность! Миллиарды звезд — и я, песчинка для Земли, летящей такой же крохотной песчинкой в безбрежном океане миров.

Класс, красота-то какая! Большинство людей редко поднимают голову вверх, да и что можно увидеть в круглые сутки освещенных городах? Жалкое подобие, не более.

Тут совсем стемнело — и стало видно, что Млечный путь это множество звезд, крохотных совсем из-за расстояния. Как пыль...

'Хочешь ТУДА?', спросил меня внутренний голос.

'Конечно хочу!', ответил я глюку...

'Ну тогда... Иди — И СДЕЛАЙ САМ!!!!!!!!!!!!' - загремело в голове.

Звезды перед глазами закрутились безумным водоворотам, последней мыслью было: 'Ну все, догляделся - 'Гипноз пустоты' заработал себе... И при чем тут 'сделай сам'?!'

'Пик...пик... пик... пик...пик... пик... Ту-ту-туту...Тутутуту!' 'Доброе утро, товарищи...'

А где последний, длинный 'пииик'?!'

Мысли в голове ворочались тяжелыми жерновами.

Я. Кто? Лежу. Где? ЧтоЗаНахТутТворится!

Кто я и где я?

'Смотрит мужик на себя в зеркало после большого загула... И говорит - 'Не помню, как тебя зовут, но я тебя побрею!', всплыл в голове анекдот.

В голове будто танк проехал, и перемешал обрывки памяти. Я... Кто? Да тут целых два 'Я', однако. Будем здороваться... И вместе жить в психушке! Потому что я, единый 'Я' - помню память двух человек! Причем основную — кусками. Где я родился, как меня зовут, кто мои родители — везде как будто висит табличка, 'закрыто!' А вот вспомнить что-то конкретное легко. Пришло воспоминание — я, десятилетний, сижу в какой-то библиотеке и перерисовываю чертеж... Чего? Надо только вспомнить.

Вторая память, дружно просилась наружу... 'Кто Я?' - 'Владимир...'. 'Это же не мое имя' - 'теперь твое!'. Ой, Ё... А какое настоящее... Не помню!!!

Все, согласен — только войны в голове мне не хватало... И тут, воспоминания теперь-уже-меня хлынули потоком!

Рос. Учился. Работал. Жил. Голова шла кругом. Из остатков моего 'я' шли только обрывки знаний, не память жизни. Единственное, что там осталось — то, что я захотел что-то сделать. И, наверное, с этим и связан весь этот бардак...

Ну, теперь-то, ничего не сделаешь — будем просто жить!

'- Бугор! Бугоор!!! Вовка! Паадьем, нас ждут великие дела! Хватит спать, засоня!!!' - в дверь, как мне сперва показалось, вломилось стадо слонопотамов. Наконец, вихрь улегся — монстров оказалось всего два. И я их знаю.

Соседи по общежитию. И по работе тоже — инженер и математик, Колян и Леха. Хорошие парни, работаем вместе... Теперь. Так, договорились же. Я — это я, хватит!

— Что за шум с утра... Дайте глаза продрать!

— Да ты что, наш новый большой начальник изволил почивать... Покорно удаляемся — вот только вместо горошины под перину мы тебя просто перевернем!

— Аааа!!!!

Бах. Не уважают тут начальство, совсем...

В полете на глаза попался календарь. Обычный, отрывной — но на корешке крупные цифры. Год. Одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертый. И день, второе сентября...

Разинув рот, брякнулся об пол. Приехал!

— Ну, ты что-то совсем плохой... Видать, это вредно — сидеть в большом кресле! — бурчали парни, собирая меня с пола.

— Да сон просто странный приснился, до сих пор перевариваю.

— Ну ты силен, сны перевариваешь! Значит, завтракать не будешь...

— Чавооо?!! — окончательно я проснулся. — Спасибо за катапульту, буду теперь вам стартовые пинки раздавать!

Ребята быстро-быстро спрятались за дверь, глянули на выцарапывающегося из белья меня.

— Может, не надо?

— Посмотрим...

Я попал в вечный понедельник.

Мы все, кто работал над мечтой.

Рабочий день заканчивается под полночь, когда устают языки и мозги.

Наверно поэтому я тут разведен. Где-то растет доча, шесть лет скоро ей. Из воспоминаний о несбудущемся грядущем шли отрывки. Я помню, как возился с детьми. Своими? Не помню. А жена моего 'теперь я' не выдержала такой жизни. Бывает...

Ого, я тут стал типа 'большого босса'. Ха, как к этому относятся — уже понятно. И, это здорово! Мои любимые братья Стругацкие только что написали свой великий 'Понедельник', а мы в нем живем. На стенах развешаны наброски и чертежи мечты, все живут мыслью о будущем. Расчеты гидропонной системы жизнеобеспечения, схемы и траектории. На кульманах мечты превращаются в реальность, пока в чертежах. Наброски с расчетами межпланетных

кораблей... Объявление о предварительных медицинских проверках на годность.

Нас почти не достигают проблемы окружающего мира. Мое второе 'Я' помнит страшный 62й. Когда вместо марсианских зондов — на столы поставили чистую Р-7. Межконтинентальную баллистическую. Десять мегатонн, на каждой.

Страшный призрак прошел мимо. Мы-я надеемся, навсегда!

Великий 'кукурузник' наворочал такую фигню. В нашем деле нет никакого единого 'центра', три конторы тратят кучу денег на изобретение отличного от соперника 'велосипеда'. Видать, забыли в политбюро — девять женщин не родят за месяц ребенка.

И, последнее задание — кровь из носу, но успеть на Луну раньше США. У нас был план, четкий, без тупых гонок. Теперь все придется ломать. Хотяя... Я-то тут. И, знаю, к чему приведет этот маразм. Сегодня какое число? Второе сентября. Если мне не изменяет память, в середине октября поднимется 'Восход-1'. Плохой корабль, если подумать — выполнение пожеланий Никитки. Взяли 'Восток', утрамбовали туда троих. Без САС! Первую минуту полета ребята камикадзе... Вечное 'давай-давай!'. Не, так дело не пойдет.

Два таких уродца слетают, пусть. С проблемами, особенно второй. Подвиг тоже важен, я-то знаю, все живы останутся. А что делать дальше? Это у нас 'Союз' летал как часы, в год несколько штук. Тут его еще нет! Только наброски и схемы.

Второй 'Восход' - нужен. Не только ради престижа страны, опыт пригодится. Надо только немного скафандр изменить... А самое главное памятное событие, до него всего чуть-чуть. Повторится, хотя надеюсь что нет, спустя десятилетия.

Космонавты первого 'Восхода' вернутся в совсем другую страну. Придет, спихнув с дороги всех, товарищ Бре!

И, из этого, надо извлечь максимум выгоды.

Самая тяжелая беседа произошла у меня вскоре. Говорить с Великим человеком всегда тяжело. Давно еще заметил одну особенность — двойников любых личностей навалом, даже конкурсы проводят. Но, никогда нет и не видно двоих — Королёва и Гагарина. Вообще.

К чему бы это? Не знаю...

Главный зашел к нам в отдел сам, посмотрел на чертежные доски, поворчал... Подошел к моему столу. Увидел, что я рисую, взбесился.

— Сергей Павлович... Товарищ Королев! Прошу разговора на личную тему, без посторонних.

— Ты что рисуешь, Владимир?!!!

— Это я позже объясню, сейчас другое важней.

— Что?!!

— Прошу отдельного разговора...

Понемногу удалось успокоить бушевавшего некисло Главного. Прошли в его кабинет, спокойней разговор потек.

— Вы что должны проектировать? ЛОК с ЛК, как определили месяц назад.

Ага, разбежался я, проектировать флаготыкательский корабль, где уровень риска зашкаливает — а при опоздании лететь на таком убожище будет просто стыдно! Не, мы пойдем другим путем. Как ни крути, но для того чтобы меня послушали и выслушали придется постараться, сильно. Психушка меня не привлекает, как то совсем.

— Сергей Павлович... Вы меня давно знаете?

— Года два с лишкой, — недоуменно ответил Главный.

— У меня есть просьба... Важная. Настолько важная, что Вы только позже поймете! Вот конверт, вот второй. Первый запечатан, на нем сегодняшняя дата. Прошу Вас, написать на бумаге - 'Принял у В. Е. Бугрова конверт, дата, подпись, печать'.

На меня глядели умные глаза великого человека... Долго глядели.

— Зачем?

— Конверт нужно будет распечатать через полтора месяца, не раньше шестнадцатого октября. Тогда мной будут даны все необходимые объяснения.

— Темнишь ты, жук хитрый. Зачем тебе это?

— Знаю, что звучит странно, но — дело государственной важности, прошу учесть.

Королев прошелся по кабинету, бросая на меня тяжелые взгляды.

— На эту дату намечен пуск ЗКВ. Ты что, в Кассандру решил поиграть?!

— Нет, первый старт 'Восхода' тут ни при чем, не могу сейчас сказать.

— Ладно, подожду, — пробурчал СП и снова накинулся на мои рисунки. Как мог, отбивался, намекая на связь с моими странными действиями относительно даты, просил потерпеть. Очень вовремя вломился еще посетитель, тут же попал под щедрую раздачу пилюлей. Я же, по-тихому, слинял.

Сорок дней пролетели как один миг. Привыкал к ритму новой жизни, знакомился заново с товарищами. Продолжал чертить...

Под командой у меня есть суперкоманда, пять девушек — круче любого ксерокса работают. Рисуешь эскиз, считаешь развесовку, оформляешь привычным образом. И твои безумные мысли превращаются в четкий и строгий чертеж! Конечно, перед этим мои математики, прочнисты, физики, всего пяток человек — ломают копыя над циферками. Бой иногда затягивается за полночь...

Но дни продолжали тикать. Вызвал меня Главный и сказал, смотря мимо...

— Едем на объект.

Я мысленно почесал затылок — к чему бы это? Ага, к тому самому. Вроде правильно старые факты вспомнил, накладки не будет. Доложил готовность, раздал превентивных люлей и задач своим. Собрался.

Ровно гудят движки Ила-восемнадцатого... Не так уж медленно, всего на треть в сравнении со всякими 'эйбасами' летим. В салоне много наших, инженеров. Пара генералов, пригодятся потом, но не знают пока про это. Даже журналист есть. Но тут случай особый, парень сам в отряд вошел, и тоже готовится летать. Только наш Главный сидел с хмурым видом всю дорогу. Проходя в курилку, тамбур, приостановился.

— Сергей Павлович. Все Будет Хорошо.

Быстрый взгляд, пауза... Вдох. Я прошел дальше.

Через два дня сидел в бункере, командном пункте. Не вытерпел душную атмосферу, поднялся наверх, уселся на какой-то ящик в опасной зоне. Громкий голос доносился сюда четко.

'Четыре, три, два, один, продувка..'

'Протяжка два...'

'Предварительная... Промежуточная... Главная!'

В паре километров от меня вулканом выплеснулось пламя пяти движков ракеты. Пальцы — опоры почуяли свободу и радостно отпали в стороны. Опираясь на огненный факел, носитель начал свой стремительный подъем.

— Удачи, ребята...

Донесся грохот, ветер трепал волосы. Птица развернулась и пошла на восток, сияя факелом. Провожал ее взглядом, пока не затерялась в облаках.

'Сто секунд!!!!', с явным облегчением заорал динамик.

Да, точно облегчение... Надо же такой маразм пускать в дело. Старый добрый, максимально надежный 'Восток' нес одного, но в катапультируемом кресле. По приказу жопоголового Хру в эту же капсулу засунули троих. Без скафандров. Без системы аварийного спасения. Рекорд, мля!!!

Слов нет. Правильно сделали, что всего два 'Восхода' пустили. Неправильно, что вообще их делали! Политика, ети ее.

'Есть выход на орбиту. Передаем Сообщение ТАСС...'

Ну давайте, хвастайтесь. Только в этот раз облом будет — хвастаться некому. Бульдоги под ковром грызутся.

Лопастки давно закончили волновать степной ковыль.

Уже позади была тревога, вид из кабины на снижающийся шарик в тени двух парашютов. Длинный щуп коснулся степи, вспыхнуло пламя. Клубы дыма рассеялись, все!

Все хорошо. Мухами с неба падали вертолеты, люди бежали к капсуле. Асбестовыми рукавицами поставили ровно, из открытого люка махали руками ребята.

Вынули героев из спускача, усадили в кресла. Бледновато смотрят, на шарике при спуске перегрузка до десятикратной доходит. Но, несмотря на все, выдержали еще и град

поздравлений!

Меня дернули за плечо. Главный.

— Пойдем, поговорим о делах наших...

Шуршала под ногами степная трава. Теплый ветер из Туркмении продлил осень.

— Кто ты?!!!

— Хм. Хороший вопрос. Сам не знаю ответ! Я, одновременно, тот Володя, которого Вы знаете.

— Но?

— И, еще не родившийся человек. Могу рассказать краткую биографию...

— Давай, дерзай.

Трудно было говорить за себя, при том что не помнишь ни имен... Да вообще ничего личного! Кстати, я понял — почему. Толку с того воспоминания, что моя мать рассказывала — как они всей деревней бежали встречать Терешкову. Да, легко могу найти этот населенный пункт. А толку? Среди множества девчонок, даже если найду, только сделаю хуже. Меня настоящего не получится, никогда. Наверно поэтому у меня часть памяти закрыта? Сперва попытался это объяснить, потом начал конкретнее...

— Так, ты родишься примерно через пятнадцать лет?!!

— Да.

Сергей Павлович нашел подходящий пригорок, и, пачкая костюм, уселся.

— Как?!!

— Не знаю и не помню.

— Ну и на что ты такой непомнящий тут сдался!!!

— Я... Не могу вспомнить только личное, основное все тут, — постучал по глупой голове.

Шеф задумался.

— Ну и скажи, пророчек, что сейчас в верхах случилось?

— Мелочи жизни. Бывает! Никиту Сергеевича спнули с вершины. Будет пенсионером работать.

— И, никаких...

— Репрессий? Нет. Слишком уж там, наверху, все взаимосвязано. Новым генсеком будет уже знакомый Вам товарищ Бре.

Сергей Палыч от моей речи слегка офигел...

— Как ты говоришь?!

Я был веселый без вина, парни вернулись, все идет по плану.

— Да я всех этих коней в учебниках изучал! Что лысого кукурузника, что великого бровеносца — все равно. И, я знаю их мнения по нашему проекту от и до!

Ветер свистел, желтая степь притворялась морем. Главный задумался — и задал вопрос. Жестокий!

— Допустим, я поверил в твой бред. Как там, на Марсе?!!

Что я мог сказать... Только правду, какая она горькая бы не была. Хорошо помню книгу одного академика, и момент в ней. 'Венера-4' садится, все хорошо, данные идут. Ее расплющило, последнее - 'температура 270, давление 25'... Даже сквозь страницы бумаги была боль. Мечта умерла!

И что мне ответить?! Хотя...

— Не знаем, — твердо сказал я. Лицо шефа поменяло все цвета, остановившись на красном.

— КАК?!!! За эти десятилетия никто туда не долетел? Ни мы, ни американцы?!

— Долетели... Автоматы! Смотрел я на Королева, боясь за его сердце, так эмоционально он это воспринял.

— А мы вообще никуда не летали?!

— Мы даже до Луны не долетели... Ох, нужно было нитроглицерин в таблетках взять. Хотя босс запасливый, сам уже глотает. Я бы тоже не знал что делать — когда дело всей жизни окажется ничем.

Не знаю, может преувеличиваю. Но, мне кажется, судьба Советского Союза решилась в космосе. Даже не тогда, когда проиграли гонку за Луну. Нет. Тогда когда сделали вид — ее не было. Десятки тысяч людей прямо, миллионы косвенно — работали. Их труд уничтожили. Вся идея страны держалась на энтузиазме. Когда твой труд выкидывают в мусорное ведро — тяжело сохранить веру в 'светлое будущее'. Хрен с гонкой — дело в моральном здоровье народа...

К тому же, пропустить подготовку великого дела мог только слепоглухонемой.

Но, это лирика. Главное — что дальше сказать?!

— Нет, не так все плохо. Начну по порядку. Загрустивший Главный глянул на меня с интересом.

— Солнце. До сих пор не понятно, что там творится. Адская кухня, и все мы от нее зависим.

— Меркурий. Почти как Луна, даже внешне похожи. Но, судя по всему, полезных ископаемых там много, очень.

— Венера... Я задумчиво посмотрел в небо. О, вот и она, светит над горизонтом.

— Там жарко... Температура под пять сотен, плюс давление в сто атмосфер, ужас. День длится

месяцы. И, в то же время, это хорошо. Есть куча теорий, как с нашей соседкой так поступила судьба. То ли Меркурий был ее луной и убежал, когда их обоих чем-то сильно стукнуло. Неизвестно. Но, даже в этом пекле может быть жизнь! На нашей планете обнаружен вид микроорганизмов, не имеющих родства с остальными. Живут возле вулканов — приятно им эта атмосфера из серы и углекислоты, да температура. Могут быть гостями с Утренней звезды, в последних спектрах атмосферы заметны непонятные следы. И, в теории, ее можно терраформировать. Правда за сотни лет.

— Ух ты, а мы-то думали... А не врешь? — Спросил меня СП.

— Ха, данные с второго 'Маринера' американцы, как Вы говорите, в открытых изданиях выложили. Сколько он там насчитал, при пролете?

— Никак не пятьсот градусов.

— А это уже уточнили наши станции, долгими и упорными попытками. В моей истории Венеру взяли мы, трудом пятнадцати аппаратов.

— Ну, про Луну спрашивать пока не буду, — азартно сказал Сергей Павлович,

— А Марс?!!

Что я мог сказать, чтобы не убить мечту... Да то же, о чем сам мечтаю!

— Высохшие русла рек и озера, целый бывший океан. Вечная мерзлота. Гигантские горы, высотой больше двадцати пяти километров. Каньон на пол планеты и огромной глубины. Этому миру хорошенько досталось...

— Жизнь, жизнь там есть?!! Великий, почитаемый мной с детства человек чуть не плясал вокруг... ЧТО мне сказать... Как???

— Нет уверенности.

Королев достал таблетки, снова. Надо что-то делать.

— Грунт оттуда так и не привезли, исследования на месте малорезультативны. Вы же помните тот прибор? Заулыбался, вижу такое не забыть. Совсем недавно, на первые зонды, умники пытались воткнуть прибор, спектрорефлексометр (о, не забыл название - спец. проверил). Профессорррр Лебединский очень обиделся — когда его девайс не нашел жизни в Казахстанской степи.

— Разные аппараты дали разный результат. Иногда, на некоторых снимках, видны зеленые пятна. Содержание метана в атмосфере тоже аномально. Ну, по недостоверным метеоритам, возможно прилетевшим оттуда — есть окаменелые частицы, похожие на бактерии. Вообще, копать и копать нам.. А физические данные я знаю.

— Тимка сработает???

— Такой — нет, торможение пересчитать надо. Давление там всего...

Мы шли по степи, болтая на разные темы, далекие от политики. Королев с горящими глазами слушал про огненный Ио, где моря из расплавленной серы. Подледный океан Европы, метановые реки и озера на Титане, водяные вулканы Тритона.

Пока нас не прервали.

— Сергей Палыч, Сергей Палыч... Москва на связи! — прибежал молодой товарищ из нашего КБ.

— Ну, вот, началось... Будут Вам поздравления, от дорогого Леонида Ильича.

— Чем он так тебе, Володя, не подходит? — Поинтересовался Шеф.

— Ну, не знаю какой он сейчас. Но, лет через пятнадцать будет... Плох совсем. Быстро и сильно постареет, маляк старческий. Его родня, пользуясь случаем, будет конкретно беспредельничать.

— Это как? Что за слово такое, о чем? — возмутился Сергей Павлович.

— Ой, опять сказал как привык там. Проще говоря, прикрываясь Генсеком, будут творить беспредел... Не, опять заносит — воровать, точнее говоря! И не только...

Хотя, насколько я помню историю, он хороший человек. Вас наверняка вызовут в Москву, на торжества. Мне надо быть с Вами и поговорить с товарищем Брежневым.

Бугров... Ты что себе позволяешь?! Ладно я поверил в твои бредни, и то... Что ты сможешь Там сказать и сделать?

— Сергей Павлович... Я Вам сегодня говорил о Небе, не о земных бедах. Кстати, мы пришли.

Глянув на меня сердито, Королев взял трубку спецсвязи. Прообраз сотовых, однако. По мере того, как шел разговор, его лицо светлело.

— Товарищи! Передаю Вам теплый и пламенный привет от Генерального Секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета... Леонида Ильича Брежнева!

Ура, товарищи!!!

Только глядя на безумный энтузиазм я понял — как в надоел всем Хрущ с его идиотскими приколами. Да, пусть лучше будет любимый 'бровеносец'. К тому же, в его команде есть такой хитрый товарищ... Отличный поэт, без шуток.

Вся поисковая команда, инженеры, даже космонавты пустились обсуждать смену власти. А Королев опять дернул меня в сторону.

— Что ты там говорил?! Земные беды, то да се!

— Вы действительно хотите это знать?

— Да, черт тебя подери. Или, кто там тебя прислал!

— Тогда лучше опять уйти подальше, это не для лишних ушей...

И я собрался начать свою печальную повесть. Провал Проекта. Провал Лунной гонки. Нет. Сейчас главное другое!

— Товарищ Королев. Обращаюсь к Вам официально, как засланец не понятно от кого, но понятно откуда! Я читал про Вас в энциклопедиях, мемуарах. И, мне было жаль...

— Чего?! — Босс рычал, умеет он это делать, однако.

— Сергей Павлович! В Москве, после торжеств, Вам срочно надо ложиться на обследование! У Вас рак на ранней стадии...

— Как... Лицо Великого опять посерело.. Откуда?!

— Гептил. Нельзя им дышать, совсем. Вы не одиноки — есть тысячи несчастных, забывших про противогазы и технику безопасности. Нужно срочное лечение. В моей истории... Как ни горько говорить — в начале шестьдесят шестого вы умрете. На операции остановится Ваше сердце. И плакать будет вся страна!

— Меня что, рассекретят? — Странно, его беспокоила не перспектива смерти, а известность. Хотя, при чем тут тщеславие — просто боль Великого Неизвестного. Я ее понимаю.

— В моей истории только после... И, это одна из причин просить встречи с Генсеком. История дальнейшая долга и печальна.

Меня не слушали. И не слышали. Пришлось потряхнуть Главного Конструктора и повторить еще раз.

— НИЧЕГО НЕ ПРЕДРЕШЕНО. МЫ МОЖЕМ ВСЕ ИЗМЕНИТЬ!

Иначе, зачем я тут...

— Ладно, — сказал он. — Я слишком много узнал, чтобы осознать все сразу. Но у меня есть время на обдумывание. Бугров, готовься к...

И замолчал. Ну, я понял, что он хотел сказать. А вот историю будущего рассказать не успел, наверно — к лучшему. Этой шпалой лучше стукнуть Леонида-свет-Ильича.

День проходил за днем, все было спокойно.

После возвращения в Москву космонавтов и нас в конструкторское бюро прошла неделя.

Новостей не было. Главный тоже куда-то пропал. Ну что же, будем просто работать.

Собрал я ученых, инженеров и девушек-рисовальщиц своей команды, стал объяснять.

— Мы, товарищи, проектируем сейчас корабль. Корабль, который много лет будет служить основой нашего проекта. От того, как Мы это сделаем — зависит многое.

Не буду объяснять Вам очевидное, но скажу еще раз.

Вершина всего, то — что вернется! То, что мягко и безопасно вернет людей домой. Спускаемый аппарат. Начнем, товарищи...

Долго шли обсуждения, и даже ругань. Ведь проект "7К", он же будущий "Союз" в эскизе уже есть. Ага, щаз — не буду в этой консервной банке летать! Пользуясь свежеприобретенной властью напряг народ. И, помня многие неприятные истории из будущего, старался предложить их как возможные в теории.

Понемногу два парашюта, основной и запасной, превратились в три, равномерно расположенные треугольником на верху аппарата. Диаметр донной части, по сравнению со старым 'Союзом', увеличили до двух с половиной метров. Сразу нашлось место для двигателей ориентации, мешавшихся до этого. И сам аппарат потяжелел терпимо, теплозащита теперь рассчитана на вход в атмосферу при возврате с Луны. Система жизнеобеспечения уместилась, емкостью на неделю. Причем резервная, основная будет в другом отсеке. Три ложементов для космонавтов в скафандрах, и не надо сидеть в позе "больной обезьяны", просторней стало.

Вот только, когда народ стал прикидывать место для блока автоматической системы управления, я возразил резко.

— Нет для нее места! Для бортового вычислительного комплекса полсотни килограмм зарезервировано, для пульта тоже. Зачем нам АСУ если мы делаем корабль для людей?

Народ впал в шоковое состояние... Их можно понять — до этого все корабли были полностью автоматическими, человек лишь груз на борту — и ручное управление это аварийный вариант. Но я с этим категорически не согласен! Я знал, что это только первый бой — дал задание посчитать размещение блока автоматического управления на месте пилот-ложементов экипажа. С подключением к разъему на пульте управления и весом не более чем трое космонавтов в скафандрах и креслах.

В горячке, размахивая руками и споря с товарищами, краем глаза увидел — за незакрытой дверью стоял Главный и покачивал головой. И не понятно — одобрительно или нет. Когда я вышел с видом 'на перекур' никого не было. Может, показалось?

Ругались мы еще несколько дней, тут даже сегодняшний герой — Феокитов подключился. Когда его только медики отпустили? Он же как раз на 'Восходе' только что слетал.

Здорово меня поддержал, особенно насчет ручного управления. Авторитет первого космического инженера сломил сопротивление всех.

Дни шли потихоньку, наступил ноябрь. Шефа не было видно, меня это начинало беспокоить. Готовясь к теоретической возможности полететь, старательно занимался спортом, бегал по утрам.

О! Не зря смотрел шпионские фильмы. Ух ты, за мной следят! Старательно пытаются быть незаметными, но — когда недалеко бегал парень, а спустя пару дней он рядом в магазине, делая скучающий вид, изучает витрину... Причем случай не единичный. Интересно.

Тут есть только один ответ — Сергей Павлович, прежде чем лечь в больницу, говорил с кем-то наверху. И приложил к докладу мое письмо. Один факт из него я мог бы знать только будучи провокатором из США.

В ноябре, точную дату не помню (авт: посмотреть могу, но смысл?) там стартуют две станции к Марсу. Одна из них, в моей истории, отправит первые снимки. У второй не отделится обтекатель.

Я мало что помню из шестидесяти четвертого года. Кроме уже случившегося события есть еще единственный точный факт. Но такой, что буквально будет сокрушительным, если б я еще точную дату помнил... Ну, еще неудачные пуски наших автоматов, шефу я про это рассказал, надеюсь — успели исправить дефекты.

Штирлицем себя не чувствую — я свой человек в своей стране. А ребята из конторы пусть меня

проверят, проще потом говорить будет. Вот только с кем?

Интерлюдия.

Двенадцатого ноября тысяча девятисот шестьдесят четвертого года. Полуостров Камчатка, поселок Ключи. Подножие вулкана Ключевская сопка.

Пятьдесят километров до эпицентра.

Борис Иванович Пийп осторожно положил на подоконник бинокль, глянул на часы. Всего без пяти семь утра, и стоило опять так рано вставать? Середина ноября на носу, длинные ночи и короткие дни. Хоть и не заполярье, но темень кромешная за окном вулканологической станции. Только чуть розовеет верхушка гигантской, пятикилометровой Ключевской. Тяжелые ворочаются мысли в голове пожилого вулканолога. Сперва показавшийся идиотским приказ - ' в течении ноября месяца обеспечить непрерывный обзор вулкана Шивелуч. Категорически запрещается приближаться на расстояние менее сорока километров...' - что за маразм, кто составил такую канцелярско-бюрократическую писанину? Бред какой-то. Если будет извержение — то надо изучать с минимального расстояния, не зря маленькую станцию строили!

Но прибыла бригада кинооператоров, развернула технику. И так же как все, каждое утро замирают у аппаратуры. Разговоры о нелепости происходящего начались давно, вот только пресечены были резко — один веселый парень отозвал на пару минут, поговорить. Более вопросов не возникало, особенно последние дни. С каждым часом усиливалась сперва незаметная дрожь Земли, тащили из подвала ленты сейсмографов, густо исчерканные пером прибора. Ночь была беспокойной, трясло пару раз сильно — падала с полок посуда, хотя к утру все утихло.

Борис Иванович еще раз глянул в панорамное окно, полюбовался на далекую, заснеженную четырехкилометровую громаду — самого северного, самого древнего действующего вулкана в Советском Союзе.

' - Товарищи — пора завтракать!' - заглянула Лена, станционная работница. Да, семь утра уже, завтрак по расписанию...

Но не успели рассесться за небольшим столом, поднять ложки и черпнуть аппетитный гуляш ученые.

Загудела, застонала, задрожала Земля. Пол под ногами запрыгал, необъяснимый ужас заполнил мозг.

' - Инфразвук! Началось!!!' - все опытные вулканологи кинулись наружу.

Бревенчатые здания поселка ходили ходуном, следуя — но, не подчиняясь движениям почвы. А высыпающий на улицы народ не обращал внимания на привычные неудобства, взгляды притягивала чудовищная картина.

Огромный столб огня и пепла поднялся на пятнадцать километров — и рос вширь, с каждой секундой. От центра тучи к краям ежесекундно расходились очень широкие и яркие, многокилометровые молнии.

Борис, ошеломленно оглядывал пейзаж — только что бывший спокойным. Вулканический гриб

закрывал небо, было видно что тучу несет ветром на восток. В ней все время вспыхивали 'окна' пламени, километровой размера. Взорвавшийся вулкан заметно, на полкилометра понизился. По склонам ясно видимые неслись потоки раскаленных, тысячеградусных палящих туч — убийственные лавины пепла, камней, кусков раскаленной лавы. Все живое будет уничтожено на огромном расстоянии.

— Эх, и уваяло б нас там, братцы! — серьезно сказал Женя Мархинин, молодой, но очень опытный вулканолог. Раскаленные, светящиеся в рассветном полумраке потоки катились вниз по склону, беспокойство жителей нарастало — страшная убийственная стена газа и пепла уже прошла половину расстояния до поселка. А базовый домик на горе уже уничтожен, засыпан толстым, в десятки метров, слоем обломков вулкана.

' - Да, хорошо нам приказали не приближаться! Иначе мы были бы там... Но как так можно рассчитать?' товарищ Пийп все никак не мог осознать — как можно было предсказать взрыв, такой взрыв. Стрекотали кинокамеры, возились с приборами вулканологи, через полчаса черная туча закрыла небо, превратив утро в ночь. Лишь частые молнии разрезали тьму, протягивая ослепительные извилистые ветки на десятки километров. С неба горячим дождем сыпался вулканический песок, запахало сернистыми газами. Всего за пару часов в поселке на каждый квадратный метр выпало по тридцать килограмм пепла. Остатки взлетевшего на воздух вулкана падали даже на далеких Командорских островах, в полутора тысячах километров — по два кг на метр...

Лишь к вечеру возобновилась радиосвязь. И улетела телеграмма, с совсем невзрачным цифровым индексом. И кодовым словом.

Далеко-далеко от Камчатки серьезный человек с хмурым, усталым лицом положил трубку телефона.

— Да, товарищи. От такого свидетельства не отмахнешься...

— Возможность диверсии? — спросил подозрительный ко всему, должность такая, товарищ.

Сидящие в маленьком зале переглянулись, пожилой академик уверенно ответил.

— Исключена полностью. По предварительным данным взрыв полностью соответствует стандартному вулканическому. Ну, эээ... Не совсем стандартному — с начала века были лишь два подобных — Катмай на Аляске и наш Безымянный... — Генерал(?) сердито прервал

— А бомбу в этот кратер закинуть не могли?

— Нет! — аж поперхнулся академик(?) — там примерно пол гигатонны эквивалент, по результатам наблюдений. И спутать атомный и вулканический взрыв невозможно!

— Мда, — почесал затылок вояка, — эти б вулканы да в... Окончание фразы он промолчал, но ученый необдуманно продолжил.

— Из показаний объекта следующий такой пароксизм будет через шестнадцать лет, на территории Соединенных Штатов.

— Так вы что, ему верите?!!!

=====

'...Пик..пик..' допикало радио сигналы точного времени.

'Доброе утро, товарищи. Передаем Сообщение ТАСС!'

'Вчера вечером, тридцатого ноября тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года...'

'... с околоземной орбиты... трудом Советских ученых и инженеров...'

'...В полете к планете Марс...'

'... автоматические межпланетные станции 'Марс' 2 и 3!!!'

Ого, подумал я спросонья. Хороший напильник, у нас такие номера только в 71-м полетели. А в один день пустили потому, что исправление глюков заняло время, но успели проскользнуть в щелочку закрывающегося стартового окна. Следующее будет через пару лет только.

< кусочек ниже потом переделаю и дополню >

Вставить вулкан//

Через час, когда я шел на работу, случилось давно ожидаемое.

Три черных 'Членовоза' остановились рядышком, причем в первом и третьем чувствовалось оружие. И бойцы, готовые его применить.

Спокойно стал на бордюр, в руках только папка с документами. В озорстве даже помахал ей, как таксиста приманиваю. Дверь среднего монстра медленно открылась, показав свое родство с танком, бронированная зараза. Залез в этот чудо техники, уселся как ни в чем не бывало.

Папку на колени, вид как будто так и надо. Сидевшие внутри товарищи из конторы глубокого бурения сильно удивились. Наверно был еще знак, мной не замеченный — парни выскочили и пересели в замыкающую машину. Остался я один на весь салон, агрегат заурчал и поехал. Хм, не один — собеседник тут есть. Одно из кресел плавно развернулось, на меня глянули добрые и ласковые глаза Верховного Инквизитора.

— Доброе утро, Юрий Владимирович.

В ответ была тишина, меня рассматривали как просто объект. Не, так не пойдет.

— Товарищ, многие ли знают, что Вы пишете стихи? — спросил я. О, действует, заерзал...

Я сам их не сильно люблю, свойство памяти — плохо запоминаю. Но, вот это врезалось, прочитаю!

"Да, все мы смертны, хоть не по нутру

Мне эта истина, страшней которой нету.

Но в час положенный и я, как все умру

И память обо мне сотрет святая Лета..."

— Как же там дальше... — бурчал я, напрягая память.

"Мы бренны в этом мире под луной:

Жизнь — только миг, и точка с запятой.

Жизнь только миг, небытие — навеки.

Крутится во Вселенной шар земной,

Живут и исчезают человеки..."

Ух, не люблю я стихи с детства, проще десяток длинных цифр вспомнить...

"Но сущее, рожденное во мгле,

Неистребимо на пути к рассвету.

Иные поколенья на Земле

Несут все дальше жизни эстафету!"

Ммм-да, вспомнил — с трудом. Жить захочешь, не так раскорячишься.

А эффект превзошел все ожидания!

— Это Вы написали? Поздравляю, очень красиво... — Юрий Владимирович был под впечатлением.

— Нет, Вы! — шеф страшной конторы сперва не осознал.

— Не писал я это!

— Ничего, успеете написать. Это Ваше творение. Дату сказать не могу, не интересовался. — хорошо разговор пошел. Да, босс знал к кому пойти. Не к Устинову или самому Генсеку. Выбрал максимально эффективный вариант. И что мне дальше делать с этим?

Работать.

— Товарищ... Что Вам рассказал про меня Сергей Павлович?

— Факты. Андропов моментом отбросил сантименты, работа такая у человека.

— Где сейчас товарищ Королев?

Ответ последовал быстро, как выстрел.

— По вашей рекомендации прошел обследование. Операция прошла успешно, выздоравливает.

Хм, это радует. Но и для тебя у меня есть ложка дегтя!

— Юрий Владимирович. Не сочтите традицией — но Вам тоже нужно ложиться на обследование. У Вас что-то толи с печенью, то ли с почками, я не врач.

Лицо собеседника озарила ухмылка.

— Вы что, всех встречных к врачам отправляете? Точно, вредитель! — но голос был насмешливый.

— Нет, просто вспоминаю факты и говорю их, иногда не впопад.

— Я знаю про свои болячки, можешь не пугать. Это для меня не новость. А твое письмо...

Ты хоть что-то конкретное мог указать? А так, у тебя только писанина. Если бы не вулкан, да еще американский 'Маринер', мы бы с тобой не разговаривали.

Да, берет быка за рога, сразу и быстро. Придется соответствовать...

— Конкретное на ближайшие годы — нет. На будущее много чего могу сказать. И, совсем не радостное! — что мне теперь сдерживать, все — Рубикон перейден. Либо пан, либо пропал.

— Например? — надоел мне этот насмешливый тон, будем резать правду-матку.

— Через три года в Чехословакии будет восстание, по типу недавнего Венгерского.

Собеседник посмурнел, продолжаем...

... Конец войны во Вьетнаме... Афганистан... Перестройка... Маразм... Бардак...

Я рассказывал печальную историю грядущего, хорошо кабина водителя закрыта пуле и звуконепроницаемым барьером. Тяжело услышать про дату своей смерти, причем скорее всего неестественной. Про развал Державы. Про войны, боль и ужас.

Андропов прервал меня.

— Хватит. Пленка кончилась. — и, вот гад, засмеялся, глядя на меня!

— Ты все это еще расскажешь заново и с подробностями. Кажется, мы поняли, зачем ты тут.

Здорово... Это при том, что я сам ничего не понимаю... Бронестекло открылось, показав наше НИИ. Нииифигасебе.

— Товарищ Бугров! Благодарю Вас за сегодняшний разговор и думаю, что это только начало. Считаю невежливым отвлекать Вас от прямой работы, весьма успешно продвигающейся. О дате дальнейшего разговора Вас известят.

Я, растерянный, остался стоять на обочине. Вот и поговорили...

< хз как лучше написать. И, я в курсе что А. не нач. КГБ а вот гг -нет. Ибо, в момент написания принципиально не смотрел. А такое важное событие как взрыв вулкана Шивелуч — совсем забыл. Горе мне, ведь вулканологией с детства увлекаюсь >

В общем этот политический кусок будет полностью переписан, помощь в подборе персоналий и тд нужна...

По крайней мере, до работы довели — а не на Лубянку. Ладно, проблемы будем решать по мере возникновения.

Отряхнул с себя снег, незаметно засыпавший меня задумчивого. Прошел через проходную, тут на меня напали!

Со всех сторон налетели — трясли, хлопали по плечам, вопили неразборчиво... С трудом удалось утихомирить разбушевавшихся товарищей и узнать последние новости. Оказывается заместитель Главного, товарищ Мишин, навестил его в госпитале. И грянул гром кадровых перемен. Сам Василий Павлович становится Главным Конструктором нашей конторы. Я — его заместителем. А Королев, после окончательного выздоровления, будет главой новообразованной координационной структуры, у которой даже еще нет названия. Вот здорово-то как! Представляю, какой сейчас стоит скрежет зубовой у конкурентов. Глушко, наверно, рвет и мечет... А вот к Челомею надо съездить обязательно. Если этому товарищу не подкинуть жирный кусочек — смертельно обидится и будет пакостить. А оно нам надо?

Вообще, тут до этого существовала довольно забавная система. Заказчик, как правило вояки, давали техзадание нескольким конструкторским бюро, смотрели кто что родит — а потом выбирали оптимальное. Первое время такой подход отлично работал, что в авиации, что у нас. Но чем масштабней становились задачи — тем все дороже обходилось это веселье. Как раз настал момент, когда дальнейшее распараллеливание становится безумием — каждый проект обходится в миллиарды рублей и годы работы. Причем все старательно изобретают велосипед, не пытаясь позаимствовать чужую информацию. А деньги, даже при социализме, на дороге не валяются!

Как и время работы ученых и инженеров.

Меня вызвал к себе Мишин, поздравили друг друга с повышением. Разговор шел при закрытых дверях, один на один.

— Как там Сергей Павлович? — спросил я. Это волновало меня сейчас больше всего.

— Все хорошо, выздоравливает. Настроил письмо об ужесточении техники безопасности при работе с токсичными сортами топлива.

— О, на тему токсичного топлива. Поступила информация, что американцы испытывали новый сорт долгохраняемого топлива. Необходимо срочно дать задание двигателям Кузнецова.

— А, слышал про эту гадость, с ней Глушко носится, как с писанной торбой. Зачем оно нам, стандартных пар не хватает?

Мишин хорошо помнил отношение шефа к ядовитому топливу, это хорошо. Но, эта штука нам пригодится.

— Пентаборан с перекисью водорода, гадость конечно — например самовозгорается на воздухе. Но какой импульс!

— Ну и, какой?

Один из самых важных параметров в ракетном деле это скорость истечения массы из двигателя. У стандартной пары керосин-кислород примерно 3300 м/с, у водорода с кислородом до 4500. Долгохраняемые компоненты, столь любимые военными, около 2900. (уточнить)

— Три восемьсот! Причем общая плотность компонентов на уровне стандартной пары — без необходимости термостатирования.

— Данные точные? — новый Главный напрягся, мысленно пересчитывая возросшую мощность всех ракет.

— Точные. Но есть пара проблем, про первую я сказал. Вторая это цена. Да, хотелось бы пересчитать носители под новую пару — но сколько будет стоить полная заправка? А самое главное, что будет в случае катастрофы?

Василий Павлович поехал. Одно дело если полыхнет 'керосинка' - в воздухе будет только сладковатый, даже приятный запах. А если разлетится тысяча тонн отравы? Не надо нам такого счастья.

— Это топливо хорошо для долгохраняемых блоков. Например, собираюсь дать задание пересчитать под него ракетный блок 'Д'.

— Не торопись, еще двигателисты своего слова не сказали, — шеф все еще не определился.

— Будем делать предварительный расчет, массу двигателя оставим той же. Вообще, через неделю будем защищать эскизный проект новой машины. Ох, не погорячился ли я? Успеют ли все оформить в чистовую. Слово не воробей...

— Не торопись, срок до нового года был. Вообще, Сергей Павлович меня удивил, назначив тебя на этот пост. Все мои возражения он отмел, сказал — сейчас вы будете друг друга дополнять, а потом ты уйдешь.

Вот это номер... Куда это я уйду? Не хочу! Мне тут хорошо...

— Почему я должен уйти? — спросил я в шоке.

— Ну, Володь. Ты же сам эту тему поднял — инженеры тоже должны летать! Институт Медико-биологических проблем создали, предварительный набор идет.

Тут до меня дошло. Оказывается я, старый Я, добился успехов в трудном деле изменения порядка комплектования космонавтов в экипажах. В результате Центр подготовки на меня весьма зол... Что делать будем? Говорить и договариваться.

— Хорошо, товарищ Мишин. Этот вопрос думаю скоро решить. И, рад с Вами работать!

— Ну-ну. Новый Главный скептически посмотрел на меня, — Посмотрим как ты справишься с этой проблемой.

Разговор закончился, окончательно. Вышел я в коридор весь в раздумьях. А зачем тут много думать — делать надо! Народ толпился вокруг, пытаюсь узнать новости... Немного грубо отталкивая всех, ворвался в новый кабинет, о. Тут и секретарша есть! Знакомая редиска, отдел кадров похоже сильно обиделся на перестановки... Ничего, прорвемся.

— Танечка, соедини меня, пожалуйста, с ЦПК. Желательно с генералом Каманиным.

Голубоглазая принцесса сердито посмотрела на взбудораженного меня, отвернулась и закрутила диском телефона. Хороший мне штат достался, однако. Потом разберемся.

— Абонент на связи, — неохотно буркнула Леночка. Выглядит как богиня, но такая стерва...

— Товарищ генерал, разрешите обратиться... нет, не по телефону, лично. Когда? Хорошо, буду.

Разговор прошел немного странно. Казалось, его предупредили... Ехать тут недалеко, через пару часов был на месте. Меня проводили по длинному коридору, указали на дверь. Вошел. Станный был кабинет — вместо портретов висели карты, модели самолетов и кораблей. Николай Петрович, один из первых Героев Советского Союза, хранил историю — по крайней мере, в своем кабинете.

— Здравия желаю, товарищ Генерал!

Поднялся, взглянул на меня тяжелым взором.

— Ну, здравствуй товарищ. Чем обязан?

Да, тяжело разговор пойдет...

— Товарищ Каманин! Вы, наверняка, знаете о создании нового Института, ИМБП. О перспективе набора отдельной группы космонавтов тоже. Генерал изменился в лице, собрался сказать, наверняка гневное...

— Товарищ генерал! Есть предложение, от всего нашего конструкторского бюро и новорожденного института.

— Гхм. Какое? — теперь вражда сменилась интересом. Ох, как мне надоела эта политика...

— Центр Подготовки использует новый институт, получает все данные. Это важно в первую очередь для него. Но, в Центре создаются две новых группы космонавтов, кроме летчиков. Группа подготовки бортинженеров, в первую очередь. Вторая может подождать, группа космонавтов-исследователей.

Генерал был озадачен.

— Так вы и так собрались это сделать, в своем КБ?

— Ну а зачем разделять усилия, зачем вступать в конфликт с Вами? А, да — еще важная подробность. Все новые корабли будут смешанного управления. Ручного и программного, автоматического не будет.

Медленно эта новость дошла до Николая Петровича, глаза его загорелись...

— Как! Теперь мои орлы не будут грузом? Не верю. Кто так решил?

— Я, заместитель Главного Конструктора. Новый корабль проектируется на ручное управление. Там где нужна реакция и навык корабль будет вести пилот. Там, где нужен расчет и точность — бортинженер. Третий в экипаже ученый, роли не играет. Поэтому тренировать их надо парами, вот я к Вам и приехал.

Генерал мечтательно прикрыл глаза... Старый полярный летчик, он прекрасно понимал разницу между пилотом и штурманом, их взаимозависимость. И, как наверно обидно было

учить парней быть только куклой при автоматической машине!

— Нужны тренажеры, всех этапов полета. Все пары должны быть вместе, понимать друг друга с полуслова. Подготовка должна идти для каждого экипажа отдельно. Когда первый пуск?

Ох, как он загорелся, только-только врагами считал...

— Николай Петрович, не ранее чем через полтора года. Тренажеры будут намного раньше. Да, я и многие наши инженеры тоже придем к Вам.

— Как?! Кто вас пустит? Вы же должны делать корабли? — Каманин был удивлен.

— Уже. Вопрос решен. А Вы сами подумайте, как будут проектировать и рассчитывать корабль ребята — зная что они сами могут потом оказаться в его кресле?

Уфффф... — Медленно выпустил пар генерал.

— Да, понимаю. Как бы я сам хотел оказаться на вашем месте...

Бугров, жду подтверждения и тренажеров, препон чинить не буду. Но, если вы, безалаберный народ, попадете ко мне — не жалуйтесь!

Разговор закончился, весьма успешно. Теперь нам осталось всего ничего — сделать то, на чем будем летать...

День за днем наши мечты обретали реальность, пока на кульманах. Большой сюрприз мне принес совместный проект Елисеева с Макаровым. (авт: потом подробней персоналии распишу и уточню) Вот подарок так подарок — за неделю до сдачи проекта. Ребята замахнулись на основу, союз всего — спускаемый аппарат. Идея простая, разделить спускач на две части, сам гермоотсек и отделяемую донную часть с теплозащитой, движками ориентации и аккумуляторами. Кажется сперва хорошей идеей — тут и парашюты меньше и легче будут, и движки мягкой посадки. Но, реальная экономия будет мизерной, а количество критичных узлов резко возрастает. Нет, не надо нам лишних сложностей и опасностей!

Мы работали с утра до ночи, пользуясь новообретенной властью привлек другие отделы. Понемногу утряслись весовые и геометрические параметры, прочность и вся компоновка вариантов нового корабля.

С тоской вспоминал прошло-будущее, даже не компа желая — простого калькулятора. А лучше инженерного, еще бы программируемого... Кстати, насколько помню — первые такие машинки у нас были сделаны из военных баллистических вычислителей в начале семидесятых. Надо будет заняться этим вопросом, назрело.

Но дальше задерживаться было нельзя, сроки поджимали. Плакаты и схемы рисовали все вместе, было весело, пока не наступил главный день, экзамен нам всем.

Все кипело, в разные стороны бегал народ с кипами чертежей подмышкой, важные 'членовозы' разгружались возле здания. Я растерялся от всего этого муравейника. Тут, поддерживаемый крепкими парнями, появился Сам.

— Сергей Павлович... — начал я что-то говорить.

— Спокойно. Я в тебе уверен.

Остался стоять соляным столбом. Ну, придется соответствовать. Большой зал заполнялся, сколько вас туда лезет? Мы планировали первичный доклад делать, а тут полный консилиум собрался! Что то мне так домой захотелось... Не, назвался груздем — лечись дальше.

Вот, все расселись и утвердились, загорелась лампочка проектора — похожего на студенческий 'дралоскоп'. Кладешь чертеж на стекло и пользуешься. М-да, приехали. Пора.

— Здравствуйте товарищи!

— Мы рады предоставить вашему вниманию эскизный проект нового корабля и ракетно-космической системы, которая должна послужить... — сперва страшно было, а потом вспомнил сдачу диплома, причем оба случая. Сделал стеклянную морду и вперед!

— Основной и главной задачей является создание единого объекта, использующегося во всех возможных применениях в ближнем и дальнем пространстве, с немногочисленными изменениями...

— Новый корабль, базирующийся на проекте 7К, максимально унифицирован...

Ребята работали быстрее компьютерной презентации, меняя плакаты — зря репетировали, что-ли?

— Единый во всех вариантах спускаемый аппарат, максимально надежный при любой нештатной ситуации... Отход от стандартной системы с основным и резервным... Три парашюта одинаковой площади обеспечивают... Двигатели мягкой посадки...

Я продолжал молотить языком, глядя на реакцию зала — пока благосклонную. Ну, теперь бахну!

— А так же полный отказ от автоматической системы управления позволяют нам...

Зал загудел, раздались выкрики с мест. Пошла реакция.

— В случае первичной отработки или необходимости беспилотного запуска в спускаемом аппарате на месте экипажа крепится блок автоматического управления... Зашумели еще больше.

— Этот блок, дорогой, но многократно отработанный, может использоваться не только при одном пуске. Я, и группа проектантов, предлагаем называть его термином 'киберпилот'!

Голоса в зале нарастали, выкрики пошли на тему - 'а рулить по компасу будете?'

— Дорогие товарищи! Киберпилот не будет означать отмену автоматики. В штатной комплектации каждого объекта планируется использование бортового центрального вычислительного комплекса, с ручным вводом данных и программирования. Никто не говорит, что человек заменит машину на определенных этапах, например выведения. Но человек весит намного меньше, чем система точного приема команд по радиоканалу, он надежней, чем любая электроника... Опять пошел шум.

— Да, надежней! Но, конечно, только тренированный и обученный специалист способен обеспечить полный контроль при всех операциях полета — а также, только хорошо обученный пилот справится при динамических операциях. Таких как стыковка, управляемый вход в

атмосферу. И, самое главное — посадка на другую планету.

Шум поднялся до невообразимого уровня, но потом разделился на группы. Академик Келдыш, громким голосом, предложил сделать перерыв, я вытер с лица пот и спустился с трибуны. О, надо же... Генерал Каманин, вместе с конструкторами Челомеем и Кузнецовым, общались с утопающим в кресле Сергеем Павловичем. И меня позвали. Зачем? Хм, догадываюсь!

— Ну, Бугров, заварил ты кашу... — Каманин был как всегда прямолинеен.

— Да, товарищи — а мы еще трети не показали из проекта. Четыре человека, важных и нужных смотрели на меня ожидающе.

— Нет, не буду повторяться — дальше расскажу с трибуны. Да, товарищ Челомей. Прошу, не делайте поспешных выводов из дальнейшего доклада, все будет намного лучше!

На меня озабоченно посмотрели, поспешил откланяться. Что-то в горле пересохло...

Но, пора! Сотрудники развешали новые плакаты, продолжил я дозволенные речи.

— Общий план предлагается следующий. Новый единый корабль...

... этап околоземной отработки... Экспериментальная станция, модули на базе отсеков корабля... Первичный модуль станции, ракета Н11...

... Да, товарищи, есть мнение — как железо назовешь, так оно и полетит. Есть предложение, закрепить заранее для каждого объекта звучное гражданское наименование...

... Носитель 'Атлант-1' выводит основной модуль станции...

... Отработка ракетных блоков с новыми компонентами топлива... Трудности освоения водорода... Первоочередная цель — облет, решается следующим образом. С РБ 'Бурлак' стыкуется 'Союз'-ОК...

... Тем самым, задача облета быстро решается без разработки отдельного корабля и излишнего риска...

... Отработка тяжелого носителя намечена на...

... В случае успешного выведения полезной нагрузки стартует модель 'Союз-ЛК', осуществляется полет по орбите Луны...

... Отработка посадочной ступени пусками мобильных исследовательских станций...

... После обеспечения необходимой надежности и апробирования всех систем...

... Будет решена главная задача. Даже если нас опередят соперники, наш ответ будет намного весомей и престижней.

Все. У меня закончились не только слова, но и просто буквы. Теперь решать уже не мне. Тут, в мое спасение, заговорил сам Главный, прерывая начавшиеся прения.

— Для оптимального достижения цели есть предложение. Работы по орбитальным станциям

всех вариантов, системам стыковки предлагается назначить для КБ товарища Челомея.

(уточню, поменяю формулировки)

— Работы по созданию двигателей на новых топливах, водороде и пентаборане, возложить на КБ товарища Глушко и товарища Исаева.

— Создание автоматических станций, посадочной ступени — КБ Лавочкина. Дальнейшее уточнение и распределение работ будет осуществлено на первом заседании коллегии центра 'Главкосмос'.

Уф, занавес...

Слова превращались в цифры, цифры в линии чертежей, чертежи в детали на новых станках. Дни сжимались в недели, недели в месяцы...

Слетал 'Восход-2', Лешка Леонов впервые поболтался снаружи, вызвав экстаз у зарубежных и наших СМИ. А так же в ЦУП-е, когда с трудом забрался назад в корабль. Хоть и предупредил, но ничего сложней сеточки из титановой проволоки на скафандр придумать не успели. Зато парни хоть и на ручнике, но сели там где надо. А то ищи их трое суток в Пермской тайге!

Хоть и сопротивлялись товарищи, но на этом тему ЗК прикрыли. То есть 'Восток' и оба варианта 'Восход'. На оставшихся кораблях слетали обезьянки, по месяцу каждой паре. Когда, после возвращения, бедные мартышки разучились ходить — настало время думать новоиспеченному институту. А то, назвались гордо — а делать дело когда? Подкинул пару идей, не просто тренажеров, до них и сами дошли. Супер-агрегат, Турбо—Штаны, с разряжением. Кажется, они у нас 'Чибис' назывались. Просто, чтоб тело в невесомости не забывало — где главная часть... Что? Ноги, конечно. И хвост! Ха-ха, да — тот самый. Иначе никак. Короче, мартышки молодцы.

Новый корабль появился, сперва в макетах. Потом в тестовых блоках, летуны повеселились — сбрасывая спускач с транспортного самолета и считая успешные посадки. Парашютисты, получив заслуженных люлей, наконец довели систему до нормы. В самом крайнем случае один купол из трех оставался. Выживем!

Движки на новых топливах пока не давались, хотя всего чуть времени прошло. Работают и сделают. А тут целых шесть ракет под 'Восход' осталось, не воякам же их дарить. Пусть груз тянут меньше шести тонн — а нам пока и не нужно больше. Пользуясь своей властью анонсировал пуски тестовых образцов корабля. Штатный спускач с недоделанным приборно-агрегатным отсеком, даже солнечные батареи не нужны. Огрызок от проекта, зачем беспилотному кораблю бытовой отсек. И, полетели уродцы! Первый, на удивление, слетал хорошо — только сел не там, знатные Иранские бахчеводы сильно удивились такому способу уборки урожая... Неотстрелившиеся купола тащили капсулу по скользким коркам километр. Был небольшой дипломатический скандал, но кончилось мирно. Это не религиозные фанатики моего времени, вполне вменяемые страны Юга. И откуда только все пошло?

На двух других мы уже воткнули тестовый образец бортового вычислителя, тестовый же стыковочный узел прикрутили к спускачу... Наивные. Второй корабль показал всю пагубность отсутствия системы аварийного спасения, на тридцатой секунде рванул центральный блок, раскидав рабочие боковухи в стороны. Те, кто ратовали за продолжение полетов 'Восход'-ов, втянули головы в плечи. Наш спускач крепче, только два из трех куполов загорелись от

обломков носителя. Первый вышел на орбиту успешно — но стыковаться было не с кем.

Что делать, что делать... Наш Шеф, как глава координационной структуры, напряг конкурентов. Трое суток на баллистической ракете Р-36 прикручивали стыковочный узел с средствами сближения, пустили. И, ТАСС-у вновь пришлось заявить...

'... Восьмого сентября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года... В автоматическом режиме, по командам с Земли... Произведена стыковка космических аппаратов!'

Ну да, типа опять впереди. И что, что криво состыковались — отсюда не видно. Хотя... Сам факт нормальной работы многое говорит, остальное обрабатываем напильником. Не впервой.

А спускач при посадке дал жару. Система АСУ, тот самый 'кибер', решила — лучший способ сесть это как можно плавней снижаться. И долетела на аэродинамическом качестве капсулы почти до Китая, шлепнувшись где-то под Читой. В горах!

Искали пепелац несколько дней, хорошо сообщили нам о находке прежде чем лезть. Когда Мишину доложили, я был рядом.

— Василий Павлович! Можно мне связь... Это очень важно!

Шеф сперва возмущился, но отдал трубку.

— Так, ребята — где и как стоит спускач?

Сквозь шумы дальней связи ответ пробирался долго...

— На парашютах повис на склоне, крутом...

Ой, ё...

— Движки мягкой посадки не работали?

— Нет, дно чистое.

Таааак... Наша любимая автоматика ждет попадания под дно корабля тверди — пыхнет движками и отстрелит купола. И, что будет со зрителями? Что им посоветовать? Хорошо, что корабль беспилотный. По моему совету стропы парашюта облили керосином, закидали сушняком — подожгли и убежали. Только благодаря герою-кинооператору этот кусок теперь входит в учебные фильмы. Очень весело смотреть — как фара спускача пытается в последний раз, на последних движках — взлететь. И кубарем летит с обрыва, ломая деревья...

А за несколько месяцев до этого, бедному-несчастному ТАСС тоже пришлось заявлять. Одна из станций сдохла по традиции на полпути, но вторая, названная 'Марс-2' долетела. И, одновременно с американским четвертым 'Маринером' передала первые снимки.

Долго мы смеялись над статьей в знаменитом журнале 'Лайф'. Особенно над обложкой — разделенная на две части резкой чертой — слева снимок и справа снимок. Один тусклый, весь в шумах, почти ничего не видно. Второй — роскошная панорама с минимального расстояния, торчит на горизонте один из великих вулканов, видно русло реки... Красота! И, кривыми буквами, 'типа под кириллицу' - угадай, где чей! Ха-ха. Но, смеяться особо не над чем. Да, еще лет десять фототелевизионная система будет лучше электронной, американцы ее не поставили только от недостатка веса — их 'Маринер' весит как вся ФТУ нашей станции. Потом надо будет

что-то делать...

Кончились старые ракеты, наступила пауза в полетах. Исаевские ребята день и ночь работали над водородными движками. Шкурили мы все системы корабля, бодеясь с прочнистами, двигателистами и даже экологами. Не теми 'зелеными' фанатиками из того, уже не моего времени, а с серьезными ребятами, от которых зависит наша жизнь в долгих полетах. Еще долго продолжали утрубковывать весовые параметры, конструкцию и задачи новых кораблей. Все шло по плану, даже финансирование. Удивительно, почему? Да, создание координирующей структуры сильно помогло. Но, кажется, ответ не только в ней скрыт...

Американцы начали, весьма успешно, летать на своем новом корабле. 'Джемини', близнецы по-русски говоря. Хорошая, хоть и тесная двухместная машинка. Отработали стыковку, долговременный полет. Даже установили рекорд высоты — состыковались со ступенью "Аджена", разогнались и взлетели аж на тысячу триста километров над планетой. Нам это было незначительными помехами. Главное, потом не облажата. Еще одним большим событием было перетряхивание конструкторского бюро товарища Пилюгина, особенно подрядчиков. Теперь появилась уверенность в готовности к сроку нового бортового компьютера.

И вовремя. Как и сказал Сергей Павлович, ушел я. В Отряд Космонавтов. Не один, первичные тесты прошли многие инженеры. Хорошо! Будем рулить кораблями... Если все сделаем, как надо!

...Дыдыды...жжжж...дды...жжжж...дддыыы... — гудел Олег Макаров. Я, и Валера Кубасов, молча терпели. 'Готовность...' - сказал динамик. Где-то внутри завибрировал нерв страха... У, йо! Кишки решили улететь вверх, потеряв тело по дороге... Транспортник открыл люк мы поехали по рольгангу... Пааааааем!!!

Конечно мы знали задачу — спускач скинут, нужно выжить. Для лучшей слетанности команд дублеров скинут рядом. И ни одна собака десять дней нам не поможет.

'Бац!' - Наступила невесомость. Ненадолго, конечно — пару десятков секунд спустя рванули нас вверх купола парашюта. А вот где мы — тайна. Тест на выживание, однако!

Лежим, глядим, ждем посадки. Неизвестно где.

'Плюх!!!' - Вода...

Корабль колыхается. Хоть и позади давно были тренировки в Центре Подготовки Космонавтов, но все равно неприятно. Надулись поплавки, открыли люк, Олега вылез наружу — как самый близлежащий к выходу.

— Земляя!!! — заорал он.

— Хде?

— Да так, в километре примерно... Не вниз!

У нашего начальства вполне хватит задора выкинуть нас хоть у Кубы, хоть у Южно—Курильска.

Будем решать по принципу - 'Ашхабад там!'.

Высунулся я из капсулы... О, знакомое море, осталось до берега добраться.

— Так, распаковываем НАЗ, надуваем лодку. Всю еду туда, главное — не утопите спускач!

Парни осмелели, начали возмущаться.

— А кто утопит — будет потом переть его из под воды до берега! Осознали.

Только мы перегрузились в лодку, перекидали барахло и отплыли — тут же нарисовался катер, причалил к кораблю и взял на буксир. Ну, так не интересно — чувствуешь постоянное внимание. Не поиграть в Робинзона!

'Иди ко мне рыбка, большая и маленькая... Хотя, большая мне сейчас нужней!'. Интересно, что ласкового мне скажут за порчу казенного скафандра? Мне все равно, у нас задача выжить, используя подручные средства! Вот и сижу я на глубине в восемь метров, глядя на красоты подводного мира через гермошлем. А в руках самодельная острога. О, выползает! Здоровенный морской ерш, больше похожий на ежа, высунулся из под скалы. Страшная образина, на гребне и в плавниках ядовитые колючки. Но вкусный, зараза. Тык!

Все, на уху насобирал, да и кислорода на десять минут осталось...

После того как у нас уперли родной спускач, осталось только грести к берегу. Судя по виду побережья и, особенно, растительности — мы где-то под Новороссийском. Снова вылезли воспоминания — да это же Утриш! Упс, в голове словно карта появилась — я помню, где тут спрятанный глубоко в лесу родник с пресной водой есть...

Пыхтя, короткие пластиковые весла были не больше детского совка, гребли. С неба донесся гул, в многокилометровой выси летел крестик самолета, отделилась точка. Парней сбросили! Продолжая нашу черепашую греблю наблюдали — как раскрылись три купола, спускач медленно и торжественно приник к лесистому склону берега, вздулись клубы дыма двигателей мягкой посадки. Ну, гребем к нашим...

Вытащили лодку на галечный пляж — никто не встречает. На деревьях ветер трепет ткань парашютов, где парни? Побежали в лес. Вот и они — спускач немного прокатился и замер на боку — уткнувшись люком в ствол здорового дуба!

Послушав сочувственно неразборчивые матюги, начали ворочать бочку корабля. Она только кажется маленькой — весит три тонны. Ну хитрость и смекалка все победит, спустя десяток минут здоровались заново с ребятами. Будем теперь вместе куковать...

Да, основные тренировки в Центре были намного скучней — зубодробительная центрифуга, барокамера, еще куча страшных пыток. А тут у нас намечается пикник, почти курорт. Вот только что кушать будем? Штатной жратвы на два-три дня всего...

Хоть и лес кругом, но еды в нем нет, совсем. Орехи будут осенью, грибы тоже. На дворе май месяц, только дикого чеснока насобирать можно — куда и отрядил меломана-Олега и ворчуна Елисеева. Сам полез в море.

Горел костерок, на алюминиевой панели заваривались в собственном соку мидии. Вкусная

безумно вещь, но малокалорийная.

(прим. авт: Кто ел магазинные — это гуано. Терпеть не могу. Все равно... Да не могу сравнение придумать. Например шашлык или грязные носки, что вкусней?)

Я же, стуча зубами, согревался — да май, да тепло. Но вода ледяная, с таким экстримом долго не пробулькаешься.

Хорошо что второй спускач у нас не отобрали. Вандализировали парашюты, сделали палатку. Все, что могло подойти из начинки аппарата пустили в дело. Большим подспорьем оказалось полностью снаряженное хозяйство системы жизнеобеспечения, спасательные скафандры превратили в водолазные. Это на берегу еды мало, в воде она живет и плещется!

На второй день притопап наряд пограничников. Оказывается, их заранее про нас предупредили и запретили помогать. Особенно едой.

'Ну, эт не еда' - сказал молодой лейтенант, звякая авоськой...

Хотя калорий там тоже много было, последние только утром с перегаром развеялись...

— Ааааа!!!

Что, где, когда?

Из воды, в одних трусах, летел Володя Попович.

— Что там?

— А.. А.. Аккулаа! — да ну, не водятся тут они, почти. А те, что есть — еда! Схватив острогу, кинулся в воду.

Через час аппетитный запах жареной осетрины разнесся на весь лес, на холме завывли голодные шакалы. Нырнув обнаружил бедного, потерявшего в соленой воде ориентацию, азовского осетра. Несчастливого можно было брать голыми руками. Жаль рыбку, но голод не тетка!

Как-то вечером к нам пришел дед-лесничий. Долго охал, рассматривая наше житье-бытье, не взирая на возражения выложил здоровенный окорок. И оплетеную бутылку...

— Далеко собираетесь, хлопцы?

Мы лежали, наслаждаясь последним теплом уходящего дня, на небе загорались первые звезды.

— В Небо, Диду, туда... Из-за гор выползала огромная толстая полная Луна. Казалось, сейчас зацепится за деревья и упадет...

— И на нее, круглую, тоже?

— Да... Нам было хорошо и хотелось плевать на все — распорядок, секретность. Действительно отпуск получился.

— Ну, будете там, поклон от старого Тимофея передайте. Любил я молодым смотреть и гадать, как там... И долго тянулся вечерний разговор под густое домашнее вино.

Но все хорошее кончается. Мы даже не считали дни, расслабились.

И, новорожденным утром, разбудил нас гулкий с присвистом рев тяжелого транспортного Ми-6. Все, каникулы окончены...

— Тридцать, нольпять...

— Пятнадцать, нольчетыре. Радар отключился — слишком близко мы к цели. Дальше я только ждал.

— Контакт! — раздался голос из соседнего отсека.

'Подтверждаем. Скорость и угол в норме, есть захват и стягивание. Поздравляем!' - голос в шлемофоне позволил выйти воздуху из напрягшихся легких... Уфф. Получилось! Отстегнулся от кресла, полез через люк к насвистывающему веселую песенку командиру.

Да, командиру новоиспеченного экипажа Центра подготовки космонавтов, за номером 11. Меня — и просто Юры. Потому что он очень не любит всех положенных титулов и званий, которые чуть не свели его в могилу...

А стыковка наконец-то получилась пять раз подряд без сбоев и несмотря на разные каверзы экзаменаторов. Выбрались из тренажера — в зале лежал макет корабля, к блистеру управления стыковкой была прикручена сложная проецирующая конструкция. Как она работает, трудно понять — но крохотная модель цели выглядит в иллюминатор полностью похожей на реальный объект в реальном Пространстве.

Да, давно прошло то время, когда мы рисовали новую технику и пускали ее кусочки на старых ракетах. Первый пуск нового пепелаца, названного на удивление привычно, состоялся в октябре шестьдесят шестого. 'Союз-1' был запущен еще на старом, лишь немного форсированном носителе. Водородная третья ступень только проходила последние тесты и испытания. Так что, корабль с почти сухими баками немного покрутился по орбите и безукоризненно приземлился. ТАСС, расхваливая корабль, не забыл сказать о его трехместности — а на вопросы отвечали просто, это испытания идут! Комаров с Елисеевым долго отдувались на пресс-конференциях...

Вообще, потихоньку происходили малозаметные — но важные изменения. На несколько лет ранее, чем в моем к-счастью-несбывшемся грядущем, ВДНХ обзавелся новыми экспонатами. Свечка 'Семерки' перед входом, реальные 'Восток' с 'Восходом' внутри. Даже за отдельную плату, можно закупится едой в тюбиках. На полстены огромные фотопортреты Марса с автомата 'Марс-2' и Венеры, с 'Венеры-2' соответственно. 'Венера' - же под номером три, лишенная всяких чудачеств вроде сахарного замка, успешно совершила посадку. Прикончив при этом старую программу 'МВ', КБ под руководством Бабакина проектировало теперь новые станции, под носитель 'Атлант-1'.

Полетел, редиска, с третьей попытки. Это ракета была просто обрезком главной цели — тяжелой Н1, но важным. Прошла обкатку вся технология, набили шишек конструкторы. Двигателисты, почесывая репу, ставили фильтры на трубопроводы, стали прожигать каждый двигатель и даже всю ступень перед передачей заказчику.

Первая экспериментальная станция, легкая бочка на базе самого корабля, стартовала уже в декабре. 'Союз-3' оправдал свой номер, тридцать дней работали на орбите трое — летчик,

инженер и врач. В результате дома их не пришлось вычерпывать ложкой из спускача, сами выползли. Вояки были тоже в восторге — ребята вдоволь поработали папарацци, щелкая фотки с орбиты. К историческому бочонку с названием 'Салют' слетали еще дважды, пока весной шестьдесят седьмого шестой 'Атлант', третий из успешных, не поднял тару посолидней. Сделанная на скорую руку, не хотелось терять дорогой аппарат в случае аварии, большая бочка с кучей стыковочных узлов. Внутри кроме СЖО были только тренажеры, моментально обозвали спортзалом!

А первые два везли совсем простой груз — обычный спускач. Но с новым тяжелым ракетным блоком, на новом же топливе, который подкидывал бедных черепашек с прочими обезьянками на триста тысяч километров от Земли. Правда ловить их пришлось потом... Один плюхнулся в Индийский океан, второй решил доставить удовольствие родной партии и правительству, сев посреди деревни в подмосковье.

На большую бочку натыкали несколько маленьких уже с целевым оборудованием, теперь на станции дежурили постоянно трое космонавтов. Корабли стартовали регулярно раз в четыре месяца, а вот решение пускать журналистов на космодром многие посчитали ошибкой.

Один из носителей решил выпендриться, неправильно припаянные кабеля управления давали обратные команды на рулевые двигатели. Эффектное срабатывание системы аварийного спасения и подрыв в вечернем небе трехсоттонной ракеты попали на все полосы газет и новомодные телеэкраны. Но даже такое событие наши говоруны смогли повернуть к вящей пользе, и это очень сильно вспомнил весь мир спустя всего пару месяцев.

Извечные соперники были очень возбуждены такой активностью — великолепные сперва двухместные 'Джемини' теперь не смотрелись совершенно на фоне десятитонных 'Союзов' и орбитальной станции в полсотни тонн, работы по проекту 'Аполлон' форсировали как могли. И случилось то, что и в моей истории — за торопливость политиков отдали жизни трое хороших ребят... Во время предстартовой подготовки случилось короткое замыкание, начался пожар. Кислородная атмосфера корабля превратила его в крематорий — горел даже металл, шансов не было, совсем.

У нас тоже не все было гладко — один из кораблей сел на двух парашютах из трех, два экипажа не справились с управлением и спускались по баллистической траектории. Отделались синей мордой лица и люлями от генерала Каманина.

Теперь и я готовился к полету. Кто будет третьим пока не решено — да и не сильно важно, летим не на несколько месяцев. Как все новички, а Юру тоже можно таким считать, как это его не раздражает — всего дней на десять, экспедиция посещения.

Подготовка подходила к концу, и тут наступило давно ожидаемое нами событие. Только соперники из-за океана совсем не рады были.

Двадцатого ноября тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года мечта, миллионлетняя мечта еще древнего, но смотрящего в Небо питекантропа начала осуществляться... Проткнув надвигающийся снежный буран, 'Атлант' утащил на орбиту ракетный блок 'Бурлак'. Двадцать второго ноября, с погодной задержкой в сутки, стартовал экипаж Первой Лунной. Спустя три дня Олег Макаров и Алексей Леонов первыми из всех людей в мире увидели обратную сторону Луны. Еще через четыре дня все печатные издания на планете было трудно отличить друг от друга. Везде на первой странице была фотография Земли.

Восхода Земли...

Девять минут.

Просто девять минут, мелочь в жизни. Эти минуты на моей памяти меняли судьбы многих, купивших их за деньги или за власть — сенаторов, шейхов, замминистров... Те, кто прожил эти минуты, становится другим человеком.

Но, эти минуты любят других — идущих к ним с чистым сердцем. Девять минут делят людей. И, как трудно, успеть на эти минуты жизни!

Девять минут.

До и после. Жаль, эти минуты не доступны большинству в мире. Как было бы проще.

Девять минут до Неба.

И, как долг путь к этим минутам.

'По заключению экзаменационной комиссии, экипаж номер одиннадцать готов к полету. Все задачи выполнены на отлично. Поздравляю Вас, товарищи!'

'Комиссия Главкосмоса постановляет. Назначить основным экипаж в составе — командир корабля летчик-испытатель Гагарин Юрий Алексеевич. Бортинженер корабля Бугров Владимир Евграфович. Космонавт-исследователь Голованов Ярослав Кириллович'.

Мы стояли и ждали решения, как в детстве оценки в школе. Дублеры конечно обиделись, а зря. Вы будете следующими!

Домик космонавтов, привычный только для Юры. Тревожный сон. Утро.

Автобус везет нас по заснеженной степи, приостановился.

— Ну, не будем с собой забирать ненужное.

Потаял от нас снег возле колес автобуса, так, немножко.

На площадке было чисто, тяжело переступая ногами, шли к лифту, подъехала машина.

Главный... Обнял каждого, и сказал простое - 'Вернись!'.

Лифт поднимал нас к свинцовому февральскому небу.

Тут, сквозь случайный разрыв в дымке, показалась мечта — в пятнадцати километрах от нас на стартовые площадки вывозили новые носители. Один уже стоял как стопятиметровая башня, второй только поднимался на транспортере. Это уже не просто макеты, летные образцы. Удачи... Какой маленькой казалась нам наша ракета теперь. Да это не важно — размер роли не играет, главное успех. Заняли свои места, пошел отсчет.

Окончился.

'Главная... Отрыв!!!'

Я получил свои минуты...

Летим.

Там, внизу — работа кипит. А мы, просто лежим и ждем. Бегут цифры на панели, все хорошо...

Отлетели в стороны боковушки первой ступени, порядок.

Бегут цифры, бегут. Отстрелилась вторая ступень, центральный блок. Работают двигатели нового образца, еще малоопробованные водородники. А потом наступила тишина.

Сотни тонн топлива сгорели, разогнав нас до скорости в почти двадцать девять тысяч километров в час.

И девять минут совершили свой бег. Все.

Доложили на Землю, 'вниз'. С радостными улыбками начали отстегиваться от ложементов, ох зря! Одно дело, тренировки, чуть совсем невесомость... Тут дооольше, намного. Мы с Юрой летали по отсекам не отпуская из рук пакета. Да-да, именно. А вот первому в истории журналисту-космонавту было все хорошо, аж завидно!

Но вид нашей матери-планеты примирил всех... Командир даже повторил свои слова шестилетней давности.

— Красота... Какая красота!!!

По совету института Медико-биологических проблем, который все называли 'институтом лунатиков', стыковка должна была состояться не ранее суток с момента старта. И эти сутки мы не тратили зря — все свободное время любовались. Нехотя оторвавшись от иллюминатора, ввел параметры в бортовой компьютер.

Мы пристегнулись, двигатель по полученным от железки данным загудел. Два часа до сближения прошли как миг, в конце было видно наш небесный форпост. Юра сердито согнал нас в кресла, сам приготовился управлять стыковкой. Я закинул данные последней коррекции, еще раз на пару секунд включился маршевый двигатель, Ярик все снимал. Через четыре минуты раздалось клацанье стыковочного узла...

В боковом окошке дернулась и замерла солнечная батарея станции. Приехали!

Некоторые вещи не стоит докладывать на Землю. Например, как мы отмечали прибытие. Генерал может не понять коньяк на орбите... А может он знает и не возражает? Мы точно не знаем, рисковать не хотим!

Всего за год на орбите получилась хорошая такая станция, не хуже 'Салютов' и даже 'Мира' моего времени. Центральная бочка была проста и сурова, ничего ценного и лишнего. Впрочем, замена готовилась. А вся спецтехника стыковалась в маленьких модулях к любому из десятка стыковочных узлов. Самым любимым и посещаемым был отсек с перспективной замкнутой системой жизнеобеспечения.

Там росла трава... Зеленая-зеленая, всех видов. Вкривь и вкось пшеница раскидывала колоски, огурцам было параллельно на невесомость. Хорошо, арбуз никто не догадался впихнуть!

Это меня убедило окончательно — хоть и можно сделать чисто техническую систему жизнеобеспечения, но жизнь экипажа она не обеспечит. Психологическую и моральную.

Всегда, уходя в даль, человек берет с собой кусочек Родины. Пусть даже это кустик мяты...

Эти десять дней очень многое мне дали, в понимании людей и вещей. Юрка все порывался порулить, но командир станции, товарищ Егоров, как врач дал ему пилюлей.

Ярик снимал нас всех, снимал все, два раза в день отправлял на Землю теле и радиорепортажи. Вот только его самого пришлось заставлять сфотографироваться, каждый раз.

Самым потрясающим впечатлением оказался первый выход в открытый космос. Шипение уходящего остатка атмосферы, открытие люка, толчок ногой и...

Бездна, бескрайнее пространство вокруг тебя, в первые секунды первобытный ужас охватывает все сознание. На солнечной стороне звезд не видно, только черная пустота. Зато наша прекрасная планета сияет, какая Земля красивая! Просто неопишимо... В бытовом отсеке мы привезли пару скафандров нового образца, с встроенной системой передвижения. Достаточно прикрепить к ранцу пару баллончиков концентрированной перекиси, повернуть защелки — и двадцать восемь микродюз готовы к работе. Естественно такую опасную жидкость мы везли снаружи корабля, в промежутке между бытовкой и спускачем как раз крепления грузовые. Кроме баллонов отцепили упрятаную в чехол фиговину, пристегнули фалы и полетели. Пусть и на привязи, но ощущение полета, управляемого легким движением руки — такое неопишемое наслаждение! До нас систему СПК в разных вариантах испытывали, с разными отзывами. От простого "пистолета" до специальных навесных ранцев. Но в этот раз кажется удалось получить сочетание удобства и простоты. Так что дотащили мы ящик до цели спокойно, ни разу не задев торчащие детали станции. Приставили к уже подготовленной площадке на одном из служебных отсеков, закрутили крепления. И после нажатия кнопки хитрая механика развернула двадцатиметровую решетчатую ферму. Ура! Космическая инженерия весьма хитрая штука, каждый грамм массы ценен. А так же объем, который можно впихнуть под обтекатель ракеты. Сборно-раздвижные ферменные конструкции пригодятся сильно. К тому же следующая экспедиция посещения притащит сварочный аппарат, будут пытаться ферму дополнительно.

А в день возвращения домой нам пришлось еще одну процедуру обеспечить. От станции отстыковали один из целевых модулей, остатками топлива дал он первый импульс на снижение орбиты. Отделились мы от станции, попрощавшись с экипажем, пошли следом на расстоянии в два десятка километров, смотрим.

'Готовность... Есть поражение цели!'

Блок, уже отработавший двигателями тормозной импульс, падал в океан. А тут его напоследок достали.

Далекий силуэт вспух облаком истекающих газов, ракета 'космос-космос' разорвалась совсем рядом. И поражающие элементы воткнулись в корпус. Уже не так весело снимал это Ярослав, да и мне было не по себе.

'Готовность... Пять секунд!'

Рядом с бедным блоком мелькнули две искорки, уткнулись — все. Куча ошметков разлетелась в стороны, готовая сгореть в атмосфере.

— Есть поражение цели... — мрачно сказал я. Зачем нам показали эти учения?

Вот я и возвращаюсь домой. Перегрузка вдавила в ложемент, цифры мелькали перед глазами — а их надо вовремя сказать! Иначе пилот не сможет нас провести через огненный ад атмосферы. Но долгие тренировки сыграли свою роль, вот утихло пламя за окном, перегрузка тоже. Затрепыхали стабилизирующие парашюты, выползли вытяжные. И, наконец, раскрылись три купола основного. Опять пожали друг другу руки, цифры высоты бежали к нулю... ШШШБУМ, сказали двигатели обеспечения мягкой посадки.

Мы дома.

Теперь уже к нам выпрыгивали из вертолетов товарищи поисковой бригады, поворачивали в еще горячем спускаемом аппарате, открывали люк. Вовремя! Наш корабль решил испытать свой экипаж, остановившись в положении 'ноги вверх'. И висели мы на ремнях бесконечные полчаса, пока нас не спасли.

Мммм... Какое вкусное яблоко! Легкий ветерок мел поземку по степи, укутанные в теплые пледы сидели мы как короли, под вспышками фотокамер.

Все понимали — такое внимание к заурядному полету имеет только одно объяснение — наш Командир. Самый Первый вернулся в Небо. А мы так, для декорации.

Эту неправильную мысль Юра начал искоренять еще до старта, но всем журналистам не объяснишь. Особенно зарубежным, падким на всякие сенсации. После некоторых высказываний, Министерство Иностранных дел проявило себя во всей красе — именитые газеты платили миллионные штрафы за грязновоняющие статьи. Буржуи, посчитав расходы и прибыль от нездоровых сенсаций, засунули языки своих писак в подходящее место.

После нашего возвращения остался я один на полигоне, по должности. Вместе с многими важными товарищами осмотрел новый носитель. Неописуемо! Просто Башня. Стоя у подножия, чувствуешь себя мухой... Вот только, как она будет дело делать?

Самое слабое место это первая ступень, почти две трети веса и столько же потенциальных проблем. Вторая и третья ступень уже летают, под названием 'Атлант-1'.

Но первая... Так и не удалось создать надежный сверхмощный двигатель, пришлось обходиться тем что есть. Двадцать четыре сопла шестидесятитонной тяги. Конечно, каждый двигатель проверяется, прожигается и снова проверяется перед установкой. Четыре рулевых движка в своих треугольных отсеках служат еще и креплением решеток атмосферных стабилизаторов. Но как этот оркестр вместе будет работать, пока никто не знает.

Кстати, после окончания финальной производственной развесовки первой ступени осталось почти десять тонн свободной массы, в основном от аналогового компа управления полетом. Не знаю, кому пришла в голову идея — в донной части ступени появились парашютные отсеки. Какая многообразность? Даже под куполами, махину весом в сотни тонн посадить мягко невозможно. Просто для получения опыта, и отработавших свое двигателей.

Оказалось, еще не летавший носитель решили показать не только космонавтам. Опять шкура неубитого медведя! Спецрейсом прилетела делегация одной веселой страны, изобретательницы шампанского.

За день до парадного представления сбежал с космодрома. Да, возможный союзник, да генерал Де Голль. Меня это не касается! Но ТАССу опять пришлось объявлять.

' Двадцать третьего февраля, носитель 'Атлант'...'

По всем радио и телеканалам шел репортаж. Маленький драндулет спустился по трапу с посадочной ступени, развернулся и поддержал репортаж.

'Кооперация двух Великих держав, идущих по пути социалистического развития...'

'Выдающиеся достижения ракетной техники...'

Да, вид был хорош. Французская электроника с нашим железом давала отличную картинку. Посадочная ступень, отработавшая на все сто процентов, красовалась на телеэкранах всего мира. Особенно красиво смотрелись следы колес в перевозданном грунте!

Спустя пару месяцев я пришел в обычный магазин игрушек, вышел оттуда в полном шоке и с здоровенным пакетом в руках.

Даже не думал, что пару моих слов так поддержат. Может, тут играли роль личные взаимоотношения, // потом// но результат был, еще какой.

Да, подарок на день рожденья сыну одной девушки из медицинской команды Центра подготовки оттягивал мне руку. Не знаю, кто плюнул на секретность, там было все. Даже модель орбитальной станции со всеми модулями. И, с анонсом выпуска моделей вслед за реальными изменениям. Я спросил, в шутку - 'Атлант-3' когда будет?

Ответ меня привел в транс - ' Как полетит...'

А жизнь продолжалась, летали ракеты.

Наша страна одна из самых северных государств на планете — и Луна никогда над нами не пролетает, плоскость орбиты проходит южней. Ну а так как летаем не на фантастических "гравицапах" то надо точно рассчитать момент старта, так называемое "стартовое окно". И этот день настал.

Девятого марта шестьдесят восьмого года наш верный Ил-18, заботливо раскрашенный эмблемами "Главкосмоса" остановился на полосе аэродрома, стихли турбины, под утихающий шум винтов дружно полезли на свежий воздух.

эх, хороша погодка! Еще лежит снег — но ярко светит Солнышко, звенит капель... Совсем скоро степь покроется невообразимо прекрасным цветочным ковром — обожаю весну.

Тут же пересели в вертолет — космодром большой, дороги после долгой зимы стали "таямотоканавы" и трястись лень. Через несколько минут кружили над стодвенадцатой площадкой. Некислая такая площадочка — размером с небольшой город, жилой микрорайон из пятитажек в наличии. И стояли огромные, невообразимо-прекрасные, соперничающие высотой

с небоскребами снежно-белые стрелы!

На стартовом столе 112Б торчал в гордом одиночестве 1МТ, технологический макет. Почти настоящая ракета, даже запустить можно — но смысл? Долго на нем отработывали все технические детали будущих стартов, находили недоработки и исправляли на собираемых летных ракетах. И внизу видно ползущий сразу по двум железнодорожным колеям установщик. Сегодня макет снимут и увезут в специальный ангар.

Гордо на втором столе красовалась машинка под литерой 1Л, первая летная. Стосоракаметровая башня обслуживания нежно обнимала птицу руками-площадками, сверху, с крановой стрелы на таях спускались к головному обтекателю инженеры — в крайний раз проверить систему аварийного спасения.

Естественно никто в здравом уме не пошлет на непроверенной ракете людей к Луне. Хотя нет — в той, уже к счастью не моей истории "прошло-будущего" таки нашлись такие кретины. По нашим правилам полеты двух первых тяжелых "Сатурнов" посчитали бы неудачными. Но, торопясь опередить СССР с облетом Луны посадили они в третий астронавтов. К счастью повезло — и в результате наши отменили облет. Решили что на фоне суточного????уточнить полета по орбите троих человек простой пролет мимо Луны двух космонавтов будет совсем не солидно смотреться. Зря... Но сейчас мы слетали первыми, смысла торопится нет.

Так что в бой пойдут ниндзя-черепашки, точней черепахи-космонавты. Бедных собачек посылать в месячный полет жалко... Носитель, при успехе, должен доставить на лунную орбиту обработанный немного напильником обычный "Союз". В бытовом отсеке воткнули фототелескоп, в спускач загрузили километры пленки. Хорошую карту Луны в магазине не купить, однако.

После посадки, стоя у подножия гигантской ракеты чувствовал себя крохотным мурашом. Королев как всегда сидел в тенечке, в своем верном кресле. Скорее всего он дремал, но мы своим вертолетом разбудили. И сейчас, сладко потягиваясь, шел навстречу.

— Привет, Володя. Что — не утерпел, тоже прилетел?

— Сергей Павлович, как можно, такое событие пропустить! Сколько лет ждали.

— Да... Он резко замолчал, потемнев лицом. А я представил долгие-долгие годы, сквозь которые этот великий человек шел к своей цели — и огромное спасибо неизвестной силе, Звездому Вихрю Времени — давшему мне возможность, попытку исправить ошибку судьбы. Ведь там, тогда, в том времени он умер за месяц до первой мягкой посадки нашего робота, так и не увидел лунные пейзажи... Хотя конечно главная задача — таинственный Марс, но сперва нам нужно добратся до более близкой цели.

После торжественной речи, когда пора было начинать заправку — и, кроме нескольких инженеров всех заталкивать в безопасный бункер Королев немного задержался. Подошел к подножию носителя, прошел по техническому трапу над краем пропасти, тридцатиметровым колодцем пламегасителя. Упер обе ладони в борт, и прислонил к нему мудрую голову. Постоял секунд десять, обернулся и рявкнул своим знаменитым рыком — "Все, начинаем!!!!".

Сам пуск мы решили смотреть своими глазами. Конечно в перископы бункера глядеть будет гораздо ближе — но там и так толпа народа, занятого делом, а не праздным созерцанием.

Время тикало и такало, Н1 укутало испарениями — заливали килотонны керосина и кислорода.

Пятнадцать тонн водорода для разгонного блока залили и герметизировали раньше — не нужен нам риск пожара. Мы пообедали, договорились насчет машины. И укатили к самой границе опасной зоны, бросили "Газик" возле колючки. Нашли подходящий пригорок, врубили радию на постоянный прием и любовались закатом. Вот и тоненький серпик молодой Луны видно, как раз над отползающей вдаль башней обслуживания. "Две минуты до старта...", буркнул динамик. Юра приготовил ручную кинокамеру, товарищ Голованов свой навороченный фотик. А я просто, затаив дыхание, смотрел как...

... отпала в сторону тоненькая кабель-мачта, запустившая двадцать четыре турбонасоса...

...донная часть носителя окуталось дымом и заревом от работающих на "предварительном", проверочном режиме моторов...

...факелами ослепительнейшего, заставившего обзавидоваться бы любого фентезийного дракона, на все три стороны выхлестнуло по специальным глубоченным каналам пламя...
...Мать—Земля задрожала, затряслась...

И наша птичка ушла в темнеющее небо. Через двенадцать секунд, со своей неторопливой скоростью прилетел звук — неопиcуемый, заранее запасенные стрелковые наушники слабо помогли. И ударная волна — но мы, хитрые, залегли за природным бруствером. Иначе бы сдуло нафиг!

Ракета долго сверкала факелом, уходя на восток. В чистом весеннем небе Ярослав ухитрился даже разделить первой и второй ступени своей телепушкой заснять.

Радиа объявила о выходе на орбиту — и с диким воплем "Урррррааа!!!" начали алкоголизировать, от радости. Без фанатизма конечно, раздавив на троих бутылочку отличного армянского коньячка поехали в бункер.

А вот там все грустили, рано мы победу отмечать начали. Пучок двигателей не сработал как надо. Сперва отключилась на старте одна пара, просто так. Компьютеру не понравилась их работа. Потом, от вибрации, отскочил трубопровод подачи топлива еще на одном движке, тут тоже пришлось отключить противоположенный. Начался пожар в донном отсеке, быстро потушенный фреоновой огнетушилкой.

И еще пара моторов была потом отключена системой контроля, плюс противоположенные. Или минус? Первая ступень не вытянула нужную скорость, вторая и третья отработали нормально, но этого было уже недостаточно. Ситуацию немного исправили своевременные команды 'киберу', рулившему ракетным блоком. Программа номер тринадцать была как раз предназначена на случай нештатного выведения, блок сжег много топлива но выполз на околоземную орбиту. После двенадцатичасового, почти вежливого, общения в центре управления стартовал к Луне. Баллистики посчитали — на запланированную тридцатикилометровую полярную орбиту топлива уже не хватит. Можно встать либо на экваториальную — но тогда карта будет узкой полоской, либо на полярную же, но с гораздо большей высотой. Космическая механика штука такая — чем ниже орбита у цели, тем больше скорость нужна. И потративший нештатно топливо ракетный блок не сможет ее дать... Карта конечно получится не такая подробная, как рассчитывали — увы. Но, не смотря на все препоны, главное дело сделано. Наша "Наташа" полетела! Советский космический корабль, пусть и в беспилотном режиме, слетал и вернулся с околорунной орбиты. Бедных черепашек злые умники сперва хотели разобрать на запчасти, как год назад их предшественниц. Тогда я узнал слишком поздно — но в этот раз они торжественно поползли в террариум московского зоопарка.

Теперь счет шел на месяцы, заокеанские товарищи пускали свою большую птицу почти одновременно, и с таким же переменным успехом. И двигатели отказывали, и вибрация совсем немного не дошла до разрушения конструкции. Да, как не грустно признать — чужая ракета намного мощней нашей... Третий 'Атлант' должен в серии поднимать восемьдесят пять тонн на орбиту, первые образцы на десяток меньше. А американский 'Сатурн' сто двадцать семь, печальная разница.

Мы смотрели прямую трансляцию старта. Для этого даже не нужны были подкововерные игры — просто аккредитованная телебригада ТАСС. Тяжелее всего было глядеть на пять маршевых двигателей первой ступени, каждый выше двухэтажного дома. Как не погонял ракетчиков Сергей Павлович, как они не старались — не выходил каменный цветок! Хотя, насколько я помню, мегадвигатель Ф1 американцам удался методом научного тыка, за семь лет чисто случайно получилась работоспособная камера сгорания. И наши разведчики роют носом, в попытке добыть точную схему. Ну нет у нас столько лет, и денег на десятки взорванных стендов. Будем писать на том что есть! И летать...

В начале июня ушла вторая лунная, опять просто облет. Проверенный уже первый 'Атлант' поднял на орбиту ракетный блок, через полдня взлетел 'Союз' и пошел на стыковку. Три дня пути, несколько часов на месте, и домой. Командиром был, как он сам шутил, 'вечно второй', Герман Титов. Месяцем позже ушел второй 'Луноход', машинка очень понравилась журналистам, детям, а также нашим любимым членам политбюро.

Конкурентам наконец пришла удача - 'Аполлон' слетал две недели на орбите почти без замечаний. У нас была вторая попытка для царь-ракеты. Как ни странно, подвела проверенная и давно летающая третья ступень. Все уже расслабились, когда она взорвалась, разрушив полезную нагрузку. Кто-то из товарищей получит по лицам... Спускач с неизрасходованной фотопленкой и черепашками плюхнулся в Тихий океан, искали неделю. С тех пор было решено припахивать заранее любые наши или дружественные корабли по трассе полета, на всякий случай. На станцию летали как обычно, раз в четыре месяца.

А год подходил к концу, Соединенные Штаты анонсировали пилотируемый полет на окологлунную орбиту. Ну, это если у них ракета не откажет. Но все равно, нам тоже нельзя в стороне оказаться.

Был принят давно разработанный, аврально-запасной план — лететь на том что есть, привычной двухпусковой схемой.

В этом варианте безопасность была максимальной — не поднимется в небо наша птица — просто полет будет отменен. А вот запас по массе, в случае успеха, огромный. И тут, с давно скрываемым но разрабатываемым предложением, появились ребята из бюро товарища Бабакина.

Эти горячие парни, параллельно с разработкой новых межпланетных станций для Венеры и Марса, делали еще и одну штуку. Это причем, что основную работу им сдавать вот-вот, стартовые окна через несколько месяцев откроются.

Взяли они посадочную ступень от 'Луноходов' и прикрутили на нее взлетную ракету. С лапой грунтозаборника. Да, хитрые лисы — считали в двух вариантах... И второй был как раз под орбитальный полет на царь-ракете.

Два месяца лихорадило Звездный городок, все заводы и полигон. За три дня до выката изделия на позицию спецрейсом прилетел довесок к нагрузке, тихо ругаясь в монтажно — испытательном корпусе прикрепили. Не было меня там, по рассказам знаю — как готовили в спешке пуск, как надеялись на удачу.

Седьмого декабря шестьдесят восьмого года, разорвав в клочки холодное зимнее небо наша тяжелая мечта стартовала! Все шло на удивление удачно, один отказавший двигатель расстроил только своих создателей. Семидесятипятитонная громадина вышла на орбиту ожидания. И соскучилась там до почти критического момента.

Только через три дня, потраченные на всякие неурядицы, стартовал 'Союз'. Пашка Попович и Юра Артюхин поймали в небе истекающий водородом 'Фрегат', состыковались... Ушли к цели. Так, тяжело в начале, началась Третья Лунная.

Они вышли на орбиту, запас жизни был почти на месяц. И фототелескоп тоже прикрутили им в бытовом отсеке. Телерепортажи с орбиты чужого мира шли по ЦТВ несколько раз в день, и мы все засиживались перед черно-белым 'горизонтом'.

Обиженные опозданием, но гордые поднялись в небо через несколько дней американцы. 'Аполло-8' вышел на близкую с нашей орбиту вокруг Луны, небесная механика однако. Фрэнк Борман, Джим Лоувел и Вилл Андерс в своем большом бочонке стали соседями нашей пары космонавтов. Большой то он конечно, но тесный, в 'Союзах' жилого объема на человека намного больше. Разделение корабля на спускач и бытовку дает много плюсов — не надо поднимать с Земли и таскать всю дорогу лишнюю массу парашютов, теплозащиты. Кстати на заре программы "Аполлон" был проект, похожий на наш. Но чисто по "блату" конкурс выиграла фирма "Вспомнить название". Что социализм, что капитализм — так же дерутся руководители за толику лишней власти и денежные потоки...

Может от скуки, может еще от чего — парни обеих держав настроили радио на единую волну и начали трепаться. Кто-то с горем пополам знал русский, кто-то английский. Слушать их было весело, даже наша цензура пускала это в эфир.

Особенно смешно было слышать: 'Што ю, ээ ви, делать?'

В это время, выбрав подходящую площадку, ребята отстрелили десантного робота Бабакинцев.

'Мы... эээ. Ви... препаре дроп десант викл!'

'О!!!' - остальное ребята не перевели, зато было перехвачено указание 'Аполлону' подойти поближе.

Скороспелая машинка упала вниз и, как ни странно, села. Хотя сесть полдела, теперь надо наковырять криворуким манипулятором камушков с песочком.

Через полдня с Луны стартовала взлетная ракета, парни вдоволь наманеврировались, уравнивая плоскость орбиты и догоняя ее. Нормальный комп по массе не влезал, всеми операциями управляло ПВУ, тупой механический будильник. Сундук конкурентов шел следом, почти не отставая. Наконец гарпун простейшего стыковочного узла проткнул решетку на утыканой шариками баков маленькой ракетке.

'Ви... эээ... хват ю викл взад? И... чито там?' - сперва раздался хохот космонавтов, потом из ЦУП-а. Испорченный телефон!

'Ми, тьфу, Ви таке хоней горшок. Тьфу, как его...' - Да, язык потенциального противника с трудом учат обе стороны.

'Хоней пот, тейк. Пис оф Мун!' - немного понятней объяснил Пашка. Теперь хохот раздался по всем каналам — в Подмоскowie и в Техасе ржали все, кончилось это дежурством переводчиков в обеих центрах. Наши парни вышли в открытый космос и забрали свой горшок. Но не с медом, а с кусочком Луны! По договоренности с американцами корабли сблизались на минимальное в масштабах космоса расстояние в десятки метров и вдоволь друг друга пофотографировали. Горячие янки порывались получить от Земли разрешение сходить в гости — через космос, в скафандрах. Но им на паре языков, не всегда цензурных, ответили с Земли — что такое план полета и чем двести семьдесят миллиметров ртутного столба отличаются от семистопятидесяти. Атмосферы у нас в кораблях разные, совсем. И не политические а физические.

Уходили к Земле порознь — наши должны прилететь домой, американцы сесть в Тихом океане. Корабли, попрощавшись, разошлись чтобы через три дня с разницей в несколько часов метеорами вернуться домой. Как раз перед Новым годом. И наш, как настоящий Дед Мороз, вез невиданный подарок.

По возвращению, на Земле, для обеих команд, были торжественные встречи, и вся подобная мишура.

Энтузиастов, на коленке склепавших 'грунтотырилку', носили на руках. А так же премировали годовым окладом — а то, парни работали ночами ради дела! Долго пришлось убеждать ученых — это только первый кусочек, потом еще привезем. И нагрузили делать инструменты и буры, хотят образцы — пусть постараются. Но в результате с трудом отобранный кусок Луны выставили на ВДНХ.

Дедушка Ленин сразу потерял всех своих поклонников, за право коснуться чужого камня люди ехали со всей страны и не только — туристические визиты в Москву выросли в десяток раз. Громадная очередь проходила мимо часового с карабином, трогая зримый результат мечты.

Тем временем пульс безумной гонки нарастал. Успех этого полета затмил многим голову — требовали переделать посадочный автомат для человека. И аргументы безопасности, недостаточного веса и прочего многих ответственных товарищей не убеждали, жажда первенства застила глаза.

Да, можно сделать такой цирк — вместо контейнера под грунт и автомат управления посадить космонавта. Без кабины, в скафандре — как на помеле летать. Да даже если он первый сядет — это же посмешище навсегда будет. Долго мы все отбивались, точку поставил Сергей Павлович на секретном заседании Политбюро — прямо доложив проценты вероятности успеха или катастрофы.

Но подобные размышления мучили не только наших Главных. И это привело к одной из самых печальных трагедий на пути Человечества. Наш носитель поднял уже настоящий лунный корабль, в беспилотном режиме отработали выведение на траекторию, выход на орбиту цели, имитацию посадки и старта, американцы сделали то же на низкой околоземной орбите, но с экипажем. Им проще, одна ракета всего нужна. Мы опаздываем — как это не было бы обидно. Слишком много времени ушло на доводку носителя, всего четыре полета было — из них один аварийный, другой вообще неудачный. Лунный экспедиционный корабль в полной комплектации слетал всего раз — и все уже смирились мысленно с опозданием. Вот только наш успех, с экспромтом созданным посадочным автоматом, расценили чужие спецы как

испытание лунного посадочного корабля. Как их ЛМ или наш старый проект на одного человека.

Восемнадцатого мая шестьдесят девятого года в небо ушел очередной 'Сатурн', разогнав до второй космической скорости корабль 'Аполло-10'. Официальный план полета предполагал финальное испытание всех систем корабля и лунного посадочного модуля, никто не ждал сюрпризов.

Вечером двадцать второго мая мы отдыхали, кто с семьями, кто просто — устроили вечеринку на открытом воздухе. Наконец-то и до подмосковного "Звездного" дотянулось первое дуновение будущего лета. Кто жарил шашлыки, кто играл в волейбол, кто возился с детишками. Но тут игравший музыку приемник заткнулся, зашуршал — и заговорил строгим голосом.

'Передаем экстренное сообщение ТАСС! Сегодня, в восемнадцать часов московского времени, десантный отсек американского космического корабля "Аполлон-десять" совершил успешную посадку на поверхность Луны!'

Я подавился куском шашлыка...

Мы все побежали в клуб, где стоял суперагрегат, цветной телевизор. У всех в голове была одна мысль - 'КАК?!', лишь у меня 'зачем...'

Там уже началась торжественная трансляция выхода — радио оповестило на полтора часа позже. Нечеткая, черно-белая, картинка приклеила нас к экрану. Все голоса были на английском, лишь изредка вклинивался глухой голос нашего комментатора. Ведь никто не ожидал такого, был намечен технический полет. Не рутинный — на орбиту Луны, но все же.

Раздались вопли американцев, ясно виден был человек в скафандре возле посадочной опоры — спустился и Вступил!

'...астронавт Том Стаффорд впервые в истории коснулся ногой поверхности...' - бурчал наш комментатор. И еще два часа мы наблюдали чужой триумф. Установку флага, сбор образцов. Только приборов не ставили — не было их. Астронавты полезли в корабль, я спать. А ребята еще долго шумели, обсуждая событие.

'...Пик.. Пик... Дорогие товарищи... С прискорбием сообщаем вам о трагедии для всего прогрессивного человечества. Три часа назад, при старте с поверхности Луны потерпел крушение десантный отсек корабля 'Аполлон-10'. Двое отважных первопроходцев, впервые в истории ступивших на поверхность естественного спутника Земли...'

Чегооо?! Сон улетел, разбившись вдребезги.

'... нештатная работа бортового оборудования послужила причиной гибели астронавтов Томаса Стаффорда и Юджина Сернана...'

'... На всей территории Советского Союза объявляется трехдневный траур в память...'

Как рыба, хватал воздух. Как такое могло случиться? Хотя... Пришло в голову воспоминание той, другой, истории. Да, там был небольшой дефект — не переключилась автоматом система управления от контроля двух ступеней модуля к одной, взлетной. Там, на орбите, астронавты имели время включить ручное управление, стабилизировать взбесившуюся ступень. А вот при

старте... Жаль, но шансов не было!

Триумф и трагедия случились одновременно. Неожиданная для всех высадка американцев на Луну потрясла мир, ведь этот полет планировался лишь как финальный тест всей системы 'Аполлон'. И, последовшая трагедия была не меньшим шоком. Разом осиротевший Джон Янг повел корабль домой, и совсем не радовало его увеличение жизненного объема в кабине.

Президент Никсон прочитал печальную речь, но это ему не помогло. Даже не дождавшись возвращения последнего из команды 'Аполло-10', экстренное заседание Сената и Конгресса дружно проголосовало за импичмент президента, одновременно лишив его всякого иммунитета. В тот же день Никсон был отдан под суд.

Как оказалось, директор НАСА и руководитель программы 'Аполло' подстраховались, разговор с президентом, решающий разговор, оказался записан на магнитную ленту. И, после трагедии эта пленка немедленно попала в жадные руки прессы.

'... Я приказываю, садитесь немедленно, на ближайшем корабле! Эти ф... рашенз только что утянули у нас из под носа пробы грунта, испытали десантный модуль! Опять, как в шестьдесят первом, они хотят нас опередить! Сядут на этом убожестве, воткнут свою красный тряпку! Мы не должны позволить опять нас опередить! Этот полет нельзя объявлять, иначе красные опять успеют раньше...'

Дальше были только неуверенные попытки отказаться от такого счастья, подавленные рыком президента. Эта запись стала одним из камней, еще один кинули мы.

В официальном сообщении 'Главкосмоса', особенно в видеочасти, наша экстренносваянная грунтотырилка была показана со всех сторон. И была рассказана история ее создания, полная непригодность для использования в качестве десантного корабля. Ну, это немного загнули — многие предлагали доработать конструкцию и посадить космонавта на этой тарантайке. Все эти поползновения были отклонены лично руководителем 'Главкосмоса', самим Королевым.

И самым убедительным аргументом для всех стал ролик подготовки к полету настоящего нашего лунного корабля. Хотя один такой уже летал, но без уточнения конструкции. А тут ясно виден был торчащий вертикально 'Союз' на посадочной ступени с ножками, навесные баки с топливом, лесенка для спуска — и копошащиеся вокруг инженеры.

Ричард Никсон поставил все на удачу, но проиграл. Ценой проигрыша стали жизни двух астронавтов. И его. Через полгода судебных разбирательств, он стал первым президентом США в истории, посидевшем на электрическом стуле. Жесть! Ну, американцам видней...

Мир был шокирован этими событиями. Но жизнь продолжалась. Летали на орбиту наши корабли, зализывали раны американцы. Они довольно быстро разобрались в причине катастрофы — досадная ошибка в конструкции пульта и программах бортового компьютера. Если бы полет шел по плану испытаний стало бы малосущественным происшествием, но увы. Впрочем, полеты были задержаны.

В дальнем космосе в это время тоже шла борьба — холодная и без эмоций, соревновались роботы. Зато на земле кипели страсти и горели нервы. В этом году открывались стартовые окна сразу к двум близким планетам, и станции стартовали по обоим концам мира.

'Венеры' под четвертым и пятым номерами ушли в начале года, весной стартовали 'Марсы'.

Причем с теми же порядковыми цифрами, да еще и в сопровождении парочки 'морячков', то есть американских 'Маринеров'. Обе державы, в погоне за каплей престижа постарались как следует — впервые после многолетнего перерыва, потраченного на Луну. Впрочем межпланетные полеты занятие весьма долгое, только в начале лета долетели первые ласточки до суровой сестры Земли. Сбросили шарики спускаемых аппаратов, сами вышли на орбиту. Почти два часа ловили огромными ушами антенн сигнал с поверхности, пока самая стойкая электроника не сгорела в этом аду, передали домой пейзажи чужого мира. Ну а потом больше года щупали сквозь толстый слой облаков лучами радара поверхность, составляя карту Венеры, уши-то многофункциональные оказались. А вторая пара роботов, совместно с конкурентами, продолжала свой долгий путь к красной планете. Подождем. На родной планете в это время происходили не менее интересные вещи...

'Тен! Найд! Игнишн сиквенс стартед...'

Мы сидели в ложе для вип-персон, И пусть сейчас на этом крохотном кусочке нашей планеты скопилась такая куча народу, реально больше миллиона, наши места никто не занял. Еще бы, 'красная зона', места для представителей Советского Союза. Я так думаю, что столь суровая кара постигла Ричарда Никсона за то, что он посмел лишить американцев Зрелища...

'Сикс! Файв! Фо!'

Вот мы сидим, представляем. Странно все это, мое прошлое знание будущего уже совсем не работает. Ну, тут я сам виноват — мешался как мог. И, всего десять дней назад, под пронизывающим ветром, считали секунды иностранные журналисты. 'Три, два, зажигание!' Четвертая Лунная ушла в Небо, под восторженные трансляции на весь мир. Почему так получилось? Трагедия, хоть и плохо так говорить, помогла.

Это был шок. Мировой. Герои остались навсегда там. И всемирный траур был, войны войнами, но это уже совсем другая песня. Еще во время всех разбирательств президентом заокеанских конкурентов стал 'товарищ' Форд.

Я, немного странно для окружающих, посмеивался. Ассоциации были просто, с совсем другим Фордом и с кинофильмом.

Ну, это был только смех — первые действия вечных соперников оказались весьма хороши. Немедленно был ратифицирован договор шестьдесят седьмого года 'Об использовании Космического Пространства', официальное сообщение с трибуны ООН. Мысль здравая — создать единый, утвержденный, стандарт стыковочного узла, наши верхи дали добро. В начале июня, в строгом костюме, Сергей Павлович взошел на трибуну. Только лишь золотые звезды 'Героя Социалистического Труда' вызвала зубовный скрежет некоторых заседателей... И сказал свою Речь.

Это надо было просто слушать. Транслировались слова нашего Главного на весь мир, и результат был ожидаемый — все страны, даже те которым до Космоса как... ну не важно, подписали новый договор.

'Ту! Ван! Енджин ран! Лифт офф, ви хав э лифт офф!!! '

Нет, вся наша техника самая красивая, всегда. Что бы ни сравнивать — самолеты, танки, ракеты. Не знаю почему. Ну и сейчас, глядя на здоровенную толстую бочку американской ракеты, вспоминал изящную стрелу нашей Н-ки! В бинокль было прекрасно видно зажигание, башня 'Сатурна' выплеснула пламя и пошла в небо, грохот был страшный.

Исторический полет начался, хотя не всех радовало его продолжение. Нас, например — потому что ЛЭК не готов, сесть пока не можем... На а многих политиканов в США совместное продолжение, американский 'Аполлон' летел к Луне — где его дожидалась советская экспедиция.

В Хьюстоне и Звездном обсчитывали все цифры, ну а наш робот сел, и ползающий рядом 'Луноход' тоже включился. Вообще, посадку американского лунника контролировали и с Техаса, и с Луны. Какой там 'Союз—Аполло', годный только на сигареты.

Особенно после, когда астронавты бродили по Луне — прямая трансляция с нашего тарантаса была всемирной. Хорошо, заранее постарался наш спецотдел, халявы не было. Зря старались, что ли? Так и не известно, кому пришла впервые эта идея, грешат на американского телеведущего. Но все лунные экспедиции, минуя трагическую, были объявлены международными.

Все. Теперь мы точно опоздали. Первые на Луне не мы. Теперь там аж четыре американца. Но правда, из них живых только два. Первопроходцы, в разбитой лунной кабине, лежат там навеки, и корабль их признан всеми странами мемориалом. Может быть, когда-то, их похоронят как следует... А весь мир уже совсем про них забыл, теперь новые герои в небе! Одна Луна на пять человек, и миллионы прильнули к телевизорам и радиоприемникам. Два корабля шли по орбите почти бок-о-бок, Николаев с Егоровым дразнили Коллинза, обзывая 'мишкой'. В согласованную точку посадки, по маяку очередного 'Лунохода' села новая грунточерпалка. Но вот ковша на ней не было, а был еще один маяк.

Двенадцатого августа шестьдесят девятого года лунный модуль космического корабля 'Аполлон-11' пошел на снижение. На финальном, самом опасном участке, астронавты шли по радиосигналам приводных маяков советских автоматов. Ну а в потом, когда весь мир замер в ожидании, картинка с Луны была на всех экранах. Управляющие роботом в далеком ЦУПе парни крутили на месте свой тарантас, стараясь не выпустить из объективов камер заходящий на посадку похожий на паучок десантный корабль.

И была пыль столбом, и было волнение, и было касание.

Восемнадцать часов прошли быстро. Под бдительным взглядом телекамер вышел сперва Нил Армстронг, потом Олдрин. Парни не удержались и потрепали наш луноход как песика, за антенны вместо ушей. ЦУП пришел в дикое бешенство, заокеанские коллеги его прекрасно поняли. В результате астронавты получили заслуженных люлей и дальше, уже совсем бережно относились к чужой технике.

Наш драндулет ездил вокруг и снимал все подряд, парни собирали пробы, запаковывали. Часть они оставили себе, но только малую — домой 'Аполлон' мог утащить всего полсотни килограмм. Ну а усовершенствованная, читай сделанная не на коленке, грунтотырилка могла поднять три сотни. Поднять то могла — вот куда парни все это добро распахивать будут...

Очень красиво смотрелась прямая трансляция — вспухшие клубы пыли разорвало пламенем, взлетная ракета ушла в безоблачное лунное небо. Да, оно вечно безоблачное, вы не забыли? Через несколько часов, отоспавшись, стартовали и ребята, один сиротливый лунный трактор остался, работать дальше. А на орбите кипели страсти — тяжелые корабли играли в веселую игру под названием 'поймай, а то панимаешь!'. Нашим было проще, а вот Мишка Коллинз ловил не камни, своих товарищей. И снова были проблемы, отказал стыковочный радар. Несколько драгоценных часов утряхивали способы совмещения и общения, 'Союз' с 'Аполло'

шли на расстоянии в десяток метров, цифры диктовали и использовали моментом. И уже никаких языковых барьеров. Действительно слова 'три' и 'тен', хоть из разных языков — но понятны быстро и сразу. И удалось. Теперь просто всем домой что-то так захотелось...

Гудели двигатели, проплывали под ногами леса, поля и горы... Да ну, какие горы? Урал только южный, холмы скорее. Но все равно красиво! Прилипнув к иллюминаторам, мы любовались бескрайними просторами. Да, с орбиты видно больше, но и меньше тоже — высота и скорость на порядки отличаются...

Все хорошее кончается, самолет пошел на посадку. Тюра—Там. Он же Байконур для несведущих... Эх, история! Хотелось бы смеяться — но никак не получится. Пару сотен лет назад, одного мещанина сослали 'за неподобающие мечты о полетах человечей в небо и на Луну'. В селение Байконур, проповедовать диким казахам. Это правда было.

А под крыльями расстился целый город, построенный вопреки всему в бескрайней, безводной степи. В чем-то она похожа на просторы далеких планет, особенно принципом '-либо живой, либо умер!'. Мы живучие, целый город тут построили...

Меня тут странненько встретили — вроде брат-конструктор, но уже не то. Теперь ведь я еще и космонавт, однако. Но воспрепятствовать желаниям не могли, звание ведущего конструктора никто не отменял. Да и я сам все свободное от тренировок время посвящал работе, но уже не просто конструкторской. Вспомнив свою специальность из грядущего, ковырялся, ругался, и всеми способами работал с компьютерщиками. Хотя, сейчас эти парни гордо обзывали себя 'операторами ЭВМ', обижаясь на мою ухмылку при этом...

Но вот теперь я мог коснуться материального продукта наших усилий. Да, на простом 'Союзе' я уже летал, перед этим набив кучу шишек на тренировках. Ну а тут был итог всему. Жаль, мы не смогли опередить конкурентов — но все усилия наши привели к весьма прекрасному результату. Да, не мы первые плюхнулись на естественный спутник Земли. Ну а первые кто это сделал — там и остались... Мне очень жаль товарищей-астронавтов, сильно жаль. Каждый летавший в Небо, видевший наш родной шарик сверху становится сразу другим человеком. Там, в черной бесконечной пустоте — мы все становимся братьями. Точнее, просто осознаем Это. Даже когда человек возвращается домой — не помогает. Любой человек никогда не останется прежним.

А если по-земному меряются успехами? Уже почти два года прошло, как первый в истории корабль слетал к Луне. Вторая Лунная еще раз подтвердила успех, кочующая там стая 'Луноходов' его закрепила. И орбита наша, и пробы грунта привезли мы тоже. И вся огромная страна, и весь остальной мир понимают — мы на этом не остановимся. Аплодируя первой высадке американцев, печалась в трауре, помогая техникой второй экспедиции, мы не забывали готовить свой Шаг. И, он почти готов.

Нас заставили одеть халаты, чехлы на обувь. Были бы еще маски на лице, можно было бы в хирургию пускать. Ну а тут никого не резали, только создавали. На стапелях лежал корабль, но это ненадолго — на соседнем стапеле готовился разгонный блок, здоровенная бочка для хитрого, жутко холодного но такого эффективного водорода. А в паре километров отсюда, в крупнейшем здании на всей Планете, ждали своего часа носители.

— Разрешите вблизи осмотреть изделие? — спросил я Юрия.

Лыгин, главный на монтажно-испытательном объекте, не возражал, все вокруг знали, кто проектировал стоящий на стапеле корабль. Сотрудники подставили лесенку, космонавты

столпились внизу. Лунный экспедиционный корабль лежал горизонтально, окруженный монтажными креплениями, шлейфами кабелей. Блоки тестовых приборов с пультами стояли на площадке. Я шел в гордом одиночестве, трогая рукой знакомые обводы, пять лет назад родившиеся сперва в обычной тетрадке, перенесенные на кульманы нашего отдела, уточненные и обсчитанные до последнего болтика тысячами инженеров... Спускаемый аппарат, сзади приборно-агрегатный отсек. Совсем не такой, как на орбитальных и летавших к Луне кораблях. Гораздо массивней, с двумя навесными топливными баками. Ну а позади была взлетно-посадочная ступень — давно проверенная в реальных лунных условиях высадками 'Луноходов' и двух грунтозаборных кораблей. Два толстых бака параллельно, замыкая прямоугольник пара приборно-двигательных отсека. И опять цифра два — там же два дросселируемых посадочных движка. В проем этой рамы смотрели маршевые ракетные двигатели самого корабля — закрытые до времени и от случайных камушков плитой радарного отсека. Четыре опоры, тарелки антенн дальней связи — надо же с хорошим качеством телепередачу сделать? Ну а спереди корабля просто маленький домик, бытовой отсек. В нем основная система жизнеобеспечения, запасы еды, система управления посадкой, вообще — все то, что не нужно везти домой. Баки и двигатели ориентации всего тяжелого ракетного комплекса, антенны контроля стыковки и сам стыковочный узел.

Все это хозяйство будет безжалостно отброшено при старте, зачем его тащить назад? А вот и толстый пучок кабелей, идущий от самого корабля. При возвращении на нем останется только похожая на рог единорога завитушка маленькой остронаправленной антенны, тут уже каждый грамм веса на вес золота, без каламбуров.

Не понял?!!

Кабели собраны в жгут, в двух местах для надежности проходящие через скобы пираножей. Когда придет момент, внутренненаправленный кумулятивный подрыв их разрежет. Но с какого перепуга кабель к антенне заведен туда же?!!! Это же на обратном пути единственное средство связи с Землей!

В несколько прыжков соскочил со стапеля, подошел к толпе. Что это — разгильдяйство или диверсия? Вспомнились гайки в трубопроводах при втором пуске Царь-ракеты в моей истории...

(Прим Авт. — реальная история с ОНА при подготовке к пуску лунного корабля в нашей истории. Ну а посторонние предметы вызвали самый большой в истории СССР неатомный взрыв. 3 июля 1969 года, 3 килотонны на старте...)

Спускаясь вниз, я лихорадочно соображал, что мне делать — ведь за то, что корабль собран в соответствии с документацией главного конструктора, расписались человек десять из тех, что стояли внизу. И теперь надо действовать очень осторожно.

Выдернул из толпы Лыгина, попросил на пару слов. И пару чашек чая.

Но все равно, присутствующие почувствовали неладное.

Мы прошли в кабинет, закрыли от посторонних ушей двери. И тут я начал бушевать...

— Товарищ Лыгин! Как происходит сборка изделий на вверенной Вам площадке?!!!

Сперва, как я понял, к моим вопросам всерьез не отнеслись — да кто это такой тут пыжится, слушать его еще...

— Товарищ Бугров, что случилось? — Хм, по крайней мере, вежливо. Ну а мне вежливаться некогда.

— Техкарту кабель-сопряжения можно глянуть? — Удивленный начальник позвонил по внутреннему телефону, через минут пять принесли рулон, расстелили.

— Очень интересно — тут все правильно и красиво. Но почему на изделии этот кабель заведен в пиранож? — спросил я водя пальцем по чертежу.

Народ побледнел, понимая последствия. Если бы этот просчет был бы незамечен, то при реальном полете последствия были бы весьма неприятные. В случае беспилотного полета корабль однозначно потерян. При пилотируемом — последствия неизвестны, все будет зависит от опыта и удачи бортинженера. Рассчитать вручную путь в триста восемьдесят четыре тысячи километров и попасть, обязательно попасть в десятикилометровый коридор входа в атмосферу — мягко скажем, непростая задача. И ошибка карается, фатально. Либо быстрой как искра метеора, либо долгой — в ожидании разряда аккумуляторов, смертью...

Уже несколько лет назад в нашей кухне были приняты определенные правила — все действия при работе с 'изделиями' оформляются на специальном бланке. Причем не менее трех человек обязаны расписаться — исполнитель, и двое контролирующих, иначе никак. Хм, сурово звучит — но контролирующие такие же ребята-инженеры, просто с соседних участков. И еще начиная с первых полетов нашей 'птички' эти правила очень сильно помогли. Не зря же я их вводил... Надеюсь, помогут и сейчас!

— Бланки работы с данной деталью объекта где?

— Сейчас будут — засуетились сотрудники. И действительно, принесли быстро папку. Вдвоем с Юрием мы пролистывали документы, остановились на последних. Там, чин-по-чину, были факты — штатная процедура, зажим кабелей и заведение в скобы пираножей, подсоединение контактов. Все правильно, даже указаны были номера кабелей к антенне, белых ворон вне основного пучка. А рядом они шли по простой технической причине — росли все они из огромного разъема на боку спускача. Четыреста контактов в одном штепселе, каково?

Да, на бумаге все правильно, но почему реальность отличается? Будем проверять... На бланке фамилии, достаточно просто вызвать. И спросить.

Молодые совсем ребята переминались, бледнели и краснели. Но из их ответов картинка была совсем не забавная.

— Почему изменения не внесены в техкарту? Причина ваших действий, вообще?!! — никак не мог понять я, почему вообще это произошло. Но тут, сбивающимся голосом, пошла информация. И я пришел в ярость!

— Немедленно вызвать сюда этого контормейстера!!! — все заколебались... — Быстро, мля!

Их можно понять, это я такой большой и важный — а им с ним еще работать. Или не работать, как мне кажется... Тут нарисовалась морда. Толстая ряха, в погонах, с ходу начала вопрошать.

— Какая причина столь срочного вызова? — ого, оно еще и разговаривает!

— Гражданин Пирогов, мы вызвали вас по делу о...

Услышав подобное обращение, и дальнейшие вопросы, этот товарищ, в кавычках, явно заскучал.

Ну а по результатам всего этого расследования получилась почти смешная картина — почти, потому что такого никогда не должно быть! Хотя у нас, хоть в других областях. Как-то вечером военная эта морда, скучая от нахождения в бескрайней степи и полного отсутствия традиционных развлечений, нашла себе повод. Молодые ребята с нашего бюро заканчивали подготовку корабля, все критичные части давно были собраны, техкарты подписаны — парни просто наводили лоск на изделие. Там подгладить фольгу ЭВТИ, экранно-вакуумной теплоизоляции, тут проводок красивее подогнуть. И попал вояка в удобный момент — с умным видом похвалил, но надо же придрататься к чему-то?

'А вот почему тут кабеля мимо пучка идут, явный беспорядок!'

Робкие возражения результата не имели, так попал кабель к антенне под гильотину пираножа, молодые под выговор — а вояка под конкретные люли и новую должность где-то возле Анадыри. М-да, свои дураки хуже диверсантов!

Впрочем, этот случай послужил причиной тотальной проверки на всех уровнях, Сергей Павлович тоже был взбешен. Как и наш генерал, тут уже мне пришлось задуматься — злым стал и я сам. Жизнь такая, и не хочется ее лишиться из-за какого то умника в погонах. Особенно с учетом будущих перспектив.

Ну почему у нас как важный момент — так сразу зима? Эх, так хорошо было летом, жар костей не ломит... Но мы-то привычные, вот зарубежным журналистам тяжело пришлось.

Конечно, в гостинице им тепло — но на пусковой никаких звездочек, мерзнут все. Как, наверное, проклиная судьбу и мечтают о теплой Флориде эти гости. Даже невозмутимый японец трет перчатками лицо, не боясь его потерять. Да, событие стоит морды.

— Ииияяя!!! — раздался визг, 'Бзынь!' - разлетелись осколки, шипучее вино пенилось и растекалось по борту носителя, капало на установщик. Наша Валька размахнулась как следует, и с визгом упала в подставленные крепкие руки мужа. Хорошая традиция, и ради нее на юбке первой ступени парочка титановых пластинок, килограмм-другой для огромной ракеты несущественны. И не бить же крепкую бутылку просто о хрупкую конструкцию носителя.

Заревели тяговые тепловозы, под мерный стук колес потянули на волю огромную тушу — лежащая на транспортёре ракета была невообразимо огромна, диаметр донной части был как пятиэтажный дом! Стоял я и смотрел на нашу птичку, поражаясь ее выполненной в металле целесообразности и просто красоте. Каждый элемент здоровенной бандуры был рассчитан, посчитан и находился на своем месте, как говорится — собрано, проверено, здорово!

Защелкали фотоаппараты, заработали теле и кинокамеры, полетели вверх всевозможные головные уборы. Наша птица поехала на старт. А дней двадцать назад такое же событие прошло совсем без фанфар, пуск был беспилотный. Но не менее важный, ведь вся экспедиция зависела от него — ракетный блок, равный по весу самому кораблю, определял ее судьбу своим успехом. И когда пришло подтверждение успешного выведения, закрутились быстрее колеса всей государственной машины, официальная дата Пятой Лунной была объявлена.

Слетались журналисты и телеоператоры со всей страны и остального мира, с трудом удерживали их длинные носы ребята из безопасности. Ну, тут им еще погода помогала — не

далеко уплывет привычная к флоридской жаре 'акула пера', особенно в толстой шубе. Охала и ахала вся эта братия от обычного нашего климата, всего лишь минус двадцать с ветром. Тоже двадцать, только не градусов а метров в секунду, для этого времени года даже приятная погодка...

А народу-то собралось! Все куда-то бегают, суетятся, подпрыгивают от нетерпения. Наши журналисты и телеоператоры даже потерялись из виду по сравнению с табуном иностранцев. Что ж, можно понять весь этот ажиотаж, действительно историческое событие.

Начинается Пятая Лунная, решающая для всего нашего дела и всей нашей страны. Мы все долго и с нетерпением ждали этого момента. Уже был объявлен состав экипажей корабля, основного и запасного. Несмотря на многие ожидания, количество космонавтов на борту пока сокращено до двух, хотя корабль был рассчитан на троих. Ну это публике объяснили легко, одновременно с первым выходом 'в свет' новой группы космонавтов-исследователей. Полтора десятка геологов, вулканологов и просто обладающие многими нужными и полезными навыками ученые попали под свет софитов и вспышки фотокамер, официально было объявлено о грядущих их полетах.

Вообще весь этот всемирный ажиотаж был еще более понятен, если посмотреть на это дело обстоятельней. Мы, как неудержимый 'паровой каток' перли вперед, не обращая внимания на судорожные потуги конкурентов урвать глоток престижа, даже щедрой рукой помогая им. Растратив весь свой задор, похоронив без могил двоих в чужом мире, американцы скрипя зубами приняли нашу помощь при новой высадке. Все прошло успешно, однако наш корабль увез домой в три раза больше проб с поверхности... Сами конкуренты обзывали астронавтов 'лунными батраками', а после старта мы еще и помогли избежать новой трагедии. Дублируя отказавший радар на чужом корабле. Да, с точки зрения всего мира это совсем не был запланированный триумф.

А тут еще во время подготовки нового корабля под счастливым двенадцатым номером тоже сгустились тучи. Причем буквально — мощнейший грозовой фронт накрыл мыс Канаверал, гигантские молнии лупили в стартовые башни по всему космодрому. И больше десятка их поразили стоящую на столе стопятнадцатиметровую башню 'Сатурна'. Новая американская экспедиция была отложена, мало ли какие узлы корабля могло повредить буйство стихии. Хм, а мы хитрые в этом плане — у нас вокруг старта четыре башни молниеотводов, высотой почти две сотни метров. Хотя грозы в казахской степи редкость, однако.

И вот, морозным ранним утром, весь мир ждал вестей из нашего степного региона — ставшего волей человека дорогой в небо.

Пяток километров отделял трибуны с почетными гостями и журналистами от стартовой площадки. Занимали свои места многие люди, которых я до этого в жизни не видел — но мысли их, донесенные бумагой, чтит всегда — грузный, с очень волевым лицом, Иван Ефремов, два брата... Все тут.

Спокойные голоса комментаторов лились из репродукторов, доклады служб контроля всех систем ракеты и корабля, рапорты космонавтов набирали силу. Пока не достигли пика волнения в привычных словах. Только почему-то от них замирает сердце...

'... Три. Два. Один.'

'...Пуск!!!'

Снег растаял вокруг, будет гололед, локальный. По трем выводным каналам выхлестнуло пламя двигателей, гася свою ярость. Кипела вода в бассейне пламягасителя. Отрыв! Огромная махина сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее, рванула в Небо. Мы смотрели на это издали, операторы уткнулись в свои аппараты, фотографы непрерывно щелкали камерами, но когда пришла волна... Это было просто неопишимо, многих просто сбило с ног. Сейсмодатчики принимают старт большой птицы за землетрясение, шум слышно за сотни километров

'... Десять секунд, полет нормальный!...'

Провожали операторы уходящий вдаль столб огня, подкручивая свою технику. Ну а я спустился вниз, в бункер. Холодно, однако!

М-да, а тут жарко. Куча телеэкранов, причем большая часть показывает лишь немного вибрирующую картинку. Внутренность донной части ступеней ракеты, видны камеры сгорания, куча трубопроводов. Но самый большой, аж два метра, кинескоп давал вид другой. Камера была закреплена на разгонном блоке, картинка — загляденье! Быстрее и быстрее проваливалась вниз поверхность Земли, приобретая знакомую шарообразность.

'... Сто двадцать, отделение...'

Изображение дернулось, устаканилось — и долго еще было видно кувыркающуюся бочку первой ступени. Полет идет нормально, буду надеяться, что дальше все тоже будет хорошо. Снова вышел на мороз, уже было все тихо. А от далекого стартового стола донесся вкусный запах горелого керосина. Телевизионщики сворачивали свои бандуры, прислушиваясь к репликам центра. Иностранцы бурно обсуждали увиденное событие, наивно думая что их не поймут. А я просто ждал, поглядывая на часы.

'... Подтверждение. Орбита расчетная!' И тут время просто кричать 'Ура!!!'

Ну а самое главное событие я встречал уже в почти семейном кругу, в подмосковном Центре подготовки. Прошли трое суток полета, ребята вышли на орбиту и готовят стыковку с бочкой. Мы улыбались, читая комментарии зарубежных изданий, основной вопрос был 'зачем?'. Ну а наш ответ - 'потому что'. Слишком тяжелая ракета это палка о двух концах. Во первых трудно сделать, во вторых не нужна. Именно так — не нужна для повседневного использования. Да, если приспичит — можно хоть на тысячу тонн полезной нагрузки создать носитель. Хм, в теории. Ну а по цене он будет золотой! Как говорится лучше меньше, да лучше. Наша бандура хоть и тяжелая, но в меру. А особенно с прогрессом в нашей электронике в самый раз — не зря вояки и связисты требуют все больше носителей. Очень уж им понравилось больше двадцати тонн на геостационарной орбите. Производителям это тоже нравится — даже при социализме штучный товар разорение, а тут и заводы работают, и директорам премии. Вот только за брак их будут... Плохо будет, вообще. О, посмотрели по телеящику новый репортаж, до первой нашей высадки осталась всего несколько часов. Вся страна, все ее союзники и недруги замерли в ожидании, мы тоже поехали в Звездный. Ага, маячить в ЦУПе и мешаться под ногами.

Напряжение нарастало с каждым часом, с каждой минутой. На громадном телеэкране карту Луны чертили две линии, синяя и красная, совместились — радостные овации приветствовали успешную стыковку. А потом все мы просто ждали — компьютеры рисовали меняющееся положение точки корабля, уже единого комплекса весом почти полсотни тонн. И эта мерцающая точка все ближе и ближе подходила к другой точке. Точке принятия решения.

Ровным фоном вплетались в шум Центра Управления доклады, наземных служб контроля и с окололунной орбиты. Все в порядке, надеемся так будет и дальше.

'Все системы работают нормально...'

Ну да, пару минут назад наши Главные посовещавшись, поочередно кивнули умными головами. Сергей Павлович встал, и разом оказался выше всех — так показалось. Прокашлялся, ох и не нравится нам его здоровье...

'Кораблю — разрешение на десант. Садитесь ребята, мягко и красиво!'

Мне, как и многим, показалось что крохотная слезинка стекла по лицу Королева, устало опустившегося назад в кресло.

Закипела работа, пошли данные от вычислительного центра, в трехстах восьмидесяти тысячах километров от нас Коля Рукавишников вводил последние поправки в бортовой компьютер. Все замерли в ожидании — который раз за этот длинный день. На одном из экранов, совершенно незрелищном — там было просто много букв и цифр сосредоточились все взгляды. Хотя на других были более интересные виды — проплывали лунные пейзажи, да даже ее поверхность. Встречающий Луноход давал картинку с намеченного и многократно проверенного и изученного участка первой высадки. Только начавшийся бег сухих цифр был сейчас намного важнее. Поехали! Топливо из многотонной бочки ракетного блока сгорало в двигателе, тормозя корабль. Рубикон перейден. На телевизионных экранах мы видели уверенные лица космонавтов, трансляция шла на весь мир. Комментарии ведущих — а в их роли были ученые и писатели. Фантасты, котрые могли теперь в реале посмотреть на реализацию мечты. Иван Антонович давал четкий репортаж, красиво и подробно описывая все что происходило там, так далеко от Земли.

Цифры бежали, картинки на экранах менялись стремительно — голоса комментаторов казались просто фоном. Уже отделился ракетный блок, корабль шел на посадку.

'До цели полтора километра, высота четыреста...'

Тут все внимание привлек к себе один из экранов, не самый большой — но очень важный. Просто картинка на нем была с самой поверхности, шестой Луноход искал в небе снижающийся корабль. И, повинувшись командам водителей, нашел. Крохотная и нечеткая сперва искорка становилась все больше и ближе, уже стали различимы детали нашей птицы. Но тут 'танкисты' возбудились...

'Что-то не так, он идет на нас! Внимание, опасный курс!'

Действительно, уже не искорка — а ясно видимый и внешне даже большой и тяжелый, шел корабль прямо в центр экрана. Был бы лунный трактор живым — испугался бы... Мы точно встревожились!

' - Валера, вы идете на маяк, повторяю, на маяк один! Меняйте курс.'

' - Принял, сам вижу. Навсистема ведет на него. Уход вправо.'

Суровый голос Быковского успокоил немного зал. Один из первых космонавтов, всеми признаваемый самым опытным и умелым, не подвел и в этот раз. Силуэт корабля на экране дополнился выхлопом маневровых движков, накренился и ушел из поля зрения злосчастного

трактора, с тихими непечатными выражениями танкисты начали дергать рукоятки управления. Хм, все-таки 'джойстик' сказать быстрее, 'радостная палка' однако.

Опять все мы, весь ЦУП, все теле и радиослушатели страны, да весь мир, замерли в ожидании. Никто не собирался мешать непрошеными советами героям, зачем? Все что могли сделали. Теперь дело только за техникой. И Человеком. А цифры бежали, спокойный голос в динамиках подтверждал контроль воли над механикой.

' - Высота двадцать, опускаемся...'- это командир. Бортинженер непрерывно докладывал скороговоркой все важные параметры, готовый при необходимости спасти все. Понукая свою железную колыхающуюся, успели танкисты. На телеэкранах появился пылевой вихрь, проглядывающие сквозь него языки пламени посадочных движков. Потом сверху упала тень корабля, черной полосой ползла к точке посадки. Другой экран безмолвно показывал ту же картину, вид сверху — серую поверхность, улетающую в сторону пыль, тень... Тишина стояла невероятная, дыхание затаили все. И, наконец, башня корабля коснулась опорами чужого песка! Стих выхлоп раскаленной материи из дюз, покачнувшись на опорах корабль, пыхнули вверх прижимные движки. Тишина... тишина... И усталый голос.

' - Земля, говорит Пятая Лунная. Мы на месте...'

Ааааа... Все мы сошли с ума, обнимались, целовались, летели вверх головные уборы и все что попадалось под руку, Описать это просто невозможно — кто был там поймет, остальным тяжело описать такое радостное безумие... И не важно было уже причина полуаварийной посадки, неважно были все проблемы, почти. Разбушевавшихся за компанию луноходчиков вернули за пульт управления. Тарантас под командой переданных по радиоканалу пинков добежал быстро до корабля, объехал. Все в порядке все хорошо, внешних повреждений нет, ребята проверили все системы изнутри, порядок!

Зал шумел, все отошли от восторга и были заняты делом. Тут я оглянулся на начальство... Наш самый Главный был в кресле, с закрытыми глазами! Что?!!! Нет! Мой ступор заметили окружающие, вот мы уже всей толпой ломимся. Куда? Спасать? Хоть растормошить — не надо нас грешных бросать, да еще в такой день. Но тут навстречу нам выскочил Василий Мишин и жена Шефа. Оказалось, Сергей Павлович просто уснул...

Это было похоже на шум дождя. Шелестели операторы, нажимая кнопки на своих пультах, гудели словами комментаторы. Продолжали репортаж космонавты, но уже пошло по залу понимание, готовое выйти за его пределы и распространится на весь мир. Что-то у русских не в порядке, выход задерживается... Поползли слухи. Только мы все тут, в ЦУПе и космонавты там, на далекой Луне уже знали причину. Так нельзя!

Самый главный человек, тянувший как истинный Атлант на своих плечах весь мир в небо, с доброй улыбкой на усталом лице просто спал. Может снилась ему прошлая борьба, а может — просто что хорошее, мы не знали. И ждали.

По официальной линии, продублированной у нас громким голосом динамиков, было объявлено следующее сообщение. Якобы космонавты, после полной проверки всех систем корабля, будут отдыхать перед такой ответственной операцией как выход на поверхность. Народ немного побурчал, тяжелее всего наверно было телезрителям по всей стране. Ну не могли же мы сказать, что действительно происходит!

А продолжать без Главного было бы предательством, даже генералы это понимали. Занялись все текущими делами, в первую очередь определить причину нештатной работы системы

наведения. Что могло так повлиять на тупую железку, следующую заданной программе? Вроде все просто, есть три точки и надо наводить корабль в примерный центр этого треугольника. На каждом Луноходе есть пять маяков, из них четыре сбрасываемых. При обеспечении посадки тачанка откладывает два 'яичка', и сама становится в нужную точку, образуя на поверхности приводной треугольник. А еще два маяка резервные, вдруг этому же трактору придется обеспечивать еще одну посадку, например спасательную.

Так вот где собака порылась! Оператор, решив что машу каслом не испортишь, включил все маяки. Луноход засветился в три раза сильнее, система наведения сместила точку посадки. Тихо-тихо разбирались мы с управленцами центра. Матюгаться шепотом это весело, однако. Но вдруг усталое лицо разгладила улыбка, зевок...

— Аааа... А что вы все так столпились? Как там ребята, вышли уже?

Немая сцена, потом дикий хохот, через несколько секунд потраченных на запаздывание, к нам присоединились наши лунатики. Главный сперва начал возмущаться задержкой, говоря что посмотрел бы в записи. Но, еще раз окинув нас взглядом, покраснел. Редкий случай!

— Ну... Давайте, что-ли, дальше продолжим.

Зал снова оживился, слушая сообщение о начале выхода. Там, в почти четырех сотнях тысяч километров, герметизировали скафандры космонавты. Спокойные голоса звучали в Центре управления, галдели репортеры.

— Закончена проверка герметизации.

— Пошла откачка, все в порядке.

Мы смотрели на экраны и ждали, ждали...

— Давление ноль-ноль-пять, откачка завершена, начинаем стравливание...

Экран, показывающий бытовой отсек, двух героев в доспехах, ненадолго заволочло дымкой — остатки атмосферы ушли за борт.

— Давление нулевое, начинаем процедуру открытия...

Выходной люк не так-то просто открыть. Сложная, но удобная и практичная система герметизации прижимает его к кольцу на корпусе. Для выхода из избушки надо отвернуть три крутилки кремальеров, выдавить немного тарелку люка наружу и отдать от себя рычаг на крепежной системе. Не внутрь же открывать его, там и так тесно! Но система давно отлажена и отработана в реальном пространстве, дверца открыта.

— шш.

— Начинаем спуск, шшшш...

Хм. Как ни старались спецы, и ставили мы в проект корабля сразу две тарелки антенн дальсвязи, а помехи есть. Откуда? Да мало ли причин... Это Космос.

На экране внешней камеры, впервые за эти часы, появилось движение. В этот мертвый, почти незыблемый мир пришла жизнь. Тень, тень изменилась! Спускающегося по длинной лесенке космонавта мы не видели, нештатный разворот перед самой посадкой нарушил планы

телевизионщиков. Солнце не освещало, как ожидалось, лестницу вдоль борта корабля, площадку. Только самый кончик второй лесенки и опора с тарелкой ясно видны были на экранах.

— Я на площадке, Коля. Жду тебя.

— Принял, начинаю спуск!

Люк в бытовом отсеке и лесенка позволяют выходить только по одному, ну это понятно. И процедура выхода предусматривала вариант с ожиданием второго члена экипажа на площадке. Но как запасной вариант, начальство зашевелилось. Им кажется — вот Луна, вот командир корабля. Ступай скорей, не жди! Не знают они, о нашем договоре...

— Продолжаем...

Теперь мы видели Валеру, он попал, наконец, под солнечный свет. Белая, неестественно-горбатая фигура, неторопливо спускалась по второй лестнице. Встала на тарелку посадочной опоры, неуклюже взмахнула рукой в скафандре.

— Давай!

Тут народ окончательно понял, что сценарий немного нарушается, поднялся шум. Королев поднялся, рыкнул, утихли все. Взял микрофон, подержал... Ничего не сказал в него, только усмехнулся громко. Так, чтобы слышно было и на Луне. Торопливо спустился второй человек в скафандре, две белые фигуры замерли, держась еще за перила.

— Ну! — рявкнул Сергей Павлович.

— Да! — ответил кто-то из экипажа. И они одновременно сделали шаг правой, впечатав подошвы в реголит.

Я замер, все мы затаили дыхание от торжественности момента. Впервые наши люди топчут ногами чужой мир!

— Урр... — начал кто-то, неизвестный.

— Аааа!!! — продолжили все. Наверно этот клич был везде, по всей огромной стране да и за ее пределами, может быть. Но я просто оглох. Даже сам себя не слышал, хорошо еще в наушниках был. Две сумеречно-неясные в дрожащей картинке телесигнала фигуры стояли Там, порождая всеобщее ликование. Тут что-то изменилось, на картинке. Один из героев решил продолжить, сделав еще один размашистый шаг, как на плацу.

— Ё... скользко! — потеряв точку опоры, судорожно пытаюсь ухватиться за вакуум непослушными в скафандре руками, заваливался на бок Коля Рукавишников. Медленно, однако, гравитация в шесть раз меньше. Но пилот, как ему и положено, спас товарища от позора.

— Мля, ты что ходить разучился! — с таким добрым напутствием пойман был за шкуру скафандр, встряхнут со всем содержимым и поставлен на место. Правда, Валера при этом благоразумно продолжал держатся одной рукой за лесенку.

— И не хватало еще нам на задницу упасть, на этот грязный пляж! — о, подходящее сравнение,

похоже немножко. Вот только ответственные лица в Центре Управления да наверно не только тут, превращались от такого диалога уже в красные от гнева рожи. Вместо торжественных слов в эфир пошло черт знает что, однако. Даже нам стало стыдно...

Ладно, освоились немного парни. Уже потом, когда начали грунтокопание и бурение, поняли причину конфуза. В зоне высадки, под тонким слоем реголита, был пласт стеклянистых шариков — свежей относительно и скользкой метки от удара очередным небесным камушком в Луну. А возле самого корабля еще и сдуло часть грунта, движками — каток замаскированный получился. Кстати, падение на спину представляет для космонавтов на Луне реальную опасность — встать без посторонней помощи практически невозможно. В надутым внутреннем давлении завести руку за спину не получится, хвататся за реголит бесполезно, примерно тот же эффект как за мокрый снег упасть. В старом проекте предусмотрен был смешной обруч, который надо было зацеплять на пояс при выходе. Я настоял на изменении, теперь некоторые кармочки скафандра содержали надуваемые по команде подушки — помогут, если что, перевернутся.

Но сперва неуклюже, а потом все уверенней передвигались парни по чужому миру, иногда весело подпрыгивая и поднимая тучки быстропадающей пыли... А то, тут пушинка и дробинка падают одинаково — чем пылинки хуже?

И сказаны были положенные торжественные речи, под сенью алого стяга с золотым серпом и молотом. Луноходчики-танкисты крутили свой агрегат, старательно снимая все. Еще бы, теперь сигнал от камер шел через мощный ретранслятор лунного корабля, качество картинки совсем не то. И мы еще долго наблюдали...

Как наши люди топтали тропинки в чужемирной пыли. Трогали, поворачивали, стучали молотками по чужим камням, отбирая и складывая образцы. Как прыгали, сперва робко, а потом веселей и смешней по склонам холмиков и кратеров. Там, где нет и не было — ветра, воды, жизни. Там теперь двигались, дышали, работали, жили Люди.

Целых четыре дня. За шесть выходов были истоптаны все примечательные места в округе почти километровой диаметра, собрано больше сотни килограмм образцов, пробурено с десятков дырок ручным буром. Ох и намучались ребята выдергивать его обратно — было похоже на сказку про репку. При такой гравитации тяжело найти точку опоры, а скафандр гасит в себе львиную долю мускульных усилий — пришлось бросить эту дрель торчащей в очередной дырке... Но это уже ничего не омрачало — первая наша экспедиция подошла к концу, пора домой!

Прямую трансляцию старта снова смотрели в ЦУП-е. Правда, не так эффектно — с Земли мы провожали в путь два носителя огромной массы, тут к возврату готовится двадцатитонный кораблик. Плата за технологию, далеко нам еще до 'икс-вингов', ох как далеко...

— Три. Два. Отрыв! — смотрели мы опять через глаза 'Лунохода' на вихрь пыли, яростный столб пламени. Только теперь в обратном порядке, мелькнула птичка и пошла домой, на экране внешней камеры провалилась резко вниз, поворачиваясь, бугристая равнина в оспинах кратеров, корабль вышел на расчетный курс. Экран дрогнул и погас — пиножи разрубили кабеля, отсек отстрелился.

И только на одном экране осталась телекартинка — снова мертвая и статичная. Новый кратер, выдутый маршевыми двигателями, сундук радарного отсека, посадочные копыта, лесенка. Не выдержав этой мертвой статике оператор со вздохом повел рукоятками — его механический подопечный снова начал торить свою одинокую дорогу по серой, безжизненной пустыне.

Ой. Я больше не могу... Последнее здоровье заканчивается! Это же надо — столько выпить, ух. Хотя и повод тут подходящий, гуляла вся страна... Возвращение Пятой Лунной праздновали все. Закончилась послеполетная реабилитация экипажа, начались парады — Москва, Ленинград, Новосибирск... Ну и устали все мы, но так надо!

Радость. Гордость. Слава.

Так, всего тремя словами можно было описать происходящее. Мне, рожденному и выросшему в другие годы, лишь в раннем детстве краешком зацепившем То время, было тяжело. Сперва, потом выползла из глубин памяти детская радость, воздушные шарик в руках, радостные лица под ночным небом, озаряемые вспышками салюта. Очередной прорыв памяти, восемьдесят четвертый год. И, это воспоминание сроднило меня с ликующим народом. Вернулись Герои. Со щитом. Слава!

Торжества продолжались долго — речи, награды, кавалькады по улицам. Уже устало глядели в жерла телекамер космонавты. Ну, а наше дело продолжалось — пришлось немного резко мне выступить на Совете.

— Опять вы делаете из летунов идолов! Зачем? Они просто люди, как я, вы, да любой из многих. Да, мы поднялись в Небо. Но не нужно разделять людей на две категории.

— Бугров, да ты же сам в группе. И как тебе слава? — с неприятным выражением спросил присутствующий на заседании Важный Птиц, аж из политбюро. Эх, товарищ. Что бы тебе сказать такого — чтоб проняло бронебойную шкуру, закаленную десятилетиями борьбы, в основном подковой.

— Никак. Для нас, не побоюсь говорить за всех, это не важно. — я встал, оперся руками на красивый стол. Хм, красное дерево. Обвел взглядом окружающих — в обширном помещении сидело человек сорок, всех рангов, званий и должностей. Главные конструкторы, ведущие по направлениям. Военные — нескольких рангов и ролей. От разведчиков до стратегов. И товарищи-политики. Устинов. Андропов, Афанасьев. И все слушали, как удивительно.

— Наша страна дала нам силу подняться в небо, как ни пафосно это звучит. И мы делаем там нужное для всех дело, не требуя себе громкой славы. Хм, приятно — слушают. И думают, надеюсь. Ну, продолжим!

— Да. Дала — и нам нужно дать пользу. Именно пользу от тех усилий, энтузиазма — да и денег, в конце концов. И немало мы уже сделали — товарищи, подтвердите!

В зале закивали головами, это мало. Надо... О! тут уже без меня сделали — раскреплена на стене карта нашей страны — не географическая. Я кивнул. Молодцы ребята, поняли и начали.

— По результатам трехлетнего применения спутникового мониторинга погоды...

Кто слушал доклад, кто пропускал его мимо ушей. Зря. Мне, с высокой кафедры был виден весь зал — и новоприбывшие гости, внимательно слушающие...

— ... Таким образом, в хозяйствах, использующих данные нашего отдела, эффективность сельскохозяйственного производства возросла на...

Вот. Именно. Хоть у нас и не капитализм — но о расходе средств спрашивают не менее строго.

Пусть не безумный рынок, а госкомиссии — но все равно строго, за пустопорожнее создание дорогих игрушек по голове не погладят.

И тем труднее для нас. Мы же делаем то, что невозможно понять и оценить, если прикладывать обычную линейку обывательского мышления. Ну, и не менее важного у нас мнения армейцев. Им кажется, какая польза от очередной ворвавшейся в небо бандуры? Это же не новая дивизия и даже не племенной бычок. Галочку в отчете не поставишь, на карту не воткнешь еще один флажок — а финансы то где? Такие мысли бродят долгие годы, да даже тысячелетия — любая новинка кажется сперва ненужной, лишней, мешающей устаканившемуся ходу вещей. Все думают — зачем, вот жили без такой Байды, проблем не знали. И только если нужда заставит или чужое племя обзаведется новшеством — тогда только шевеление начнется. А космонавтика сейчас еще в более худшем положении чем первые лодки-пироги в начале неолита. Вроде прикольно, плавать через реку удобней, но зачем? А несчастный шаман, отведав грибов, видит в дреме эскадренные броненосцы и ударные авианосцы. Но легче от этого не становится. Ни древнему шаману, ни нам.

Пироги... С ударением на о! Массой, меряющейся килотоннами — то что есть сейчас. И? Остановится, сказать 'это бред'?

И умереть. Как любое другое отсталое племя. Или биологический вид.

Не смешно, но верно. Даже если на Земле построят общество 'золотого века' - не важно, под какой идеологией и какими средствами... Это будет все временно, все пройдет. Вместе с так называемыми 'царями природы'. Как сказал один очень хороший писатель — "Земля слишком маленькая и хрупкая корзинка, для того, чтобы Человечество хранило в ней все свои яйца.". Встряхнул глупой головой, отбрасывая ненужные мысли в сторону.

— Товарищ Семенов, вам слово.

Слушая дальнейший план, обговоренный на многочисленных совещаниях и просчитанный со всех сторон, больше отвлекался я на реакцию окружающих. Слушал шум и ждал.

'... Наша успешная высадка на Луну, совершенная пусть и с опозданием относительно соперников, принесла нам большой успех...'

Ну да, с точки зрения наших граждан и всяких внешних стран мы круты. Да и я спорить не буду с этим, успех есть успех. Вот только бюджет заокеанского соперника, известного под именем НАСА, увеличен впервые после 67 года. Да, последнюю пару лет его урезали нещадно, но теперь...

'... Далее планируются несколько экспедиций, по той же схеме...'

Ну, хорошая схема, мне нравится. Не зря же ее сам проектировал. И надеюсь сам и испытать... Вот только политбюро и вояк простые повторения вряд ли надолго устроят. А докладчик продолжал, почти как по писанному. И утвержденному. Мной, в том числе.

'... Создание постоянной базы, действующей на одной точке поверхности Луны считается нецелесообразным...'

Да, с точки зрения политики, воткнуть в какой-то кратер жилую бочку и объявить ее форпостом Человечества будет здорово. И, кажется, амеры так и собираются сделать. Да и у нас готовый и быстрореализуемый проект тоже есть. Но с точки зрения целесообразности и

дальнейших перспектив, особенно забыв про 'флаговыкательство' это не нужно. Да, рано или поздно постоянная база, обладающая развитой инфракластурой, а так же орбитальная база будут нужны. Да. Когда залетают многоразовые буксиры 'орбита Земли — орбита Луны', 'Луна-орбита', да еще желательны с атомными моторами...

И когда будет выбрано место для Базы, постоянной Базы. Надеюсь, в перспективе города. Так, слушаем дальше.

'... Развертывание объекта планируется тремя пусками носителя модели Н1Ф, дальнейшее наращивание функций и поддержание работоспособности требуют одного тяжелого носителя в год или три средних...'

Да. То что нужно. А еще, как любят говорить соперники — кодовое название. Мы это просто зовем 'Ермак'. Хорошее название для скитальца по чужим просторам... Догадываюсь, что зарубежники обзовут это 'рашен конкистадор'. Ха, ну и пусть. Хороши наши планы, но самое главное — убедить правительство, министров в необходимости новых затрат.

Для этого и было созвано сегодняшнее совещание, у нас еще и сюрпризы для военных остались, система глобальной навигации, кодовое название 'Точка'. И перспективная, в расчете на электронную систему фоторазведки, 'Глаз'.

Услышав такие названия вояки обрадовались. Ну не зря же я говорил, что для каждой штуки должно быть звучное наименование. И, под это шумок прошло на совещании финансирование проектов под другими кодовыми именами. Да, понравилось людям обозначение непонятных вещей понятными словами, а не буквами с цифрами. Уже вечером, в узком кругу, подводили итоги. Теперь в утвержденную Госпланом смету попадают объекты 'Ермак', 'Глаз', 'Точка', 'Игла', 'Рейд', 'Лось', 'Луч'... И пусть враги и любопытные граждане гадают что эти слова значат, ха-ха!

Совещание длилось еще несколько дней, были приняты многие важные решения, одобрены многие проекты. С огромной радостью было получено известие об очередном громком успехе — наконец добрались до цели наши роботы. Автоматические межпланетные станции 'Марс' номер четыре и пять, нового тяжелого образца, не подвели. Успешно вышли на орбиту, сбросив перед этим десантные модули. Теплозащитные экраны, похожие на азиатскую шляпу, погасили скорость, парашюты и посадочные движки мягко опустили оба яичка на пыльную каменистую равнину. И вылупились из защитной оболочки, раскинули лепестки антенн, убрали шторки с камер первые посланцы человечества на таинственной планете. Завертелись вертушки анемометров, заработали приборы. Выползающая из печатающего устройства строка за строкой лента панорамы была встречена воплями восторга и реками шампанского, на следующий день все мировые газеты опять было тяжело отличить.

Позднее, на международном авиасалоне в Ле—Бурже наше яйцо блеснуло еще раз — вертолет сбросил его над полем аэродрома. Парашют, маленький по сравнению с родным марсианским раскрылся, и порадовав зрителей, спектакль повторился. Яйцо раскрылось на травке между рулежными дорожками, стало по программе вести эксперименты и снимать панораму. Маленький марсоходик важно зашагал на поводке управляющего кабеля, анализируя французскую траву... Позднее, когда пепелац перетасили в выставочный павильон, нашлось много желающих получить портрет себя любимого на телепанораме марсианского зонда. Ну а наши, не растерявшись, стали зашибать деньгу. Кончилось это тем, что в последний день выставки сломали специальный принтер, бабакинцы долго ругались. Успокоила их только закупка на заработанные таньга двух новых девайсов...

Новый, тысяча девятьсот семидесятый год мы праздновали с размахом — были приглашены аж в большой кремлевский дворец. В торжественной обстановке наши главные конструкторы и инженеры получали заслуженные награды и премии, опять лилось рекой шипучее вино. Еще бы, такой успех! С лиц всех приглашенных не сходили радостные улыбки, все просто замечательно. Правда многие были жестоко зацелованы нашим Верховным Бровеносцем, товарищем Брежневым. Больше всех досталось, конечно, нашим двум героям — Быковскому с Рукавишниковым. Ну и на сладкое достался мне суперприз. По вбитой тренировками привычке все экипажи держались парами, как близнецы. Подошел к нам Сергей Павлович, отвел в сторонку и говорит:

— Ну что, ребята, у нас все получилось. Так что, в качестве подарка сообщаю новость. Ваш экипаж назначен основным на следующий 'дуплет'.

— Ух ты... — сказал я. Других слов просто не было...

— Однако, — как всегда схохмил Юрка, — Хорошенький такой новогодний подарочек, аж пять тысяч тонн весом!

— Да... И Луна в небе в придачу! — улыбнулся наш Главный.

Вот ведь, сбывается мечта идиота... Через полгода мне вести к серебряной планете, спутнице родной Земли, шестую лунную экспедицию. Вау!!! И после коротких новогодних каникул мы вместе с дублерами приступили к усиленным тренировкам.

А в это время, на другом континенте наши конкуренты чесали репу, решая извечный вопрос 'кто виноват и что делать'. Виновата была природа, конкретнее молнии. А также плохо продуманная защита от них. В электрической схеме корабля 'Аполло-12' и его носителя нашли множественные повреждения. Запасные корабли были — а вот второй 'Сатурн — 5' будет готов только ближе к лету. В то же время требовалось лететь, общественность требовала зрелищ. И тут кто-то в НАСА вспомнил о нашем предложении. Программа 'Союз—Аполлон' начала реализовываться на пять лет раньше. Команда наших инженеров улетела в штаты, прихватив с собой стыковочные узлы советского образца, американские коллеги прикрутили стыкач к трубе специального переходно-шлюзового модуля. В буржуинском корабле экипаж дышал чистым кислородом при давлении 250мм ртутного столба. Мы же, решив не драть себе глотки, пользовались в три раза более плотной азотнокислородной смесью. В феврале старенький 'Сатурн-1Б' утащил на орбиту корабль. Тот самый, который должен был лететь под номером тринадцать... Интересненько, подумал я и начал усиленно следить за новостям.

И совсем не в пятницу, а тем более не в тринадцатое число был старт. Историческое рукопожатие транслировалось по всем каналам, еще бы. После долгих лет раздора повторялась почти легендарная 'встреча на Эльбе'. Ну, река тут уже ни причем, а вот само событие впечатляло. Слащавые речи лились с телеэкранов, политики старались во всю. А вот дальнейшие события гораздо подробнее рассказал мне Кубасов, пусть и спустя несколько месяцев. Валерка дежурил в то время на станции.

— Ну так вот, приползли они в своей ступе, покрутились вокруг. Хотя мы заранее на пятый узел договаривались — видать задание имели хитрое, поснимать все. Пристыковались нормально, проблем не было. А то, как мы увидели бочку — немного испугались. Здоровенная штука, и привычных стыковочных антенн не видать. Товарищ Феокистов даже объявил тревогу, заняли места по распорядку.

— Да, весело вам было. Серега, поддай!

Снова вскипела вода на горячей каменке, с визгами героин-космонавты ховались от пара.

— Состыковались, как я говорил, нормально. А дальше вы и так по телевизору все видели. Короче ждали мы почти два часа, вылезли из трубы Слейтон с Брандом, жали руки, глазели они на все. Потасили после репортажа в кубрик, второй центральный... А, ребята, его же после вас подцепили. У нас там спецотдел для отдыха, так конструкторы наверно задумали. Устроили дружеское застолье. Ха, а янки тоже не дураки — виски притащили тайком в пакетике! Гадость правда редкостная, да и пришлось в ответ нашу заначку оприходовать...

— Ага, ну а дальше?

Пар достиг оптимального температурного значения — мы все просто кайфовали. Валера продолжил.

— Да нормально все было — работали, репортажи давали. Американцы притащили пару приборов, прикрутили там где надо. По-русски правда говорили они плоховато. Хм, так же как мы и на ихнем... Но потом все образовалось, жаргон появился у нас, методом говорильни определили понятные для всех слова. Смешно наверно, нас слушать было в ЦУПах.

— Да нет, Валер. Может, за этим будущее, — Задумчиво произнес Алексей.

— Да, Леш. Я тоже так думаю, особенно после происшествия. Вообще нормально мы работали, пусть и облазили они всю станцию. Прятать-то нам нечего, хм, сейчас. Из биологического их за ноги приходилось выдергивать. В технологическом от вида кристаллов Слейтон камеру уронил... В невесомости. Ну и их груз тоже полезный, ультрафиолетовый телескоп в переходнике хорош. Жаль только, нельзя его в 'Алмаз' перебросить — крепеж не тот. Затенен сильно агрегат и вибрация мешает его работе.

Мы прервались, на плюханье в бассейн — вдоволь наплескались. У ребят послеполетная реабилитация в разгаре, мы получили редкий и короткий отдых от тренировок. А на улице робко вступало в свои права лето. Нафыркавшись, вновь вернулись в парилку.

— Ну а дальше началось самое веселье. Жили-нетужили неделю. Уложились мы спать как обычно, американов давно уже определили в гостевые пеналы. По плану через два дня должны были пойти они вниз, Свайгерт пополз в ихнюю бочку по делам, опять два часа шлюзовался. Они всегда одного оставляли на ночь в своем корабле, будто он кому нужен! Я уже пятый сон смотрел, как вдруг долбанул носом в борт. Так я еще не просыпался — врагу не пожелаю. Станцию дергало, комп включил зуммер... Ничего не понятно, стукались лбами у пультов. Порядок по всем параметрам! Отчего же нас так колыхает, была одна мысль. Хорошо в 'Алмазе' никто не дежурил, пристыкован был...

Опять прервались на попивание кваса, ответ то давно все знали — только переживали всерьез. Такое приключение лучше слушать, чем почувствовать по настоящему.

— Смотрю я на панель, на зелененькие огоньки — почесал репу, полетел в третий служебный, бочку гостей там целиком видно. Выглянул в форточку — ага, точно. Толкнулся ногами, промчался по центзровому... Тормознул возле гостей и говорю - 'гайс, ю хав э трабл'. Спросонья полупали глазами, спросили в ответ 'Чито?'. Ну и отвечаю, кося на панель центрального пульта - 'ю шип из брокен. Массив эксплоде ин сервис модул, майн энджин визуалли дамадждед. Квикли рескуе ю пайлот!'

Мы поржали с Валеркиного английского, на что он возмущенно требовал говорить лучше. И приготовились слушать дальнейшую историю.

— Тут ихний ЦУП, Хьюстон который, проснулся и заорал быстрыми и непонятными словами, задержались ребята и начали ломиться в переходной. Наши подключились, перевели. М-дааа... То, что случилось — врагу не пожелаю. Я ведь, как увидел картину из окошка, понял что все плохо. Огромная дыра на полборта, хрень всякая хлещет струями. Да, гадский кусок ихней обшивки срубил часть солнечной батареи, хорошо не зацепило отсеки! По радио что-то голосили про потерю напряжения на всех линиях, давление кислорода...

Услышав это слово, наш командир на ихнем языке с отличным произношением, предложил провести полную процедуру уравнивания давлений. После короткой паузы янки пришли в шок, куча возражений была понятна без перевода.

— А дальше? — с горящими глазами поинтересовался Юрка.

— Дальше... — Наморщил лоб уже Алексей.

— Схватил я за шкуру Вэнса, потащил к окну, сунул в зубы микрофон. Переключил на общевещательный канал и заставил говорить.

— Гы, слышали мы это. Даже я не перевел этот рык...

-'Сиэндспик', вот и все что я мог сказать. Но ведь сработало же.

— Ага, тишина сразу наступила, только этого заику слышно было.

— Послушал бы, как ты запел соловьем в такой жопе! — одернул неугомонного Юрку Леонов.

— Вообще потрепыхавшись несколько часов, обесточили они сундук, отключили все системы и уравнили давление. Так получили мы на свою голову троих иждивенцев! — со смехом комментировал Валера.

— Кучу топлива сожгли, компенсируя реактивный момент утечки, но это уже мелочи. Самое веселое было потом. Когда стало ясно, что гости у нас надолго.

— Помним, как же, — заметил я, — как мы тут все пахали. Эх, хорошо они к Луне на этом гробу не полетели!

Действительно, шум поднялся на весь мир, некоторые даже вздумали нас, коварных, обвинять. Мол заманили в лапы к орбитальным медведям доверчивых астронавтов и счас кушать будут. Ну, на этот бред никто не повелся, долго Форд по телефону с Леонидом Ильичем общался...

Проблема была в том, что взрыв бака с жидким кислородом, разрушение одного из трех химических реакторов, а в добавок почти всех трубопроводов энергетической системы убили 'Аполлон'. Корабль превратился в мертвый кусок железа, потеряв свою кровь — водород с кислородом.

Командный, он же жилой, отсек еще трепыхался. Но после разряда аккумуляторов, через несколько часов, тоже сдох. А даже если их и зарядить — домой он все равно не улетит. Взрыв разрушил маршевый двигатель и одну секцию малых движков ориентации. Вообще, янки встряли. И надолго — ближайший корабль будет совсем не скоро... У нас по плану через три месяца, за океаном через четыре. Причем средней ракеты под него нет — только

трехкилотонный лунный 'Сатурн-5'. И тратить его на простой орбитальный полет — меня, например, жаба бы задавила!

Еще одна проблема — и у нас, и у американцев корабли трехместные. В 'Союз' можно воткнуть киберпилота, как миленький долетит в беспилотном режиме и пристыкуется. 'Аполло' нужен минимум один член экипажа, причем желательно с дополнительной рукой. Ну а обучить троих астронавтов рулить 'Союзом' быстро малореально...

Пока на земле ругались, в попытках определить кто и как кого будет спасать, командир станции товарищ Феокистов связался с Землей. С нашим Главным.

Сказал всего пару слов - 'Вспомните 'Восход'!'.

И закипела работа, забегали мы все как наскипидаренные. Меня даже с тренировок выдернули, сильно напугав возможным обломом с полетом. На живую кромсали пару серийных спускачей. Выдрали систему жизнеобеспечения, оставив лишь запитку спасскафандров. В бытовке основная стоит — справится. И впихнули четвертое кресло. Пока одну из новоявленных четырехместных 'шпротниц' мучали всеми мыслимыми пытками-проверками из штатов прилетели инженеры НАСА. С мерками астронавтов и образцами ложементов. Кстати, странно что идея с 'шпротницей' раньше в голову нам не пришла. Ведь это только для лунных полетов нужна запасная СЖО. С орбиты всегда можно быстро плюхнуться домой. Ну а Валерка продолжал свой рассказ.

— Погоревали астронавты-погорельцы. Как же такой кораблик был. Бедного Свайгерта сперва пытали — что же он дернул так, что полкорабля развалило. Отмахивался он толстой папкой полетных инструкций — утверждая что по командам Земли проводил плановую рутинную операцию... Тут опять вмешался командир, потребовал отстрелить нафиг бочку — мало того, что стыкач занимает так и воняет еще на всю вакуумную округу. Тут оказалось что это просто невозможно! Только какой-нибудь камикадзе справится — кнопку отстрела надо нажимать изнутри и при закрытом люке. Однако, подумали мы. Эт что ж, нам теперь такой подарок всегда таскать?

Пошушукавшись, камрады обрадовали. Уф, бочонок отстрелить таки можно, вот только спускач с переходником останутся торчать, памятником блин.

— Ну, с другой стороны, нахаляву целый спальный отсек заимели, — заметил Юрка.

— Ага, сщаз. Уснешь и задохнешься — там же ни вентиляция, ни очистка не работали. Пришлось нам туда кабеля закидывать, запитать систему. И теперь каждый грузовик еще и поглотители буржуинские таскать должен.

Ребята еще долго наперебой рассказывали про житье-бытье вынужденно-долговременного международного экипажа советской космической станции. Кстати, назвали ее емко и просто - 'Мир'. По их словам, когда через три месяца за американцами прилетел Береговой на 'шпротнице', они аж улетать не хотели. А потом, как карлсоны, обещали вернуться.

Забегая вперед — через два года Свайгерт слово сдержал. Управляя 'Аполло' привел на буксире огромную бочку 'Скайлэба'...

— Тсс... Вставай...

Не став возмущаться и озираться, аккуратно сложил постель и оделся, Юрка пошел будить дублеров. Тихо-тихо выбрались мы из окошка, хорошо дом одноэтажный. Таща на себе скатки одеял бежали по парку. Вот, уже мы на просторе, вот чуть осталось... и тут зажглись фары.

— Хе, хе, хе. Ну и куда вы собрались на утро глядя, ххерои? — спросил темный, неузнаваемый в ночной мгле силуэт. Ну, почти неузнаваемый — голос мы этот прекрасно знали... И боялись.

— Доброе утро, товарищ Каманин! Личный состав проводит внеплановую тренировку... — Юрка пытался хоть что-то сказать.

— Ага, на бег в мешках. Запрыгивайте, орлы — а то до рассвета до цели не добежите, — добродушно пробурчал генерал.

Блин, это ж надо так облажаться! Как ламеры поперли, а нас загодя просчитали и встретили. Ну, теперь уже поздно отмазываются, пришлось загрузиться в генеральскую 'Волгу'. Заурчал движок — генерал был один и сам вел машину, на переднее кресло уселся Юрик, мы втроем утрамбовались сзади.

— Да знаю, куда вы собрались, первые что-ли... — бурчал генерал. О-па, и нам про такую подставу никто не сказал? Ну ребята, мы сердитые!

— И не надо дуться, проще сказать было. Это и так ваше право.

О. Мы идиоты, и понятно теперь, почему нам не сказали. Одна из многих подколок сработала — увы, на нас... "Волга" катила по пустой ночной дороге, позади светились огни города. А впереди была почти темнота — только красные огоньки на мачтах стартовых комплексов горели вдалеке. Вот и огромный ангар — самое большое здание на планете. Не по высоте, по объему. Но и высота в девяносто метров тоже впечатляет.

Караул проверил документы, причем без вопросов. И внутрь впустили тоже спокойно — мы ж не диверсанты.

Но идиотская идея нашего ночного похода стала еще ясней. Мы собрались залезть на транспортер и прокатится вместе с носителем до пусковой. Ага, при таких мерах безопасности... Блин, Юрка лыбится! Артюхин так вкрадчиво спросил.

— Ну и кто это придумал? А, наш герой! И не ржи как конь, ты блин заранее все знал! Эх, настучать бы тебе по лыбе, так жалко ж. И низзя!

Юрка довольно заржал, шутка явно удалась.

— Да ну вас, сами не могли подумать... Хотя, генерал нас не должен был поймать — просто на КПП пропустили бы. Хоть побегать нам не пришлось сегодня.

Вот злыдень, мы и так могли спокойно поехать и смотреть на установку носителя. Все равно до полета минимум неделя еще. Но уговорил, в рассветной тишине посмотреть все с начала, в тихую. Тут подошел ночной дежурный по монтажно-испытательному корпусу и, спокойно так говорит...

— Что-то вы рано сегодня. Пока располагайтесь где удобно, процедура только в десять начнется.

— Юрка, я тебя пришибу!

— Ха, не надо так сердито. — сказал генерал. — Мне вы тоже поспать не дали, так что отбой по гарнизону! Одежда не зря перли...

Я не понял, что вообще сегодня было — тест на идиотизм или командная подколка с проверкой? Вроде все спокойно воспринимают, смеются над друг другом но по доброму. Хотя, кажется пока я занимался техническими вопросами появилась новая традиция. И это все объясняет — за прошедшие годы было уже много полетов. И десятки экипажей поднимались в Небо. А над нами, как редкими гостями — особенно надо мной еще дополнительно подшутили...

— Ясно, приказ понял. Командир, вижу подходящее место базирования! Схватил скатку, поднялся по длинной лестнице на транспортер. И спокойно расстелил одеяло. А то, что надо мной нависает огромная первая ступень носителя — это даже здорово. Генерал внизу захохотал.

— Орлы, досыпайте. Утром не забудьте зубы почистить, завтрак тут, в столовой!

Повернулся и ушел.

Глянул на часы — три тридцать, светать совсем скоро начнет. Лето.

— Ну ребята, ну я вам покажу... — пробурчал я и уснул под тихий смех.

А утро наступило совсем скоро — пока на вахтовых автобусах съезжался персонал мы успели привести себя в порядок, и не стояли огородными пугалами на торжественной церемонии. Это было почти как спуск на воду корабля.

Метко бросила бутылку шампусика Нина Омысова, ведущий инженер-программист, разлетелись осколки и пена. Мы стояли на транспортере, под машиной донного отсека носителя. Снизу махали руками рабочие и инженеры, летели вверх кепки и фуражки. Из окошек тепловозов высунулись машинисты, простым загибанием пальцев синхронизировались — заурчали дизеля и под мерный стук колес потянули нас и нашу Птицу на волю, в теплое июльское утро.

Сидели мы на краю транспортера, бережно державшего фермами-пальцами ракету, смотрели на приближающуюся пусковую. И так хорошо на душе было, что дружно заорали на всю степь:

"Заправлены в планшеты космические карты,

и штурман уточняет в последний раз маршрут.

Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом:

у нас еще в запасе четырнадцать минут.

Я верю, друзья, караваны ракет

помчат нас вперед — от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы.

Когда-нибудь с годами припомним мы с друзьями,

как по дорогам звездным вели мы первый путь.

Как первыми сумели достичь заветной цели и на родную Землю со стороны взглянуть.

Давно нас ожидают далекие планеты,

холодные планеты, безмолвные поля.

Но ни одна планета не ждет нас так, как эта -

планета дорогая по имени Земля.

Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед — от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...

Пока мы орали песни наш необычный состав подъехал к цели, о! Развилка на путях. Конечно же, нам на правый старт. А вот на левом видно копошение инженерной бригады, восстанавливают объект. Когда без всяких катастроф пучок движков тягой почти в четыре тысячи тонн лупит факелом — в стороны разлетаются даже бетонные плиты. Тут уже нам песни петь не хотелось, масштаб подавлял. Выше всего были стовосьмидесятиметровые башни молниеотводов, увешанные заодно прожекторами. А прямо под нами, между железнодорожными колеями, был один из выхлопных путей. Под затихающий и замедляющийся стук колес показалась дыра. Огромное, круглое, офигенно глубокое отверстие в Земле. Платформа остановилась почти на краю, заглянули мы... Вот не боюсь высоты, почти — тут и я ощутил дрожь, позорную дрожь. Внизу, на огромной глубине, плескалось целое озеро. На все три стороны уходили газоотводящие каналы, блин. Да там снег лежит! В июле. Тут на нас начали орать.

— Ушли на юх, быстро! — молодой парень в почти танкистском шлемофоне был здорово похож на Юрку. Почти как брат, но выше намного. И чего он так? А, блин — мы опять идиоты.

— Быстро, быстро вниз! — продолжал орать наш спаситель. Действительно, сейчас вся огромная конструкция начнет плавный, красивый подъем. И мы бы посыпались вглубь стартового стола, считая в полете метры. М-да, моментом свалили с установщика. А вот остальной народ на нем остался — работа такая. Загудели насосы, масло пошло в гидроцилиндры. И очень осторожно, мягко и плавно, махина 'Атланта' поднялась носом в теплое летнее небо, зависла над пропастью. Началась обычная рабочая суета, а тут еще шесть человек прибежали со странными приборами. Встали по кругу, смотрят на индикаторы, старший замахал руками. Тихо работала гидравлика, носитель опускался, вот опять поднялась рука — пара минут переговоров по рации, незаметное изменение в положении ракеты. Я отошел в сторонку, спросил товарища Лыгина.

— Почему так медленно?

— Бугор, ты что? Сейчас вымеряют горизонталь, парни с приборами ультразвуком смотрят. Да даже в долю градуса отклонение даст такую погрешность на гироплатформу, что твой компьютер тебе врать начнет, не краснея. Ух, точно, совсем забыл. Да, туплю иногда...

'-Ауип! Ауип! Ауип!' - гудя сиреной подъезжала башня обслуживания, готовая обнять носитель.

И скапливались автобусы, выгружая сотни людей — всего неделя на подготовку. И они, такие маленькие на фоне ракеты — запрыгивающие на еще только подъезжающую башню, цепляющие непонятные приборы к разъемам на пусковой, громкими голосами раздающие команды и тихими словами говорящие в телефоны... Убедили нас, таких гордых, убраться куда послали и ждать своего часа. И еще больше осознали мы себя песчинкой в великом деле.

Вот и этот День начался надоевшими медицинскими проверками, но так надо. Врачи взяли анализы всего что можно, долго пытали разными приборами.

— Доктор, а доктор... Я жить буду? — жалобно спросил Юрик.

Молодая медсестричка привычно приснула от смеха, Юра регулярно веселил всех своими шуточками.

— Ага. Только завтра в командировочку на небеса полетишь, недельки на две.

Врач тоже не дурак пошутить оказался. Потом прошло заседание госкомиссии, окончательное утверждением плана полета. И нас, основным экипажем. Эх, хороша нынче погода на космодроме. Частые дожди сбивают жару, степь еще покрыта буйным ковром оставшейся с весны зелени. Вообще, травка зеленеет, солнышко блестит, самое то для прогулки. Мы вместе с дублерами долго шляли по парку, где все прохожие разными, но одинаково теплыми словами, желали удачи. По пути время от времени взгляд цеплял на горизонте белую стрелу в окружении башен обслуживания. А позади ребят сопровождения, включая врачей — так положено.

Тут попался крохотный парковый кинотеатр, да еще под открытым небом. И, судя по афише рабочий. Что-то мне название кинокартины знакомо. Но рисованная гуашью и смазанная дождиком картинка напоминала... Вот не помню как такая мазанина называется, клякса и клякса. Только торчал из смещения красок штык и обрывок 'стыни'. Ё! Этот фильм уже сняли? Ух ты, подумал я и решительно свернул, таща за собой ребят.

— Вовка, ты куда? Я это 'Белое Солнце' уже смотрел.

— А я не смотрел, ни разу. И смотреть пойдем все. Потому что так положено! Ой, что я говорю... Кем положено, когда — опять память жжет. Но ребята поддались и на пару часов мы попали в такие близкие пески Каракум и далекие двадцатые годы, удовольствие незабываемое. Не знаю, получится ли традиция — но заявил, что перед следующим полетом обязательно пересмотрю фильму. И Юра поддержал... Хотя тут у нас традиции круче появились уже, провозжать носитель на пусковую, например.

Последний вечер на Земле. Долгий день завершился красивым закатом, в небе притягивал наши взоры тоненький серпик молодой Луны. Нет, надо говорить не последний а 'крайний'. Одна из многих наших примет на счастье...

Мы сидели на лавочке возле маленького уютного домика, наслаждаясь вечерним летним теплом, вели неспешную беседу. Вся суэта давно прошла, несчетные тренировки, долгие расчеты и проверки. Все готово, теперь можно расслабиться перед главным экзаменом в жизни.

Сергей Павлович рассказывал нам о своих мечтах и планах, долгой-долгой борьбе за их реализацию. Как совсем молодым безусым парнишкой пришел в ракетный кружок. Какими смешными и наивными кажутся теперь первые ракеты, первые попытки и головокружение от таких редких первых успехов. О том, как ими заинтересовались вояки и к каким бедам это привело в итоге. Про то, что когда-то сам мечтал подняться в небо, увидеть Землю с высоты.

Про свой полет на первом ракетоплане, который сам сконструировал. И как его оторвали от дела. Про Колыму он сказал всего пару слов, жалея о так тяжело и бессмысленно потерянных годах. Как однажды он понял — все, не успеть. И как решил продолжить борьбу уже ради других — молодых.

Мы долго слушали эту великую повесть, пока не пришел лесник-медик и не испортил все. Но возражений не было, распорядок нерушим. Долго ворочался в постели, не мог уснуть. Всякие посторонние глупые мысли лезли в голову, отгоняя сон. О, идея! Надо что-то посчитать. Положено баранов, но мне это не подходит. Придумал — буду считать движки нашей ракеты, а если не хватит то и корабля. И, поехали!

'-A1, a2, a3, a4... a24... B1, б2..' На 'Б-6' народный метод сработал и, наконец, я отключился.

Вот так мы и полетели...

Суэта. Опять бегают народ, таскают проекторы, мафоны и прочую аппаратуру. Мы только отходили от полета, а еще больше от наших 'реаниматоров'. Блин, всего чуть отлетали, не надо нам особой реабилитации, но так положено. И кушали мы творожную кашку, каждый шаг контролировали здоровенные парни в белых халатах. Да не упадем мы, отвалите! Всего двенадцать дней нас не было дома. И какой переполох устроили мы за это время. После успешного плюха в степи, едва рассеялась пыль взбитая движками мягкой посадки, корабль оцепили. Три огромные Милевские вертушки забрали нас, аппарат с бесценным грузом — и вояк обеспечения. Мы дома.

Груз распаковывали в вакуумных камерах, руками в тугих перчатках трогали и поворачивали добытое нами нечто. Царапали, отрезали кусочки на спектрометрию. Сличали положение обломков на наших фотках, считали воздействие окружающей среды. И, вот мы готовы слушать отчет.

Гудит проектор, все кресла в немаленьком зале заняты. Все ждут ответа. А мы думаем — не зря мы отклонились от траектории посадки, порушили программу полета. Тссс!

— Добрый день, товарищи. Я вижу, все в ожидании. Сразу скажу — эти обломки чужые. Совсем.

Академик сурово глянул на присутствующих в зале.

— И теперь со всею уверенностью можно признать — мы не одиноки во Вселенной. Вот только меня это не радует.

Зал загудел, пожилой мастер взмахом руки создал тишину.

— Например, на объектах 3-1-12 и 3-1-06 обнаружены аномалии. Согласно фотографиям образцы лежали нетронутыми. И внешняя сторона подвергалась обычной эррозии. Хм, обычной для Луны. А вот с другой стороны...

На стене проектор высветил картинку. Предполагаемая схема находки, густой штриховкой отмечена наша добыча, то что влезло в корабль. Сундук. Чужой сундук.

Сергей Павлович, на правах старого друга, вежливо попросил продолжить. И без лишних слов.

— Ладно. До разрушения при падении, кстати очень маленькая относительная скорость... Объект попал под воздействие высокоэнергетического потока частиц.

Мы замерли, с глупым видом хлопая глазами.

— Говоря проще — рядом с объектом сработало ядерное устройство. Или термоядерное, все зависит от расстояния. Характерные следы, например вплавленная в металл теплоизоляция. И даже остаточная наведенная радиация присутствует.

Шокированные такой новостью, внимательно слушали.

— Позвольте обратить ваше внимание на различное повреждение образцов. А так же их расположение на момент столкновения. Примем как данность — до падения объект был единым целым. После столкновения с Луной произошло разрушение конструкции, разброс обломков. Но первоначальную форму объекта мы рассчитали. И собранные товарищами образцы позволяют нам делать определенные выводы. Академик еще раз, простым взмахом руки, сфокусировал все внимание на схеме.

— Примем за аксиому, — с усмешкой сказал мудрый человек.

— У любой штуки, особенно прямоугольной, есть минимум пара сторон.

— Мы исследовали все образцы, тщательно. На образцах, находящихся согласно схеме на 'левой' стороне обнаружены следующие аномалии — оплавление поверхности, многочисленные микрократеры с внедренными высокорadioактивными частицами.

— Было рассмотрено множество версий, тщательно изучен изотопный состав. И вот, увы — наиболее вероятная. Когда-то, рядом с нашей планетой, было применено ядерное оружие.

Очень пожилой, да уже совсем старый человек оглядел нас внимательно. Затем добавил... Почему-то заметно севшим голосом:

— Выводы делайте сами... Ядерные взрывы в естественном виде в природе не встречаются.

— И там тоже война? — спросил генерал Каманин.

— Я этого не говорил! — возразил академик. — Но в ряду других объяснений это не может быть исключено. И даже имеет очень немалую степень вероятности... Как бы нам ни хотелось обратного...

— ...! — сказал кто-то с чувством.

— Да, мы все считали такое невыносимым. Разум, вышедший в космос, не может быть агрессивным, как пещерный троглодит... Мы все думали, все мечтали... Но тут четкие цифры и факты. Минимум несколько десятилетий назад случилось то, что не исключает боевые действия... Кто и с кем мог воевать — мне уже не важно. Если это было что-то другое — неважно тем более. Но в наше напряженное время... Мы просто не можем отмахнуться от возможной опасности. Я надеюсь, что мы будем готовы...

Все очень серьезно, в полной тишине слушали. И вердикт приняли тоже спокойно.

Внешне спокойно, во всяком случае я. В голове бурлили и сталкивались мысли. В ближайшие полсотни лет вроде никакие аlienы не прилетали, в прошлом тоже. Но тут Главный

столкнулся взглядом с Мишиным.

— Василий, материалы и результаты по нашим поискам поднять из архива. Надо кое-что проверить.

Каким поискам, странненько — подумал я. Академик же сориентировался моментально.

— Да, вы правы. По времени тоже подходит. В том событии достаточно много загадок...

- 'Тунгуска', кто-то такой догадливый сказал в зале.

Оп-па, торможу. Забыть про такое. Двадцать с лишкой мегатонн, минимум!

Давным-давно, всего лишь сотню лет назад — для моего прошлобудущего. Или шестьдесят два года назад в настоящем случилось нечто громкое. Одним летним вечером тысяча девятьсот восьмого года в небе происходили совсем странные вещи. Множество наблюдателей засекали неопознанные летающие объекты. Один, большой и красиво обгорающий в плотных слоях атмосферы, плавно снижался. Второй, намного меньше размером, шел на постоянной высоте. А вот момент пересечения траекторий никто не видел. А если кто и увидел — то увы. Новые глаза мы делать не можем. Взрыв воздушный, высокоатмосферный, примерная мощность в тротиловом эквиваленте превышает двадцать мегатонн... Так могли его записать в журналах наблюдений Семипалатинские наблюдатели. Но, увы, не было их в столь далеком году. И умирающим от лучевой болезни тунгусам тоже никто не мог помочь. Многие годы спустя, когда сдох 'прогрессивный царизм' и новое правительство дало финансы — добрались ученые до места. Их отчеты только добавляли загадок. Тайна испарилась в огне. А даже если что осталось — после такого взрыва искать на месте бессмысленно. Любые возможные обломки улетели очень далеко, и с огромной скоростью. М-да, вот вам и братья по разуму.

Между тем обсуждение продолжалось, задавали вопросы по составу образцов, сравнивали с нашими сплавами. Разгорающуюся дискуссию в своей обычной манере прервал Сергей Павлович.

— Все орлы, порезвились и хватит. Надо готовить отчет. В политбюро. И помните о соблюдении режима секретности. Подписку все давали!

По всей территории были усилены меры безопасности, под видом карантина. Но у всех непосвященных возникло множество вопросов — резкое, в последний момент, изменение точки высадки. Очень короткое пребывание на поверхности, вдвое меньшее чем у предыдущей экспедиции. Зря нам программу сократили, очень подозрительно получилось. Большое количество шифрованных переговоров и множество недомолвок в обычных. И заедало мучительное любопытство всякий разный народ по всему миру. Как выкручиваться будем, шило в мешке не утаишь... Спишут на неполадки в системах корабля?

Ладно, дальше видно будет. Освободившись от назойливой медицинской опеки, пошел ругаться. К кому? А к умникам нашим.

На нескольких проходных тщательно проверяли документы и пропуска. Хм, вдруг под меня вражий шпиен замаскировался? Дежурная штатная паранойя, так и положено. Уже на месте, в царстве стерильности и белых халатов, ответил на недоуменный вопрос.

— Инженер-космонавт Бугров. Прибыл для получения личного багажа!

Народ завис, ненадолго.

— Ну то, что Бугров это понятно. Мы своих героев в лицо знаем, не забываем. Но причем тут багаж, тут не багажное отделение 'Аэрофлота'! — раздалась смешки.

— Ага, тут багажное отделение Космофлота, — улыбнулся и протянул мощную бумагу. Не зря я из-за этой накладной Самого беспокоил.

Нахмутив брови, геохимик ??? читал вслух: 'Выдать В. Е. Бугрову личный багаж в составе — образец П номер 001. подпись — С. П...'. Глаза у народа округлились, я уже довольно ухмылялся, подражая Юрке.

— Чегоо?! Это ведь единственный образец со всей экспедиции! Ну нельзя же так, товарищи. Буровую профукали, кернов нет, проб нет. И единственный кусочек, пусть даже доставленный с нарушениями условий хранения... И тот отберут!

— Товарищ Бугров, ну зачем вам этот булыжник?

Хм, что-то распереживались ребята.

— Тихо, тихо. У вас что, реголита мало — сотни килограмм уже. Что вы так в мой камушек вцепились?

— Так это не реголит. Это базальт. Из кратера. За которым вы и летали! — разноголосым хором загалдели возбужденные умники.

— И зачем он вам, — спросил Александр Васильевич(?), их главный, — на полочку положите? А тут такой прогресс в исследованиях. Там пятнадцать процентов титана, двадцать алюминия и аж тридцать магния, остальное кислород — целая кладовая!

Вот блин, мне аж стыдно забирать трофей стало. Действительно — не на полке же ему лежать. О, идея!

— А вы что собираетесь с ним делать? — заинтересовался я.

— Разделим на части, будем пробовать разные способы добычи металлов и кислорода, вам же пригодится. — уверенно дали мне ответ.

Так, что бы такого придумать — чтоб и волки сыты и овцы... эээ... тоже сыты. О!

— Так, товарищи — предлагаю компромисс. Так и быть, издевайтесь всюду над моим багажом. Но из выплавленного металла сделайте мне две звезды, не меньше. Размером со стандартную.

— Какую стандартную? — не понял сперва народ.

— Золотую, конечно. Меньше чем через год юбилей — сами догадайтесь. Умники просветлели лицами, стали благодарить. Но я им малину попортил — отобрал бумагу и грозно пошутил:

— А не справитесь с металлом, отберу у вас кирпич побольше!

Вот такое вот веселье. Зато подарок двум героям к десятилетнему юбилею считай в кармане. Вышел из корпуса НИИ, вдохнул летний воздух. Приятно пахло разогретой хвоей, летали толстые полосатые пчелы. И купол голубого, безоблачного, бездонного неба над головой. Совсем недавно мы там были...

'Спейсшип Коламбия не представляет, что 'Аэлита' из себя представляет...' - напевая только что сочиненную песенку на мотив уродливой шняги, в припрыжку топал по коридору. Надеюсь, в этом мире такой отстой не сочинят и не будут петь. Ну а мое немелодичное мурчанье это просто от радости. Я ведь не летал уже четыре года, с того самого прыжка на Луну. Провожал другие экипажи, встречал вернувшиеся корабли. И работал, делая свое дело — то, которое знал и любил больше жизни. А творить теперь было намного проще — чем до перевернувшей мир Находки...

После совещания еще несколько дней готовили всеобъемлющий доклад, поднимали старые байки о Тунгусском событии. Сергей Павлович вместе с генералом доставили его на самый верх, отчитались. И стали мы все, посвященные в тайну, ждать. Мне кажется, без такого международного ажиотажа, вызванного непонятными событиями во время полета — решение было бы другим. Совсем. Но в результате мы сидели в мягких и удобных креслах новенького шестьдесят второго Ила. Причем машинка правительственного исполнения, даже второй салон блистал отделкой и комфортом. Вместо обычных рядов удобные полукупэ, кресла раскладываются в спальные кушетки. А что там, в первом классе, мы не могли проверить. И долгий-долгий полет над Атлантикой, за окном только белизна облаков и синь океана. Ошеломленные таким валом событий, особенно только предстоящих, всей делегацией дрыхли или тихо-тихо общались, дабы не разбудить соседей. Все, кто коснулся неба — грустили. Мы меньше чем за двадцать минут пролетали этот океан, теперь приходится долгие часы слушать шум турбин и ждать. Ну, девятьсот и почти двадцать девять тысяч километров в час сильно отличаются. Долетели, сели. Перед посадкой, в последние минуты, прилипли к окнам - 'Ил' разворачивался, выходя на глиссаду. И мелькали под нами небоскребы.

Брр, самое главное воспоминание от этого города — толпы репортеров. Долго мы от них отбивались, тяжелым черным лимузином с маленькими красными знаменами даже пришлось расталкивать эту толпу. Но рано или поздно все кончается.

— Гхм-гхм, — демонстративно прокашлялся товарищ Брежнев. Последние делегаты занимали свои места, большой зал был почти полон. Сотни микрофонов, кинокамер и телепушек нацелились на знаменитую трибуну. Кто только там не выступал, помнит дерево и ботинок Хрущева.

— Здравствуйте, товарищи... — привычно начал наш вождь. Переводчики судорожно пытались донести до своих хозяев мысль — их только что обозвали 'товарищами'.

— Граждане человечества, — обвел зал суровым взглядом из под насупленных бровей наш дорогой Леонид Ильич.

— Ситизенс оф хюманкайнд, — еще более ошарашено заявили переводчики...

Я речь не слушал, гораздо интересней было наблюдать за народом. Уже после первых слов посторонние разговоры стихли, выражение лиц изменилось на более внимательное. Какого-то задремавшего негра в африканском секторе пихнули товарищи.

На большом экране начал проецироваться фильм. Показали наш ночной подъем — действительно очень красиво. Потом кадры с лунной орбиты, Юрку с флагом в гордой позе... И тут Ильич бахнул главное! Огромный зал наполнился шумом, бегом репортеров. Некоторые особо шустрые метнулись на выход — хоть на минутку, но опередить конкурентов. Привычный ко всему подобному Леонид Ильич спокойно продолжал речь, лишь изредка заглядывая в

шпаргалку. На экране же, появилась другая картинка, украшенная навигационными маркерами и кучей служебных цифр по бокам. По серой равнине тянулась двойная цепочка следов, и брели к близкому холмистому горизонту фигуры в скафандрах, вид дрогнул и плавно начал колыхаться. И, в такт продолжающейся информации ролик с 'Лунохода' показывал историю Открытия. Да, я аж себя кинозвездой почувствовал — столько народу внимательно, затаив дыхание, смотрели — как мы ворошили находку. Под конец речи на экране застыл крупным планом финальный кадр — табличка, исписанная кракозябрами.

Зал шумел как трибуны стадиона, все бурно обсуждали услышанное. Где-то разрывались телетайпы, выдирали друг у друга трубки телефонов журналюги, кипели редакции газет — готовя новые передовицы. Сотрудники посольства раздали представителям всех членов Совета Безопасности толстенькие папки. Там, кроме предложения немедленного созыва, была не вошедшая в речь информация — о характере повреждений находки, подкрепленная отчетом научной комиссии. Такую бомбу мы таки решили не доводить до всего мира, пока. Пускай эту переварят...

Процессу очень способствовала небольшая выставка — под толстым бронестеклом, охраняемые караулом, лежали на всеобщем обозрении кусочки. И больше всего народу пыталось прочесть табличку. В мире наступил прогнозируемый переполох — сходили с ума 'тарелочники', плевать им было что сундук на классическое ихнее нло совсем не похож. Сумасшедшие пророки голосили, грозя разными карами. Вообще, всемирный бардак.

Через три дня собрался Совбез, лидеры государств до кучи притащили с собой толпу генералов. И начались долгие, непростые переговоры... Что из этого получится — пока не ясно. Дойдет ли до тупых голов, что мы все в одной лодке? Космонавты вообще считают, что каждого президента, генсека и так далее — принудительно нужно посылать в космос. Пусть глянут на шарик сверху, может поумнее станут.

Ну а нас, вместе с командиром, чуть не съели журналисты на многочисленных пресс-конференциях. Какая-то собака разнюхала, что я не просто космонавт, а еще один из главных конструкторов. Пришлось срочно сваливать обратно в Союз...

Пока еще продолжались бесчисленные совещания, но одно из главных решений было принято сразу, началась подготовка к совместной экспедиции за остатками того хлама. Проблемы было две — у нас не было готовых ракет и корабля, следующий полет намечен был на конец года. Зато у американцев 'Сатурн-5' почти готов... А вот и вторая проблема — сколько мы можем поднять груза с Луны? Наш лунник, с сокращенным экипажем — полторы сотни кгэ. Американский лунный модуль и того меньше, всего полсотни. А по оценкам специалистов барахла там осталось почти на тонну. Почесали репу, прикинули — отобрали у вояк тяжелый 'Атлант'. Они через месяц намыливались его на спутник радиоразведки потратить, обойдутся. И, пока с разгонника скручивали геостационарного шпиена, Леха Леонов улетел с дублером аж в Хьюстон. А Звездному тоже скучать не пришлось, встречали американцев. Все потому, что после весеннего орбитального сидения договорится о смешанной экспедиции стало намного проще.

Конструкторское бюро товарища Бабакина в очередной раз обработало напильником грунтотырилку, прицепили навесные баки. Ракета-то более грузоподъемной стала, влезла еще и американская труба переходника. И, поехали!

Двойной привычный пуск, вот только стартовые столы отделяло друг от друга пол-Земли. И рвущиеся в небо дымные стрелы в окулярах бинокля, слова в шлемофоне - '...курс норма...

угол...'. Вот только дублирующий голос на английском был непривычен. А в жаркой Флориде так же, с опаской, привыкали к русскому. С разницей в несколько часов корабли стартовали и вышли на парковочную орбиту. В обоих ЦУП-ах применяли все возможные приметы — скрещивали особым образом пальцы, плевали в прыжке через плечо — делали все возможное, лишь бы не опозориться. Но лучше всяких примет нормальная, качественная работа многих тысяч людей, тех кто делал наших птичек. И, в намеченный день и час заревели в бесшумном вакууме движки, сорвали с орбиты к далекой цели два таких разных корабля. Железо не имеет политической направленности и убеждений, к счастью. Иначе бы оно сильно удивилось...

Первым на орбиту Луны вышел 'Аполло-13'. Ха, многие заокеанские журналисты считали этот номер несчастливым, из-за состава экипажа. Командир корабля — опытный пилот, летавший в первой американской Лунной, Джим Лоувелл. Пилот командного модуля, новичок в космосе, Том Маттингли. А вот и пилот десантного корабля, хороший наш товарищ, Алексей Леонов. Пусть он там и самый первый, командир Первой Лунной — но в экипаже строго следовал субординации. Потому что, когда встал вопрос о совместном полете, умники из обоих Центров подготовки быстро пришли к единому мнению — только пилоты подходят для быстрого переучивания. Летчик-испытатель, освоивший десятки машин — очень быстро переучится на следующую. Вот так Лехе пришлось осуществить мечту, через нервы и пот — в авральном порядке осваивая чужой десантник.

Ну а Джонни Янгу, 'Малому', как за глаза называли его в ЦПК — джойстики 'Союза'. И дергал он их, под контролем бортинженера Валерки Кубасова (?? Может замену летал только что. Как и АЛ — знание иныза, приобретенное на орбите). После разделения на околулунной орбите им надо было поймать трубу переходника, проконтролировать полет тяжелой 'грунтогырилки'. Не, уже 'нечтогырилки', первым на маяки нашего старого друга 'Лунохода-6', пойдет 'Наутилус'. Так, с согласия Алексея, Джим обозвал лунный модуль. Вообще, хорошая традиция — называть корабли красивыми именами. Но, если кораблей станет много — как быть? Надо какую-то преемственность организовать. Хм, подумаю на досуге, интересный вопрос.

Ну а дальше все было привычно и обычно — для нас. На околулунной орбите Валера с Джоном поймали трубу, по сигналам системы стыковки 'Контакт' подошел Том, руля бочкой 'Апполона', состыковались. И теперь гордо могли говорить речи журналисты по всему миру. Вроде как первая Лунная орбитальная станция образовалась. Причем большая и толстая — тонн тридцать весом, не меньше. Отшлюзовавшись, парни пожали друг другу руки. Пыхнув движком посадочной ступени ушел вниз 'Наутилус', вызвав волнение в Центрах управления полетом.

' — Тен феет, овер.' Джим, сильно волнуясь, докладывал параметры в привычной для американцев — но весьма противной для всего метрического мира системе мер. Лехе было пофиг — он, как настоящий штурман, поправку знал. ' — Норма. ROD минус пять. Горизонт семь. Два вперед три вниз, падаю' - спокойным голосом докладывал наш космонавт. Лоувелл опять скороговоркой зачастил про свои футы в секунду, но не успел.

' - Касание. Три нуля!' - лениво буркнул Алексей. На экранах, показывающих картинку внешних камер совсем незаметно прекратилось движение. 'Уррра!!!' - заорали наши, радуясь за аса. 'Hurraaa!!!' - присоединились коллеги.

Да, ребята сели совсем рядом с целью, Луноход разложил приводной треугольник в паре сотен метров от заветного кратера. Через час, кислородная атмосфера американского корабля облегчала подготовку скафандров, спустились космонавты. Первым делом подобрали пару маяков, похожих на противопехотные мины, отнесли подальше. Роботу все равно где садится, но не на голову же. А стоявший рядом Луноход, довольный настолько может быть

довольной машина, держал на прицепе давно забытую нами буровую. Умники!

Оглянулся — улыбается научный отдел во всю. И аргументы привели здравые — все равно целиком груз не упрям, а бур с алмазными зубчиками наковыряет проб как следует.

Все технические дела закончены, остались политические. Да, тяжело пришлось лунному модулю корабля 'Аполло-13', много флажштоков вез. Первым в грунт воткнули звездато-полосатый флаг, гордо смотрящийся на фоне черного лунного неба. Хм, наш флаг мы тут раньше воткнули, всего пару километров пройти, пусть порадуются. А дальше было то, что никто не мог представить еще совсем недавно. Американец помогал советскому космонавту ставить Красный флаг Союза. Потом они, отдав честь атому с золотым и звездно-полосатому полотнищам, слушали гимны... И два флага стояли рядом, ну а третий флажшток был самый высокий, с трудом собрали и развернули космонавты еще одно знамя — официальный флаг Организации Объединенных Наций.

Честно? Не нравится он мне, для знамени Человечества надо придумать что-то покрасивей. Что-то вспомнился мне герб Союза ССР... :)

Ну а дальше ребята просто вкалывали. Времени мало совсем, система жизнеобеспечения 'Наутилуса' была рассчитана всего на пару суток, а сделать надо было многое. Повинуясь сигналам приводных маяков, посадил киберпилот грузовой корабль, красиво смотрелось.

И начали космонавты резать находку на кусочки, паковать в гермопакеты и таскать. Не на руках — на тачке. Да-да, настоящей тачке с ручками и колесикам! Точнее — специальной космической супер-тачке. Американский луномобиль будет готов лишь через годик, а тачка была готова по плану уже к этому полету. Вот и пригодилась.

Научный отдел советовал — какие, по его мнению, самые важные детали забирать в первую очередь. Распотрошили остатки бедного сундука, остались лишь ненужные куски. Впрочем, их тоже на всякий случай просверлили буром, взяв пробы. Ох и тесно будет парням домой лететь, груз не тяжелый но объемистый...

В конце концов, перед стартом освободили от ненужного груза корабль. Встрянув грунт упали ранцы скафандров. И плюхнулся на Луну мешок с памперсами. Угу, именно. В маленькую лунную кабину туалет нормальный космический не влезал, никак. Там и так свободного объема меньше чем в будке телефона-автомата. Так что, в местах высадки астронавтов рядом с гордым флагом и посадочной ступенью навеки остаются мешки с, политкорректно говоря, естественными выделениями. Как ругался, вернувшись домой, Алексей! У нас проще, но и тоже грязно — улетаая бросаем бытовой отсек. С нормальным космическим сортиром. Вообще, насрали мы уже на Луне хорошенько.

И всего через неделю целый флот встречал героев, не протолкнутся было в районе архипелага Туамоту. В кильватере тяжелого авианосца 'Иво Дзима' шел наш ракетный крейсер 'Адмирал Бутаков', раскручивал винты на кормовой летной палубе новенький 'Камов'. Эх, жаль, нет сейчас у нас авианесущих крейсеров, в проекте только. Совсем не солидно смотримся в мировом океане. Но глобальные интересы сместились, в Пространство. А вот там у нас, ура, все хорошо. Тонкими иглами метеоров пронзили атмосферу, погасив громадную кинетическую энергию корабли, раскрыли купола парашютов. Такие крохотные на фоне морских гигантов, но выстроившиеся на палубе авианосца моряки кидали в зенит головные уборы, встречая пятерку тяжело и устало ступающих по палубе космонавтов. И, наверно впервые, на короткой мачте авианосца, в окружении радаров и антенн — развевался совсем непривычный флаг, без звезд и

полос.

Привезенные обломки, остатки Находки, сразу попали в руки ученых. Все работы и исследования велись под наблюдением специальной международной комиссии, созданной Совбезом ООН. А то вдруг найдет кто суперпушку и припрячет себе? Впрочем, оказавшись перед лицом возможной внешней угрозы, человечество призадумалось. Если так можно сказать конечно о миллиардах различных людей — разных народов, культур и идеологий. После долгих и непростых переговоров был создан UNSC, стратегическое командование объединенных наций. Со скрипом генералы отдали под его опеку значительный кусок своего пирога. Большая часть стратегических ракет всех ядерных держав получила международный контроль. Тяжелые жидкостные ракеты типа американского 'Титана-2' и наших Р-36 поменяли ориентацию, нацелившись в космос. Так, на всякий случай — вдруг кто прилетит полакомится, мы ему десятимегагонных пилюлей подсыплем.

Конечно, все понимали — детские игрушки это, по сравнению с вероятными возможностями чужой цивилизации. Межзвездный полет требует практически невозможный уровень техники. Почему? Потому что есть законы природы... Так любимые фантастами звездолеты, летающие с почти световой скоростью, требуют антивещество в немерянных количествах. Ну, добыли например горючку, стали разгоняться — а тут кирдык сразу кораблю. При скорости всего в две трети световой поток встречных частиц создаст на корпус корабля такую нагрузку, которую испытывает спускач при входе в атмосферу. Межзвездное пространство не совсем пустое, на кубометр атом найти можно, и на такой скорости он станет смертельно опасен. А ведь тепловой экран космического корабля работает лишь несколько минут, звездолет же должен лететь годы. Значит есть, должен быть другой путь. И множество ученых во всем мире стали придумывать и проверять самые безумные идеи...

Ну и мы продолжали свою работу, делать корабли. Давным-давно была у Сергей Павловича мечта. И вот теперь-то средства на нее выделены официально, попал аж в Госплан. На совещании конструкторов был одобрен наш старый, семилетней давности эскизный проект — заброшенный с началом лунной гонки. Хотя работы велись под контролем нашего Главного непрерывно, просто не совсем официально. Ну к этому нам не привыкать - 'Семерку' делали совсем не для спутника, для водородной бомбы. Знаменитый 'Восток' проектировали под видом фоторазведчика, вояки только так согласились раскошелиться.

Так что, приехавший поинтересоваться ходом работ товарищ Устинов был приятно удивлен. Уже несколько лет работал макет корабля, добровольцы жили в нем проверяя все системы, особенно жизнеобеспечения. Начиная проект десять лет назад мы рассчитывали только лишь на замкнутую биологическую систему. Очень сложная и капризная, казалась единственным средством для длительных полетов. Один человек в день потребляет целый килограмм кислорода, еще больше выдыхает углекислого газа. Естественно хочет кушать и какать, пить и писать... Долго мы ломали головы, пытались утрамбовать в корабль систему оранжерей, баков с водорослями, зеркал солнечных концентраторов. Ух, сколько вариантов было начерчено и просчитано. К счастью, нашелся еще один путь, химический. Умники придумали, как из це-о-два, углекислого газа, получать обратно живительный кислород, ура! Правда маленькие солнечные концентраторы в новом проекте остались, греть парочку химических реакторов. И освещать маленькую оранжерею, просто для души. По себе знаю, как радуется частица жизни там, в черной безмолвной пустоте. Даже на Луну ребята возят крохотные горшочки с цветами...

И вот, через четыре года после лунных походов, радостно шагал по коридору, напевая песенки. Завернув за угол, чуть не столкнулся с задумчивым шефом.

— Здравствуй Владимир, — усмехнулся Королев, — чему радуешься?

Вот так неожиданность, никак не ожидал сегодня встретить главного. Обычно его сейчас редко из Москвы отпускают.

— Добрый день, Сергей Павлович. Медкомиссию прошел, подтвердили годность! — поделился я радостной новостью. Босс нахмурился, потом призадумался.

— Понимаешь, Володя... — начал он. Что-то не так, не нравится мне это.

— Вы с Юрой конкурс не пройдете. Я запрещаю! — рубанул, убив разом все мечты.

Не любит Палыч ходить вокруг да около, резанул сразу, — обреченно подумал я. Не видать мне Марса, увы... Хотя и так шанс попасть в экипаж был мал, желающих множество. Никто не боится полтора года просидеть в тесной бочке, постоянно рискуя головой. Такие не идут в космонавты. А так же в астронавты и тайконавты. Угу, и такие уже появились. Французы летают пока на наших кораблях, построили неплохой грузовичок под легкую "Ариану" — удобно мелкие грузы доставлять на орбиту и домой. И скоро залетают сами, на космодроме Куру в южной Америке достраивают стартовые столы под 'Союз'. Американцы катают англичан, мы народ СоцБлока. Китайцы же прикольнолись — стырили техдокументацию на старенький американский двухместный 'Джемини', построили. И воткнули на свою военную ракету. Пару раз уже болтались в небе, правда в гости к нам не залетают. Ходят слухи, что они собрались потом на этом тесном, крохотном кораблике аж на Луну. Ну и флаг им в руки. А вот американцы анонсировали на следующий год первый межпланетный вояж, собрались облететь Венеру. Исправно капают финансы НАСА, впрочем как и нашему Главкосмосу.

— Не расстраивайся, Володь. Готовься — скоро на орбиту пойдешь, — решил подбодрить шеф, — будете объект собирать. Ура, точно лечу! Не далеко — зато надолго. Полгода минимум будем монтировать и тестировать блоки корабля. А раз СП пообещал — точно так и будет.

— Да, с удовольствием. Жаль конечно, что к Марсу полетят другие... Королев побагровел и, как это у него бывает, мгновенно взорвался.

— А мне, думаешь не жаль?! Знаешь как я сам хочу туда! Но все понимаю, поздно. А теперь других посылаю, на риск вместо себя! Если что случится, то!

Так же мгновенно успокоившись, тихо закончил.

— Боюсь я просто. Боюсь за ребят, но и боюсь не успеть. Пусть на экране, но увидеть, узнать...

Постоял немного, помолчал. Я прекрасно помнил многочисленные совещания, споры. Коллективное наше письмо, подписанное всеми космонавтами — даже не летавшими. Времени мало, небесная механика неумолима — следующее стартовое окно будет только в семьдесят восьмом. И на возвратной траектории, при максимальном приближении к Солнцу экипаж попадет под приговор, будет пик одиннадцатилетней активности, радиация... На восемьдесят первый отложить полет можно — но лететь уже будем вместе с американцами. Так что вращение планет неумолимо отсчитывает секунды до старта первой межпланетной.

И пошли мы по длинному-длинному коридору, обсуждая грядущие задачи и планы. Несмотря на то, что прошлогоднее окно было очень неудобным по топливу, мы отправили к цели целый флот роботов. Очень много начальников потеряло места после конфуза семьдесят первого. Тогда было великое противостояние, планеты сблизилась на минимальное расстояние — такое

случается раз в 28???уточнить лет, зонды можно было делать почти в полтора раза тяжелее... И? Радостно сделали — два тяжелых орбитальных картографа с последней песней фоторазведки, километрами пленки и отличными сканерами. Два марсохода, не хуже лунных собратьев. Угу, размечтались. Особо одаренные товарищи в электронной промышленности никого не спросив и не уведомив изменили технологию производства парочки микросхем. В целях удешевления. Премии даже получить успели, рационализаторы мля! И из-за сотни деталюшек ценой в рубль каждая случился роботомор. Только один марсоход успел сесть и проработать с недельку до безвременной кончины. Да еще фотокартограф при отказавшей системе управления тормозным движком сделал на пролете красивые цветные панорамы окутанной песчаной бурей планеты. Все, миллионы рублей улетели 'на ветер'. Даже один из новеньких модулей станции пришлось спешно топить. У нас слишком мягкое законодательство, виновники получили только сроки, многие условно... Зато теперь каждую деталюшку долго вылизывают и тестируют — прежде чем она получит штамп 'годен для ЗЗК'. Ну а сам объект, в двух летных экземплярах на всякий случай, собирают сотни инженеров в белоснежных сверхчистых цехах. И каждый понимает — ошибка может стоить жизни товарищам там — в десятках и сотнях миллионов километров от дома.

Моя жизнь всего через недельку после разговора стала наполовину подводной — в огромном бассейне гидротренажера приступили к отработке, доводя до автоматизма все будущие действия на орбите. В свободное время мы с ребятами часто смотрели телек, теперь уже цветной. Особенно дожидались программы 'Клуб путешественников'. Во первых, потому что ее ведущий, Юрий Сенкевич, когда-то вместе с нами проходил подготовку как врач-космонавт. А во вторых, потому что последние месяцы он вел ее с Луны!

Полтора года назад началась сборка лунного поезда, он же объект 'Ермак'. Три блока были доставлены в заданный район тяжелыми 'Атлантами', прибывшие космонавты соединили и проверили машину. Обрато на Землю пилот корабля улетел один, бросив товарищей в мертвом мире.

Но теперь этот маленький каменный шарик обрел беспокойных крохотных букашек — ползающих и ковыряющихся где попало. В головном вагоне был просторный жилой отсек, шлюзовая со скафандрами, кабина управления — вполне комфортно для двоих 'лунопроходцев'. Следом шел вагон с научным оборудованием, антеннами, буровой установкой и контейнерами расходников. Прицепом шла энергостанция — компактный реактор. Во время долгого лунного дня он глушился — незачем лишний раз облучатся, да и солнышко дает достаточно энергии для движения. Ну а каждый лунный вечер, найдя и спрятав за подходящим укрытием печку, отъезжали подальше ребята. Готовясь впасть в двухнедельную спячку. Этот эффект заметили еще давно полярники — организм перестраивается, полярным днем человек может почти не спать. Зато долгой зимней ночью дрыхнуть сутки напролет. Живучая зверушка человек, везде приспособится...

Так что теперь по полгода, вахтовым методом, жили и работали там космонавты. Колеся серую пустыню и разыскивая всякие вкусности. Нашли еще парочку непонятных оплавленных ошметков, похоже на куски баков. И целое гейзерное поле, правда потухшее почти. Но в этом, очень красиво раскрашенном разными минералами месте, до сих пор сочился в вакуум водяной пар! Это известие очень взбудоражило всех, Луна оказалась еще не совсем мертвой. Ну а вода — это не только питье, это еще и топливо. Однако, шутка насчет заправок может оказаться реальностью.

Рядом с обнаруженным нами полем посадят свою жилую бочку американцы, будут ковыряться. У них в планах втыкание нескольких временных баз в разных интересных местах. Посидят на одном месте полгодика, облазят все вокруг. Израсходуют ресурсы — следующая бочка

наготове. Ну а мы свою за собой таскаем, так дешевле и удобней.

' - Не кочегары мы, не плотники...!', — повел зажатым в перчатке джойстиком, поймал цель.

' - Но сожалений горьких нет...!', — какие уж тут сожаления. Стабилизировался, чуть тронул другой рукой РУД. Мягко и бесшумно газовые струи подтолкнули в спину, полметра в секунду скорость. Относительная конечно — на самом деле несусь я над планетой со скоростью в восемь километров. Земля ползет вокруг Солнца, еще тридцать километров в секунду. А система целиком жмет вокруг Галактики почти триста км-с. Относительно других галактик, удаленных на миллионы световых лет, пока непонятно, некоторые в нарушение теории дедушки-Эйнштейна перегоняют свет.

' - А мы монтажники-высотники...!' - потянулся следом, разматываясь с катушки, прочный фал. Прикрыл рукой светофильтр шлема, через секунду брызнуло в лицо лучиками солнышко.

' - И с высоты вам шлём привет...!' - проплывала внизу, в четырехстах километрах, Африка, блеснул ледник на вулкане Килиманджаро. Красота! Но надо поторапливаться, через пятнадцать минут наступит ночь. Короткая конечно, но работать неудобно будет.

' - Трепал нам кудри ветер высоты, И целовали облака — слегка...!' - да, не смотря на высоту ветер тут есть, остатки атмосферы притормаживают потихоньку скорость.

' - На высоту такую, милая, ты уж не посмотришь свысока...

Не откажите мне в любезности, пройись со мной слегка — туда-сюда,

А то погибнут в неизвестности, да, моя любовь и красота.

Ты, прекрати мои страдания, минуты жизни в пустоте — не те!

И наше первое свидание, да, пускай пройдет на высоте...!' - допева песню пролетел полторы сотни метров, привычно подергав джойстики, тормознул у цели. Толстая сосиска, тяжеленный блок разгонника, висел в захвате сразу двух манипуляторов. Стыковать обычным способом такую бандуру рискованно — так что мы ее сейчас зацепим таями и мягко подтянем. Защелкнул в четырех местах карабины, подергал — порядок. Не совершая героических прыжков просто включил опять свой ранец. Перекись попала на катализатор, разъяренная пошла наружу — в вакуум. Эх, сколько же ее в той бочке, тонн шестьдесят примерно. Обратно лететь несколько минут, расслабившись, любовался видами.

Ну а посмотреть было на что — над головой замысловато переплеталась конструкция орбитальной станции, закрывая полнеба. По направлению движения торцом вперед шел самый толстый бочонок, американский 'Скайлэб'. Ну и парусность у него, мешается сильно. Потом шел новенький центральный модуль, восьмидесятитонная связующая бандура. К ней с разных сторон цеплялись средние и мелкие бочонки с разнообразной начинкой, раскинулись антенны, паруса радиаторов и батарей. Торчали решетчатые фермы, начиная с первых экспериментальных и заканчивая новенькими силовыми. В разных концах станции были пристыкованы корабли — два наших 'Союза' и один грузовик, маленький французик. Коротенький бочонок нового 'Аполло-Т' пристроился у американского сегмента. Не так давно, почесав репу, товарищи в НАСА решили — зачем таскать на орбиту почти пустые баки обычного лунного корабля? Укоротили бочку в три раза, оставив топливо для орбитальных

маневров. Выкинули СЖО из спускача, так же как и мы воткнули четвертое кресло. И стали возить в переходнике последней ступени бытовой отсек. Получившаяся помесь пошла в серию и летает регулярно, уже соперничая с 'Союзом' по числу перевезенных пассажиров. Так что сейчас на орбите сидело трое американцев и один англичанин, сердито поглядывающие на кубинца и вьетнамца. Хороший товарищ Фам Туан, несколько Б-52 успел завалить до конца заварушки. Ну и француз — одна штука, остальные все наши. Причем халявы не было — за красивые глаза никого не катали. На Кубе станция космической связи и база флота, у вьетнамцев тоже плюс нефть. Франция сама рвалась в космос, почти достроили космодром. Вот такой вот 'Вавилон — орбитальный' плавно летел над миром, заходя на ночную сторону. Загорелись лампочки на краях солнечных батарей, включились прожектора. А в 'хвосте' станции, на конце длинной и увешанной радиаторами фермы, за набалдашником укутанного защитой реактора стало видно колючее сияние выхлопа. Третий месяц без усталости и, пока, поломок — трудился, упорно разгоняя плазму экспериментальный двигатель.

Заодно тестовый магнитоплазменный движок поддерживал нужную высоту орбиты, сопротивляясь атмосферному трению. И нашу надежду — на новые корабли и дальние полеты. Ну а пока летаем по старинке, на химических движках. Зацепился захватами ботинок за ферму, оглянулся. Выхваченная из мрака лучами прожекторов медленно подтягивалась бочка пентаборанового разгонника. Четвертая, последняя...

Прошло полгода тренировок, и в феврале нового, тысяча девятьсот семьдесят пятого года поднялся я вновь в небо. И закипела работа — стартовое окно открывается в конце июля, опоздать нельзя. К нам пошел поток груза — первый 'Атлант' забросил пару десятков тонн монтажного оборудования, фермы-стапеля. Ну а дальше с волнением встречали старты пяти тяжеловесов, к счастью носители не подвели. Даже с орбиты было видно подъем 'большой птицы', красиво. И принимали мы с ребятами подтянутые поближе к станции блоки корабля, стыковали. Ради такого дела Юра там, внизу, послал всю наваленную на него работу. Как он говорил — 'моя должность штанопросиживатель'. Родное правительство и лично бровеносный Ильич затолкали его для солидности в ооновский штаб, представителем. Но, узнав о том, что лечу я, командир, всеми правдами и неправдами, добился своего. Так что билет он вытянул как официальный представитель ООН.

Вот и сейчас он тут представлял вовсю, что не мешало ему хулиганить.

— Вира! Вира помалу! — неугомонно крутилась вокруг бочки фигурка в ранце 'космического мотоцикла'. Придавит его разгонником, тишина сразу настанет...

— Юрка! Глянь-ка, бибизьян ты космический, скока у тебя горючки осталось? — по общей связи спросил Женька. Сидя в командном, присматривал за нами и управлял лебедками и манипуляторами.

— А? Ой! — спешно тормознул и зацепился за фал. Блин, он точно долетается. Ловили бы его сейчас, в ночном мраке.

Но краешек горизонта уже начал сперва робко, а потом быстрее наливать сочным оранжевым светом. Все, замолчав, повернулись — сколько раз видели, а налюбоваться не можем. Где-то внизу горят светлячки спящих городов, соединенные паутинками дорог, лунный свет отражался в реках и озерах. А на востоке все ширится зарево рассветной атмосферы, розовели барашки облачков. Терминатор это не дебильный робот, а линия смены дня и ночи. И мы уже к ней подлетели — загорелось за краешком Земли яростное сияние светила, под нами проплыли в предрассветной дреме японские острова. Все, день начался, пусть и коротенький орбитальный.

— Айда ребята, — поторопил нас командир станции, Евгений Хрунов, — доделаем дело...

Захлопнув светофильтры шлемов вернулись к работе, готовясь цеплять массивный блок к уже закрепленным трем другим 'сосискам'. Все, корабль почти готов, последний кусочек прикрепляем. Тщательно проверили, по нескольку раз дублируя, все механические соединения. Воткнули, прикрутили и прозвонили кабель-сопряжения. Тяжелая эта работа, тащить бегемота из болота. В смысле, собирать на орбите, в скафандрах работать очень трудно. Руки неуклюжие, такое ощущение что к ним гири привязаны. Много раз теряли всякие запчасти и инструменты, гоняясь за ними потом с ранцевыми 'мотоциклами'. Но вот, наконец, все сделано, ура! Как раз в шесть часов уложились, не придется еще раз выходить в бездну. Заторопились домой, где нас ждал ужин, отдых и зрелище.

Еще какое — старт с орбиты первого в истории межпланетного корабля. Но не нашего, мы его еще месяц проверять будем, да и окно к Марсу пока закрыто. А вот к Венере открылось... И в него сразу же ломанулись, как говорит наш СП, американцы.

Творчески осмыслив наши первые броски к Луне с 'грунтотырилками', отнявшие у них кучу престижа, решили воспользоваться опытом. Да и схемой полета. Полдня назад форсированный 'Сатурн-5J' утащил на орбиту здоровенную бочку третьей ступени. Вот только вместо 'Аполлона' и лунного модуля ее грузом был жилой отсек и пучок зондов. Ну а пока мы работали, стартовал экипаж корабля 'Колумбия'. И еще один кораблик — с острова Хайнань. Крохотная двухместная китайская копия 'Джемини' подрулила к бочке ступени и начала телетрансляцию. Китайцы о таком приколе объявили неожиданно для всего мира, гордо заявив что хотели сделать как лучше. Ага, наверняка просто боялись возможного облома с ракетой, по слухам у них уже пару раз катастрофы были. Что ж, как говорили в старину - 'Люди делятся на живых, мертвых — и тех кто в море'. Для нас эта поговорка подходит еще больше... Есть что-то такое в человеке, что заставляет идти вперед, искать 'край света'. И сейчас трое хороших парней готовились забраться в тесную железную кастрюлю на четыреста дней — только ради того, чтобы глянуть на чужой мир. Одним глазком, 'Колумбия' просто промчится мимо туманной 'сестры' Земли и пойдет домой. Больше года в полете, ради нескольких часов у цели. Вот так. Но зато они будут там первыми...

Мы жадно поглощали пищу, калорий за день сожгли уйму, не отрываясь от экрана. Какая-то американская фирма RCA, не слышал даже про такую, в рекламных целях изготовила для международной станции здоровенный, но особо легкий телевизор. Почесав голову, согласились мы его забрать, но никак он не хотел пролазить в люки. Так что пришлось ему ждать старта подходящего модуля, которым оказался тестовый прототип жилого отсека 'Аэлиты'. Шуточка китайцев обеспечила отличную картинку — но дюжине человек в рассчитанном на троих отсеке было тесновато. Справедливо пропустили к экрану американцев, пусть болеют за своих а нам и издали видно. Огромная бочка водородной ступени, свернутые до времени панели батарей, укутанный изоляцией отсек занимали весь экран. Китайцы, пользуясь моментом, шпиёнили во всю. Наверно и в движок хотели заглянуть, но облом с освещением, в тени он. Белоснежная поверхность была местами заляпана полосатыми флагами и надписями 'юса' и 'наса'. Ну это фигня, мы ради прикола на всю двадцатиметровую блямбу теплозащитного экрана красную звезду намалевали...

А вот и надпись поинтересней - 'UN SC — 001'. На нашей птичке такая же есть, типа межпланетный корабль объединенных наций, только номер два. Вот показался 'Аполло', узкоглазые шустро упорхнули подальше. Ага, а кораблик то хорошо модернизированный. Наконец-то вняли амеры голосу разума, убрали из попы огромную дюзу движка. Взамен, как и мы, запрятали пару, основной и запасной, под защиту корпуса. Сходу состыковались, время это

для них сейчас не деньги, а водород. Который долго в баке не удержишь, кипит зараза. Кстати после старта ступень бросать не будут, сдуют остатки топлива, наполнят воздухом и будут там год в бейсбол играть. Кроме шуток, у нас в американском секторе висит бочка 'Скайлэб', в девичестве тоже была ступенью. Так там места валом, мы с парнями реальный спортзал устроили... По слухам из следующей бочки хотят сделать первый в истории гараж — запихивать спутники, заполнять воздухом и чинить. Обидно, когда агрегат ценой в кучу миллионов приходится списывать. Но это будет отдельно летающая станция — кто ж свои спутники-шпиены на показ потенциальному противнику потащит! Вояки там, внизу, все никак не наиграются. Ничего, пройдет время и в конгресс мнооого наших братьев-летунов изберется, я думаю намного проще жить станет... Любой человек, побывавший в космосе, очень сильно меняется — навсегда, и только в лучшую сторону!

Астронавты быстренько, всего за часик, проверили все системы и снялись с орбиты. Сперва на корабле попыхали маленькими факелами движки ориентации, потом в корме ступени зажглась пара твердотопливников, горючку на место усадить. А то в невесомости она летает по бакам и совсем не хочет в печку движка лезть. И, практически не заметно для глаза включился маршевый. Водородное пламя прозрачно-голубое, днем вообще почти не видно. К тому же в пустоте нет привычного огненного пучка, раскаленные газы сразу разлетаются во все стороны. Но огромный, массой почти в полторы сотни тонн, корабль шустро начал ускоряться и вскоре, под торжественные вопли в эфире, превратился маленькую звездочку. Все, уехали!

Еще несколько часов после старта астронавты тщательно проверяли все системы, запускали систему жизнеобеспечения и тестировали, вплоть до работы туалетов. Все было хорошо и "Колумбия", преодолев точку невозвращения, пошла в долгий-долгий путь. Если бы потребовалось, то до этого момента они могли вернуться домой — бросив бочку и спалив горючку затормозить. Теперь все, только через четыреста двадцать один день будем ждать возвращение Первой Межпланетной. Вообще-то амеры этот первый рейд, в азарте гонки, планировали еще два года назад запустить. Но разум взял верх над маразмом, решили таки пару лет по орбите полетать, в нашей теплой компании. И не зря — такая куча косяков пошла... Достаточно например сказать, что всего через неделю ихние сортиры после каждого использования "по-большому" начинали тааак фонить... Любая хреновина может в лабораториях нормально фурычить — там, на Земле. Но, как поет великий бард — "...тут вам не равнина, тут климат иной". За прошедшие годы мы столько шишек набили, пока немножко не научились жить в безжалостном пространстве. И то, почти четверть рабочего времени вечно уходит на починку всевозможных неисправностей и глюков

Ну а через день вдогонку ушел к Венере еще один груз. Для сборки нашей марсианской ласточки Госплан выдал нам аж семь тяжелых 'Атлантов'. К счастью пять стартов обошлись без катастроф, два резервных носителя осталось. Один отобрали вояки, зато второй достался ИКИ. Институт космических исследований радостно прикрутил к нему вагон зондов — реально тридцать тонн, с самой разнообразной начинкой. И по пути они обгонят американцев на часик-другой, не ради престижа. Просто через ретрансляторы межпланетного корабля успеют передать намного больше данных, чем с уже доживающих на орбите третий гарантийный срок стареньких "Венер".

Ну а мы пока продолжили свою работу. Я тщательно проверял бортовые компьютеры, работу всех программ на каждом. Пальцы устали вводить команды. Конечно, до меня это уже делали на Земле, но привыкли мы все резервировать. Закончив работы в жилом отсеке корабля переместился в десантник. Большая бандура, но сама кабина маленькая, однако. Переоборудованный бытовой отсек от лунных кораблей, с учетом всех замечаний. Постоял на командном посту, подержался за джойстики, поглядел в окошко. За рисками визиров невнятно темнела внутренняя сторона миски тормозного теплозащитного экрана. Эх, жаль не я увижу —

как он отстрелится, открыв вид на поверхность чужого мира. Но не будем завидовать, в учебники уже попал. В это время наши инженеры проверяли систему жизнеобеспечения, оживили оранжерею. К большой радости всех космонавтов одним из самых неприхотливых и привыкающих к невесомости растений оказалась клубника. Причем лесная, мелкая но обалденно вкусная. Еще сажали всякий лук-чеснок, тоже для витаминов и хорошего настроения. Потому что жрать одни сублиматы надоедает, естественно. Хотя их тоже научились делать довольно вкусными. Берешь пакетик с чем-то непонятно-скукоженным, цепляешь на дозатор, плюхаешь кипятком, ждешь. Минут через десять получается вполне съедобный кусок индюшатины, например. Космонавты и астронавты давно стали меняться едой, наплевав на начальство. Начальники утерлись и сделали вид что так и надо, наши вечерние посиделки за ужином часто давали в эфир. Во первых соревновались кто веселей пошутит над едой, очень смешные картины иногда были... //добавить... Ну а во вторых спорили что вкусней, изобретали разные новые блюда, путем смешивания имеющихся в наличии. Ребята полюбили кетчуп, американцы тащились от борща и, особенно, от хлеба. Расфасованный крохотными, на один укус, буханочками он буквально таял во рту. Болтали на разные темы, в основном далекие от политики. Но не всегда...

//Вставить разговоры и переход.../

Ненависть товарища Туана была вполне объяснима. Еще несколько лет назад он ежедневно спал под крылом верного Мига, готовый по первому зову сирены прыгнуть в кабину. И, со сверхзвуковой скоростью уйти навстречу смерти — расклад "их восемь, нас двое" не играет даже в песне...

Ну а когда армада Б-52 летит привычно, неся по сорок тонн напалма каждая, стирать с лица Земли очередной спокойно спящий город... Официально наши "советники" там не воевали, но... Усидеть в блиндаже, когда речь идет о жизнях тысяч мирных людей — такие не идут в космонавты. Ну а в летчики-истребители точно! Неся страшные потери ловили на выражах наши старенькие, дозвуковые еще семнадцатые "Миги" навороченные сверхзвуковые "Фантомы", сыпались на джунгли и падали в море обломки, многолетняя бойня была злая. И много страшных бумажек получали родные по всему Союзу...

"Система 75" прошла боевое крещение — выявившее кучу недостатков, но конкуренты умылись кровавми слезами от такого знакомства. Товарищ Сергей Лаврентьевич, да-да, сын Того Самого, пообещал сделать ракеты ПВО еще лучше.

А потом мы послали туда новенькие "Миги". Под номером "23", хотя никакого крыла изменяемой стреловидности они не имели. Но зато напололам цифро-аналоговый БЦВК, две турбины, два киля — и передние рули, управляемые автоматически. Пара 37мм пушек с подрываемыми по командам компа зарядами, шесть ракет на внешней подвеске... И огромные "Стратофортрессы" сотнями посыпались с небес на многострадальную землю Вьетнама. Ну а другие самолеты, мелочь боевого охранения, вообще перестали считать.

Как в той песне — "...мой Фантом взорвался в небе, небе голубом и чистом — никогда мне больше не летать...". Американцы обозвали эти маленькие, но очень шустрые машинки "Viper-ами", типа гадюки. И было за что.

После торжественного потопления пары ударных авианосцев ударными эскадрильями — ушли они из Вьетнама, товарищ Хо Ши Мин праздновал победу в семьдесят втором году

И вот сейчас в кают-компании международной орбитальной станции сидели и смотрели

пристально друг на друга два человека. Первым нарушил тишину Билл, с американской простотой спросив напрямик — "Хей, парень. Без обид — но это на твоём файтере эмблема в виде трех стрел была?". Туан, не меняя выражения по-аосточно невозмутимого лица подтвердил, добавив — "И много маленьких звездочек. Мой "Миг" стоит теперь в музее..."

Вильсон с задумчивым видом захрустел печенькой, с грустью поведал — "На дне Тонкинского залива надо искать хлам, оставшийся от моего F4F. Я видел тебя — но не попал. а потом твой брат-гук сел на хвост. Удар, взрыв, катапульта — и очухался только в огромной ванне Тихого океана. А рядом, завывая сиренами, тонул "Миссури"...". Дальше Билл удивил и напугал всех — спокойно взял прилепленный магнитным полем к столу нож, распорол ткань летного костюма на груди, возле сердца. Достал из потайного, зашитого кармана пару маленьких, заполненных темно-янтарной влагой пакетиков. И сказал мудрый тост. "Комрад, мне никогда не нравилась война. Тем более та, где мы были по разные стороны кокпита. Ты защищал людей — а я толстые туши бомберов. И, мне было очень стыдно и противно это делать... Прости, но как солдат ты понимаешь — приказ есть приказ... Ну а этот виски сделал мой отец, задолго до утверждения состава экипажа. Сказал — надо, потом поймешь. Теперь, глядя на тебя, на Землю в иллюминаторе понял. Не чокаясь..."

Проплывший над столом пакетик был пойман подполковником Фам Туаном, в абсолютной тишине были распакованы наши заначки, подняты и опустошены крохотные тары, приспособленные для невесомости. Тишину нарушил сидевший у иллюминатора Юра, буркнув тихо свою знаменитую, давно вошедшую в учебники фразу...

Красота, какая красота! Огромный, прекрасный купол нашего Дома, плавно прокручивающийся под ногами. Отсеки, торчащие в стороны панели батарей, решетчатые фермы... Стапель первого в истории небесного космодрома. Мы стояли на платформе центрального модуля, зацепившись захватами ботинков, для всей дружной толпы места не хватило. Вот, в полусотне метров высунулся из научного модуля 'Скайлэба', снимая все Энтони. А тут, рядом с нами, управляя телекамерой в цепких механических пальцах, развлекалась Пономарева. Сидела хитрая космоамазонка внутри станции, в тепле и воздухе, дрыгала джойстиком — подчиняя своим желанием двадцатиметровую руку манипулятора. Да еще и гоняя крепезную тележку туда-сюда вдоль по центральной ферме. Думаю, телезрители там, на хрупкой шкурке планеты будут довольны.

И девчата всей страны тоже. После неудачи с Терешковой женщин в космос долго не пускали. Только сейчас, когда все вопросы космического быта отлажены, поднялась на орбиту вторая красавица. Первый девичий набор почти потерял надежду полететь, но теперь они рады сильно, что их так хорошо мучили-учили. Так что в небо Валентина поднялась командиром 'Союза', доставившего экипаж 'Аэлиты'. Впрочем в открытый космос ее так и не выпустили пока, сильно обижалась. Отмазались тем, что по правилам на станции должен оставаться минимум один человек.

Ну а мы, тесной группкой стояли и смотрели. Пусть у нас тоже важная задача, ага — поддержать немного палку. Ну, и может, даже помахать. Вот только к палкам крепились полотнища — три, абсолютно разных. Звездно-полосатая фигня, ну не нравицца мне этот флаг. Напоминает таблицу рекордов в любой игре, с подсчетом очков. Но Билл держал его с гордым видом, как будто сам руку приложил к проекту.

Хотя, вклад американцев в нашей птичке тоже есть, и весьма полезный. Мы старались предотвратить в теории любую неприятность. Например — подлетает корабль к цели, а у него

не работает ракетный блок. Ну, затормозить он сможет, об атмосферу. А домой как? Только один выход — отстрел блока, облет Марса с гравитационным маневром и домой. Но вот полет тогда продлится не расчетные полтора года, а все три. И что будут кушать космонавты — взятую с запасом еду? Ага, там и так внутри от пищевых контейнеров тесно. А будут грызть они корабль, потому что он хороший! Вместо пластика и металла интерьер жилого отсека выполнен из очень странного материала. Сотрудники фирмы 'Грумман' прикольнулись как следует — хитрая смесь из кукурузной муки, сухого молока, банановых хлопьев и еще всяких съедобных компонентов с добавлением витаминов прессуется при нагреве. И покрывается тонким слоем фольги или пластика. Внутри все, вплоть до пультов управления из такого 'пеммикана' сделано. Ну и поделились с нами технологией, а мы им по бартеру для 'Колумбии' наш космосорт отдали. Рады были они сильно, ибо весит он в пять раз меньше ихнего и во столько же надежнее.

Дальше наша красная приманка для любых быков. Да, много таких было, и все свое получили — значит действует. Ее гордо держал Женя Хрунов. И бело-синий флаг Организации Объединенных Наций, которым размахивал, что-то вопя неразборчиво, Юрка.

Всего в космосе сейчас, если посчитать, находилась целая толпа. Трое американцев на полпути к Венере, еще трое на станции, плюс англичанин. Француз, кубинец, вьетнамец. И нас шестеро, троих героев провожаем...

Тут еще пара китайцев объявилась. Как карлсоны опять приперлись, без спроса и предупреждения. Типа пуск красиво снять со стороны. Ага, дальше наверняка в гости попросятся, по принципу 'дайте водички попить, а то так есть хоца, шо переночевать негде!'. Вон, болтаются в сотне метров над головой, боятся ближе подлетать. Мы их честно предупредили — если будете мешать то собьем к демонам, пентаборановые ракеты ПКО в полной боеготовности. У нас с ними отношения фиговые, одно время хмырь Мао повадился провокации на дальнем востоке устраивать. Получил по рогам, обижался до самой смерти. Буквально, сейчас у них уже новый генсек, кажется пытается помирится. Вообще, на самой Земле жизнь как-то поспокойней стала. Находка помогла, естественно. Стихли многие вялотекущие войнушки, лишь кое где всякие неграмотные папуасы продолжают рубиться. Ну а "цивилизованное" человечество, получив хорошее пугало, стало усиленно готовится к другому рубилову. Так, на всякий случай. Да и практика показала — Соединенные Штаты и Советский Союз умеют дружить только против кого-то... Итого в пространстве сейчас двадцать один человек болтается и еще пара товарищей по Луне колесят, однако!

О, пошла процедура расстыковки. Прицепившиеся к фермам-стапелям ребята контролировали процесс. Кстати, глядя на работу инженеров вспомнился смешной случай. Случившийся в штатах, когда сотрудники НАСА и фирм-подрядчиков узнали шокирующую их новость — оказывается, в Союзе летают не только асы, а и обычные инженеры и ученые. Так началась необычная забастовка, получившая название 'восстание лунатиков'. До этого во всех экспедициях экипажи набирали только из военных летчиков. Не обладая необходимыми навыкам они запарывали эксперименты, ломали приборы — с таким трудом доставленные на Луну, например. Вообще, руководству пришлось пойти на уступки, перейти к смешанной комплектации. Наши летуны из первых наборов уже давно шутили — превратились в таксистов. Летают много и часто, но ненадолго. Поднял на орбиту троих например ботаников, забрал троих астрономов и домой...

И сейчас внутри огромной конструкции корабля, в упрятанном под защитой корпуса командном отсеке, готовилась отчалить смешанная команда. Врач корабля, по совместительству биолог и психолог Борис Егоров. Вспомнилось, как почти одиннадцать лет назад, в далеком шестьдесят четвертом он шутил и балагурил сразу после такого опасного

полета в консервной банке 'Восхода'. Да, уже больше десяти лет я прожил в этом времени, таком интересном и захватывающем! Бортинженер и штурман корабля, Жора Гречко. Когда-то, тоже одиннадцать лет назад мы работали в соседних отделах конструкторского бюро. И, под руководством Сергея Павловича, чертили корабль. Любимую 'тимку', тяжелый межпланетный. Сейчас он тщательно проверял все системы реализованной мечты. И поглаживал любовно джойстики управления командир корабля. Как он сам любил шутить 'вечно второй'. Второй в космосе, вторая лунная, вторая межпланетная — если считать американцев, Гера Титов. Ну нет, теперь-то он станет первым — там, далеко, на чужой планете!

Освободившийся от захвата ферм-стапелей повис корабль в пустоте, похожий немного на странную медузу. Или гриб, купол теплозащитного экрана наводил на такие ассоциации. Огромный, развернутый как веер уже на орбите из доставленных малым 'Атлантом' деталей. Двадцать тонн металлокерамики послужат защитой дважды, и сейчас там прячется десантник, закрытый миской целиком. Зато видно жилой отсек, сверкающий бликами от зеркал солнечных концентраторов. Хиимические реакторы, изобретенные когда-то доктором Бошем, позволяющие получать живительный кислород из углекислого газа очень любят тепло. Ну а дальше тянулась связка ракетных блоков, уже готовых к включению. Здоровенную бандуру мы собрали, больше четырехсот семидесяти тонн стартовая масса, 'Союз' на старте гораздо меньше весит... Но если бы не щит тормозного экрана то пришлось бы городить двухтысячетонное чудовище — да нам голову бы оторвали, за такие затраты!

На некоторых модулях станции забились, похожие на маленькие гейзеры, струи выхлопа маневровых движков. Горючку грузовики снизу подбросят, а товарищам в долгом пути каждая капля пригодится. Да, корабль не сходил со стапеля, тот сам от него отошел. Так проще, особенно если станция лишь ненамного тяжелее. Целая килотонна железа, электроники, горючки и приборов крутится сейчас вокруг Матери—Земли. И такие хрупкие в окружающей бездне человечки, собирающиеся впервые сделать шаг, как ребенок от маминой юбки...

Приближался точно рассчитанный баллистиками момент, подошел к концу торжественный рапорт космонавтов, дочитывал напутственную речь товарищ Брежнев. Стартовое окно штука хитрая, и чем точнее в нее попасть, тем больше останется резервного топлива в центральном ракетном блоке. Он здорово отличается от трех окружающих боковушек, некоторыми деталями.

И вот, наконец, в эфире раздался глас нашего Главного, с непередаваемой радостью повторившего слова своего учителя, товарища Цандера.

' - Кораблю — старт! Вперед, на Марс!!!'

Полыхнуло яростным пламенем пентаборана из дюз. Да, это вам не водород — в вечернем небе Европы сейчас его видят невооруженным глазом. И под бессмертное 'Прощание Славянки' наша ласточка стала набирать скорость. Мы еще долго глядели вслед удаляющемуся треугольнику выхлопа, станция заходила в земную тень следом за кораблем. И миллионы людей, по всей великой стране, как и мы, провожали взглядами ослепительную искорку в ночном небе. Желая одного — удачи!

//Добавить переход, китайез, спуск и исп/

Опустевшая, похудевшая в два раза станция привычно наматывала круги по орбите. Наконец-то навернулся экспериментальный плазменный мотор, проработавший аж семь

месяцев. Почему так радостно? Так все просто — пусть он покажет все свои болячки в четырехстах сотнях километров от Земли, не в четырехстах миллионах... Заглушили реактор, подождали недельку — период полураспада самых радиоактивных вариантов смещения атомов около трех дней. Одели одежду, сходили наружу. Демонтировали, упаковали движок в надувной конус из креймоорганической резины и сбросили в пустыню Кара—Кумы. Мешок размером с рюкзак разворачивается в десятиметровый теплозащитный экран, ну а парашют совсем небольшой довесок. И разберут по винтику мотор, найдут и исправят ошибки инженеры. Через полгода поднимется сюда, как говорим "вверх", новая модель — тоже на проверку. А тут еще приперлись, как я и предсказывал, ускоглазые. Строго официально, на двух языках международного космического общения завили...

— ISS "Mir", this is Chinese spacecraft "Chenzhou-6", please... Вообще попросились они в гости. Мы не отказались, и контрафактная машинка пошла на сближение, уцепилась стыковочным узлом международного образца за один из модулей. А вот дальше была большая проблема, проистекающая из крохотных размеров кораблика — никакого переходного туннеля в него впихнуть невозможно. Сразу за стыкачем радарный, следом парашютный отсек, а сами "тайконавты" весь полет сидят неподвижно в катапультных креслах — какая и писая в памперсы. Ну, тут с момента старта несколько часов всего прошло, надеемся что дотерпели. А ведь американцы как то раз сидели в такой кастрюле две недели, испытывая возможности человеческого организма... Офигеть, садомазохисты! Вообще китайцы только через открытый космос смогут зайти в гости, мы тоже полезли наружу — встречать. М-да, фиговенькие совсем у них скафандры, еле-еле двигаются. У нас давно продуманная система из кирасы с ранцем, конечности оплетены не дающей раздуваться титановой проволокой, на суставах рук и ног специальные миниатюрные гидроусилители — хорошая броня получилась. Так что хватанули мы гостей за шкирку и быстренько затащили в шлюзовую модуль.

И тут, едва мы сняли одежду, начались восточные церемонии. Оказалось к нам на станцию приперся аж необычайный и много раз упалнамочный посол, а притащил его ас еще той, далекой войны с японцами. Потом хвастался, что летать начал совсем пацаном на советском "И-16", кстати реально герой. Завалить в сороковом году пару новейших японских "Зеро" — надо сильно постараться. Вообще попросились они погостить пока не выгоним, но не дольше десяти суток, иначе корабль не выдержит. И совершить потом посадку на территории СССР, либо в Черном, либо в Каспийском морях — для скорейшей доставки товарищу Леониду, который Брежнев, украшенный реально золотой мишурой пакет. Во приперло то руководителей КНР... Когда-то, в той истории они пошли на поклон к американцам, ну а те, в целях взращивания конкурента для Союза помогли. Потом правда долго жалели, но было поздно. Ничего — нам сотни миллионов рабочих рук тоже лишними не будут. Вообще руководящие товарищи наверху, да еще вооруженные знанием "прошлобудущего" не должны оплошать.

Так что пожили недельку в гостях товарищи из Поднебесной, наш спуск домой и так по плану был в тот же день. Полезли китайцы в свой бочонок — а люки не закрываются! Вакуумная сварка однако, даже на холодке детали прикипают друг к другу — здесь вам не тут. Пришлось товарищам выходить наружу, постучать "биг рашен хаммером". это так американцы обозвали чудо инженерной мысли — способный стучать в невесомости большой хитрый молоток. Вот, наконец-то поняли, что без такой хреновины в космосе делать нечего. До этого долго мы над ними стебались, заявляя — "этой штукой телескоп чиним!".

Ну а мы спокойно заняли ложементы проверенного, надежного "Союза". Валентина, азартно дергая джойстиком рулила кораблем, я снимал для истории разрисованный иероглифами сложно-конусообразной формы кораблик. Крохотный совсем, наши первые "Востоки" в полтора раза тяжелей были. Пока он не отстрелил ПАО, приборно-агрегатный отсек и, пыхнув пламенем тормозных твердотопленников не упал в Каспий. На следующем витке мы тоже

нырнули в атмосферу планеты — возвращаясь домой, в родные степи Казахстана.

Через пару месяцев, как закончилась наконец послеполетная реабилитация, снова летел. Ух и противная все-таки штука! Во время полета, несмотря на многочасовые тренировки хитрожопый человеческий организм привычно приспосабливается к изменившимся условиям обитания. Например мы на орбите становимся на несколько сантиметров выше — распрямляется, почуяв халюву позвоночник. И как он неохотно, причиняя реально неприятные ощущения привыкает заново к гравитации... Ничего, с этой бедой научились справляться, и девчонки-массажистки быстренько находят себе личное счастье... //Добавим потом, однако!

А сейчас полет был совсем не космическим, но офигенно долгим, почти на полземли. Китаезы, побывав в Москве, вернулись домой довольные. И одна из первых договоренностей вновь открыла небо Поднебесной для транзитных рейсов советских машин. Так что, дозаправившись в Иркутске наш здоровенный пепелац спокойно ушел на юг. А теперь заворачивал на посадку, выбирая путь между невысокими, но крутыми горами. Надо будет на них радиомаяки натывать, на всякий. Сегодня же доложу идею. Потому что впереди раскрывалась прекрасная панорама бухты Камрань...

Очень красиво смотрелась заходящая в нее здоровенная бандура, над пучком радаров "острова" торчали мачты. И развевались стяги — советского ВМФ и старый-добрый Андреевский крест. Моряки попросили — ЦК не отказало, маразматиков не осталось там, ура. А традиции во флоте это святое. Знамя, под которым сражались герои — снова развевалось над палубами наших кораблей. Ученики в школах читали на уроках истории про капитана Казарского, адмирала Нахимова и Кузнецова... Первый русский авианосный корабль, шестьдесят лет назад кошмаривший турок носил гордое имя. И традицию решили не нарушать — входивший в гавань с расставленными "по-парадному" на палубе самолетах ТАКР сверкнул золоченым именем на борту... "Орел", мы вернулись в большой океан! После "находки" даже для самых упертых вояк дошло — большой войны не будет, не нужны армады танков. А будет усиленная борьба за сферы влияния, источники ресурсов по всему миру. Нафиг почти не нужны танки в джунглях. Так что флот теперь не бедствует, стапели не простаивают.

Кстати идет наш авианосец из первого боевого похода — по договоренности с индонезийцами, филиппинцами и прочими заинтересованными лицами работал в контрпиратской операции, обеспечивая поиск замаскированных в джунглях многочисленных островков баз. Работали в основном вертолеты — топить катера сверхзвуковыми истребителями смысла нет. Фильма "Пираты XX века" реально была снята на основе множества реальных историй. Ну а сейчас зачистку этого осинового гнезда мы начали гораздо раньше, "мальчики" мадам Вонг???проверить получили хороших пилюлей. Нечего гадить там, где ходят корабли Советского Союза!

Наш борт пошел на посадку, в окошке показалась здоровенная и широченная полоса. Американцы, уходя — взорвали все что можно. Но на эту, сделанную из молотого коралла площадку мы сядем спокойно.

Десять лет назад история развития нашей авиации резко изменила курс. В памяти глупого, лишенного личных воспоминаний попаданца нашлась куча знаний по будущим летающим машинкам. Еще бы, авиамодельный кружок, летающие на привязи корды или собранные, тщательно покрашенные стендовые модели.

//

Ну вот и прошли долгие месяцы ожидания. За это время многие мамы на Земле успели выносить и родить детишек — и, по статистике, множество девочек получали одно и то же имя. Красивое и певучее, придуманное когда-то. Аэлита, в переводе - 'рожденная из света звезд' или 'видимый в последний раз свет звезды', великий русский писатель немного непонятно дал перевод. В вышедшем и, триумфально прокатившемся по кинотеатрам всего мира фильме, этот вопрос не раскрывался. Режиссер Павел Клушанцев постарался хорошенько. Снявший когда-то, буквально на коленке, гениальную 'Планету Бурь' - даже в век компьютерной графики не утратившую зрелищности. Не зря же ее в Голливуде в киноакадемиях преподают.

Ну а сейчас, получив нормальные финансы, оторвался он по полной! Тут еще родные ВВС постарались, построив реалистично выглядящие макеты воздушных кораблей империи Тускуба и таская их на привязи Ми-10К над пейзажами туркменских плоскогорий. И наши инженеры тоже вдоволь повеселились, конструируя 'яйцо' корабля. Если бы существовала реальная горючка с характеристиками 'ультралиддита' до Марса оно бы точно долетело... А самый смак придал еще один главный герой, товарищ красноармеец. Не Гусев, как в книжке, а Сухов! В фильме его играл тот же Анатолий Кузнецов. Вообще по сюжету получилось как бы продолжение 'Белого солнца пустыни'. Усмирив басмачей на Земле, полетел Федор Иванович вместе с Мстиславом Сергеевичем в космос. Нашел похожих не-товарищей и, есно возмутился. Вообще, хана инопланетным буржуям... Смех смехом, а десантный корабль 'Аэлиты' носит гордое имя 'Лось'.

Но это никак не мешало нашей птичке, вожденная цель уже близка. И приближается самый рискованный момент экспедиции, аэроторможение. Пусть уже и проверенное, роботами два года назад — запущенными в очень неудобное, по законам космической механики окно. Марсоходам было проще, садились сходу. Но вот для картографов, похожих на безвременно скончавшихся предшественников, приходилось выбирать. Или уменьшить количество аппаратуры, или выходить на очень неудобную высокоэллиптическую орбиту. Крепко подумав, выбрали третий вариант — заодно испытав на практике торможение об тонкую оболочку атмосферы планеты. Сейчас, на почти всех экранах Центра, с каждой минутой все быстрее и быстрее увеличивался кирпичного цвета шарик. По громкой связи периодически раздавались уверенные рапорты экипажа, готовность полная. Несколько часов назад ребята закончили выход в открытый космос, сворачивали и закрепляли все хрупкие, выступающие части корабля. И сейчас занимали места в ложементы, готовясь к перегрузке после девяти месяцев невесомости. Центральный командный пост корабля специально был сделан 'задом наперед'.

Вот только поговорить с ними, увы, нормально нельзя. Физика, эти ее — только через двенадцать минут услышат они 'привет' и еще столько же на Земле придется ждать ответа. Когда мы летали на Луну, к трехсекундной задержке еще можно было привыкнуть... Скорость света, зараза, величина конечная.

По залу пошло напряжение, по графику сейчас должен включиться, для коррекции траектории, ракетный блок. Как он перенес долгий полет, не засорили ли чуткие к загрязнениям турбонасосы частички выпавшего в осадок бора? Хотя после каждого включения движок продувался специальным растворителем, риск есть. Хорошее топливо пара пентаборан-перекись, но уж больно капризное. Если что пойдет не так, то придется его бросать, отменив высадку. И корабль уже на собственных движках, привычном вонючем гептиле, пойдет домой.

Там, в десятках миллионов километров этот вопрос уже давно решен, а нам остается только сидеть и ждать, изощренная пытка. Но пришел, принятый огромными антеннами дальсвязи, очередной доклад. Ура, все в порядке, траектория расчетная, до первого касания чужого мира остается несколько минут. И мы ничем уже не можем помочь, все что могли — сделали.

Ученые, придумавшие, конструкторы — нарисовавшие. Инженеры — посчитавшие и, главное, рабочие — построившие.

И где-то там, так далеко — далеко от Родины трое героев уже встретились с неизведанным. Где-то там принял на себя удар разряженной, но такой твердой на скорости в шесть километров в секунду атмосферы, щит теплозащитного экрана. Там, далеко, наши парни, стиснув зубы, терпели навалившуюся тяжесть перегрузки. Хоть и проводили они по полдня в полете занимаясь на тренажерах но долгая невесомость штука вредная. А мы опять сидим, ждем.

' — Все в норме, появилось ощущение веса...' - раздались в динамиках крайние слова, окончание которых потонуло в шуме помех.

' - Корабль вошел в атмосферу Марса, начата процедура торможения. Контакт потерян, ожидание возврата сигнала ориентировочно через девять минут...' - прозвучал спокойный голос комментатора. Сергей Павлович, с бледным лицом, сильно волнуясь, вскочил с кресла и начал расхаживать туда-сюда. М-да, и уже не подойдешь, не скажешь 'все будет хорошо', сам сижу как на иголках. Если что-то пойдет не так, если мы не правильно все рассчитали, то... То просто ничего не узнаем, останется лишь догадываться. А сейчас можно только ждать и надеяться, все уже случилось.

Тут в американском секторе центра поднялась необычная суета. Созданный когда-то для совместного управления международной станцией 'Мир', или как называли ее еще 'Терра—Орбитал', отдел сейчас был явно занят не своим делом. Один из зарубежных гостей подбежал к пульту связистов, что-то сказал. На центральном экране появилась картинка, да еще какая... На весь кадр кусочек серпа Марса, линия терминатора — и длинная искорка пламени в ночной тени планеты. Моргнув, кадр сменился на следующий, искра корабля продвинулась заметно дальше. Это один из американских 'Викингов' в реале передает картинку с орбиты!

Пусть и черно-белую, нет времени для переключения светофильтров и синтеза цветной, но такую красивую... Как-то сразу стало намного проще ждать, просто ждать ответа. Еще несколько раз сменились кадры, трансляция шла по быстрому каналу. Не зря же мы вывели за полмесяца до прилета экспедиции на стационарную орбиту четверку спутников-ретрансляторов. И сейчас зонд наших товарищей исправно отправлял домой фото, на которые мы долгие минуты смотрели, ожидая — того момента, когда...

Когда лампочки светодиодов на пультах в центре управления снова засветились, отображая поток телеметрии. Когда на экранах появилась, снова, картинка. И, невзирая на текущие по лицу капли пота, уверенным голосом Гера сообщил...

'...Земля, это 'Аэлита'. Все в порядке, маневр завершен. Импульс стабилизации орбиты по расчету БЦВК через пятьдесят шесть минут...'

Аааа!!! Не занятые работой посторонние товарищи в центре начали неуместные подпрыгивания и рукоплескание. Мы же, просто и молча, передали по цепочке рукопожатие, по всем рядам, традиция такая. Орать будем почти через год, после возвращения экспедиции.

Прошло назначенное время, еще раз пыхнул пламенем блок. Все, теперь орбита круговая, высота над целью всего пять сотен километров. Можно было бы и ниже остановиться, но есть такая штука — прогноз возможного прихода 'подкрадывающегося незаметно, великого Песца'. Тут, если что случится — дожидаться спасателей времени хватит. Марсианская атмосфера, хоть

и в сотню раз разреженной земной, но в космос ширится почти также. Все дело в весьма заумных вещах, например — гравитационный градиент. Ну, это все не так важно, дав торжественный рапорт с орбиты упала тройка наших героев спать. И большая часть сотрудников ЦУП-а тоже. Вымотались все за этот день как следует...

Утром, космонавты тоже жили по московскому времени, вернулись в центр. А там работа кипела всю ночь, баллистики замерили остатки топлива и считали траектории. И сейчас сонно доложили результат — отличный. Отлет по топливу оптимален через тридцать семь суток вместо запланированного месяца, даже останется немного горючки еще на кое-что. И закипела работа, прильнули ребята к телескопу и иллюминаторам — любясь видами и высматривая подходящие места для высадки. Конечно районы давно намечены, но вблизи виднее. Надо совместить две вещи — безопасность посадки и интересное место приземления. Ведь, если например, садится на Землю то самое удобное и безопасное место это пустыня Сахара. Вот только что там можно найти?

Вечный вопрос 'есть ли жизнь на Марсе' все еще занимает ученых, хотя последнее время они сходят с ума с другого — какого хрена эта самая жизнь забыла на Венере!

Через два месяца после того, как мы проводили в путь 'Аэлиту', другие хорошие ребята в бочонке 'Колумбии' добрались до своей цели. Обогнавший их по пути наш вагон разделился на части, восьмерка тугоплавких ячеек воткнулись в сверхплотную атмосферу. Следом торопилась четверка забугорных, из пижонства конусообразных зондов. Для американцев это была первая попытка посадить робота на Венеру, еще во время полета на парашютах порастворяло, буквально, кислотой половину приборов. В том числе телекамеры, так что трое американцев чаще сидели у пульта приема данных от советских станций — там интересней было

Уже десять лет, с момента посадки 'Венеры-3', было ясно — не курорт, температура почти пять сотен градусов, и давление тоже плющит, сто атмосфер. Поэтому картинка с четырех посадочных аппаратов ничем не удивила, хотя впервые была цветной. Застывшая лава, камни, рыжее небо. Местный воздух, сгущенный страшным давлением. На последнем десятке километров станции отстреливали парашюты и падали, как камень в воде, стараясь быстрее добраться до поверхности. Система охлаждения выдерживает в этом аду всего чуть больше часа, потом хана. За это время станции успевали передать пейзажи, провести анализ состава атмосферы. И, пробуравив буром грунт, взять и изучить пробы. Все, час прошел и электроника, передав последний писк, скончалась.

И тогда американцы переключили мониторы на поток данных от второй четверки, до этого исправно записываемый на катушки магнитофонов. Эти зонды были рассчитаны на сутки работы, точнее пока не сядут аккумуляторы. Потому что болтались они, на аэростатных баллонах на высоте в семнадцать километров, там попрохладней было — всего плюс девяносто. Летели чуть ниже облачного слоя, чтобы видеть поверхность. Выше конечно покомфортней, есть слой, где вообще плюс двадцать пять градусов при давлении в одну атмосферу. И щелкали фотокамеры пейзажи внизу, курсовая видеокамера передавала, с низким правда качеством, окружающие виды. Типичная аэрофотосъемка, с привязкой по местности. Вот только от взгляда на эти виды случилось такое...

Ко всякому привыкли в центрах управления, но раздающиеся от летящего в десятках миллионов километров экипажа вопли 'Боже мой!', 'Это что за...' и, тем более, '....!!!!' душевному спокойствию сотрудников точно не способствуют.

Даже трудности перевода не мешали, за прошедшие годы с чужим языком освоились, сразу пришло волнение — как будто за своих переживаем. Ну, так оно и есть, точно.

' - Здесь Хьюстон, ответьте, 'Коламбия' - в чем проблема...' - похоже, что кэпком сильно растерялся. Спрашивает, как будто в реальном времени, хотя запаздывание семь минут в одну сторону. Но астронавты не теряли времени, понимая наше беспокойство.

' - Джон, канал на линию три-б. Ли, камеру тащи, срочно! А то там внизу, думают что мы рехнулись. Да не пялься ты в экран, насмотришься еще...' - опыта Алану Шепарду не занимать, первый астронавт, обязывает.

У нас, в центре управления, связисты оперативно переключали кучу тумблеров на панели — готовясь принять картинку. Сейчас с наших зондов шла только трансляция телеметрии, нам уже известно, что все сработало штатно. Но данных пока нет, упали они в центре дневной стороны — недоступной для связи с Землей. И лишь пролетающий над планетой корабль ловил информацию, записывая основной поток на катушки носителей.

На центральном экране появилась дергающееся изображение ручной камеры, разматывая шнур летел астронавт через отсек. Затормозил, и навел ее на пульт. Это было похоже на взгляд через замочную скважину — сигнал от одной камеры шел через другую, и, выплескиваемый из остронаправленной антенны корабля пролетал миллионы километров. Пойманный тут, дома, раскиданными по всему миру ушами антенн, собирал вновь на экранах картинку. Невероятную, невозможную — но реальную. Один из наших зондов не летел свободно в атмосфере, как планировалось.

А лежал на поверхности, чего-то, слов не подобрать для описания — просто нечто! Курсовая камера маленькая и чахлая, всего двести пятьдесят шесть на пятьсот двенадцать точек разрешение... И не цветная, но шустрая, аж двенадцать кадров в секунду, давала шокирующий вид.

Целое поле, размером больше футбольного — плавно колыхалось, бугристое и покрытое непонятными наростами, края заметно двигались вверх-вниз. Пролетали в вышине облака, и передвигались в поле зрения непонятные движущиеся объекты. Вот один из них заинтересовался зондом, развязка наступила быстро.

Как описать это зверюшку? Уже потом ученые, крепко подумав, составили подробный анализ, даже завели классификацию инопланетной живности. Ну а тут, подошел к аппарату гибридный попугай с рыбой, пощелкивая клювом. И все — сигнал пропал.

Два других аппарата штатно отработали положенное время, вот только на многих кадрах были видны огромные, не с чем сравнить, штуковины. Похожие на земных мант, парящие в плотной атмосфере горячей сестры Земли левиафаны. Четвертый тоже работал успешно, пока не свалился стремительно вниз. Конечно, падая картинка он передавал красивые, пока не умер от перегрева, но всем было больше интересно — кто же его укусил?

Так что крепко чесали на Земле голову ученые, пытаюсь представить и рассчитать метаболизм и вообще состав этих тварей, ну а священники по всему миру пришли в ступор — пытаюсь объяснить все неисповедимой шуткой выдуманных богов... Когда-то, около десяти миллиардов лет назад почти все атомы, из которых собрана по кусочкам вся Солнечная Система, наше солнышко, планеты — были частью примерно трех древних звезд. И когда осознаешь это, понимаешь что ты тоже был когда-то частицей звездного пламени — такими смешными кажутся все религии, выдуманные властью для управления народами. Самое главное — мы уже

знаем, что не одиноки во Вселенной. Кого мы там встретим, друзей или врагов — пока неизвестно.

Ну а сейчас наши космонавты с надеждой вглядывались в проплывающий внизу мир, все в предвкушении! Отстрелились и ушли вниз четыре марсохода, попрыгали в надувных шарах амортизаторов по поверхности. И развернулись, снимая намеченные места посадки. Так как управление шло в реальном времени, и связь была с близким кораблем, то удалось сделать их маленькими и легкими, ребята развлекались, гоняя их по планете. //найти карту с названиями, была же где-то.../ Все районы имели свои плюсы и минусы. Кратер Гусева, например, привлекал символичностью названия и ровной, без крупных камней поверхностью. Краина великого марсианского каньона с видом на гору Олимп тоже манила, но вот посадка там рискованна. Очень сложный рельеф и возможны сильные порывы ветра. Пусть и разряженного, но решили не рисковать. Долго еще спорили космонавты на орбите и ученые на Земле, пока не пришли к компромиссу. Все внимание сосредоточилось на третьем районе, //название/. Изрезанный эрозией высокий берег древнего, давно высохшего моря манил геологов, русла впадавших в него когда-то речушек биологов. А ровное, покрытое невысокими дюнами, дно обещало сделать посадку безопасной.

//фото примерного места высадки, посмотреть координаты и название/

<http://i003.radikal.ru/0909/47/bbdcbecf4ce3.jpg>

Еще в первый день на орбите, отоспавшись, космонавты выходили в открытый космос. Развернули радиаторы и концентраторы, отстыковали аккуратно силовые фермы и панели батарей от теплозащитного экрана. Тщательно проверили десантный и орбитальный корабль, осмотрели ракетный блок на предмет повреждений. К счастью, все было в порядке. И вот, наступил, наконец — День. Именно так, с большой буквы. Ибо ждали его столетиями и десятилетиями, да что там — может быть, еще древний питекантроп засматривался на яркий, алый глаз в ночном небе.

Правда, к сожалению, его наступление омрачал большой скандал. Королев открыто вступил в конфликт с некоторыми маразматиками из Политбюро, категорически отказавшись приурочить посадку к празднику. Подковерная грызня была страшная, //описать потом подробнее с ФИО, может кто поможет? Хороший повод послать Суслова и пр. на юх/.

В результате сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семьдесят шестого года почти все телестанции планеты передавали лишь одну программу.

' - Есть отход, осевая нольтри, норма!' - бортинженер Гречко контролировал расстыковку, очень осторожно выводил хрупкие панели из купола экрана. 'Аэлита' за прошедшее время превратилась, как в сказке, из толстушки — в красавицу. Изящная, похожая на стебель белоснежная конструкция, увенчанная зелеными лепестками цветка солнечных батарей. Сверкая в лучах восходящего солнца отходила подальше от второй части корабля — шляпка тормозного экрана, с укрытым внутри сорокатонным десантным кораблем, разворачивалась на вектор. Там, пристегнувшись уже у пультов, Герман и Борис готовились к посадке.

' - Системы в норме, готовность к высадке в квадрате три, импульс через семь минут сорок секунд...' - спокойно доложил Титов. Значит, уже все — там, в реальном времени, 'Лось' падает, тормозной экран второй раз готов встретить ярость атмосферы. Сильно добавляло волнения в центре непривычная невозможность прямо руководить и помогать космонавтам, обо всех событиях мы узнаем лишь спустя двенадцать минут.

Ну а космонавты сейчас слушают, поглядывая на таймер, торжественное напутствие. Прочитавший его недавно Сергей Павлович с усталым, но довольным видом, развалился в кресле. Персональном, никто его не смел занимать в отсутствие Шефа. Но вот только тревожила взор пара врачей, постоянно находившихся неподалеку...

И запаздывающая со скоростью света картинка показала, как несколько минут назад, пыхнув тормозным импульсом упал вниз десантный корабль.

' - Начинаем вход в атмосферу, увидимся на Марсе...' - последние перед разрывом связи слова Борька просто обязан был оставить за собой. Весь долгий полет он многократно радовал нас шуточками, иногда доводя до паники. Вспомнилась история, случившаяся через неделю после старта. Запаздывание стало сильно сказываться на возможности поболтать, корабль ушел уже на половину световой минуты.

' - Борис! Позови, пожалуйста, Георгия' - спокойно попросил кто-то в ЦУПе. Что он хотел, так и осталось неизвестным.

' - Не могу, он на ракете улетел!' - пришел через минутку веселенький ответик, приведший в шоковое состояния всех.

' - Какой, на..., ракете?!' - спешно отправленный вопрос вернулся честным ответом, спасшим немало нервов.

' - На пылесосе 'Ракета', спускач драить!' - ну нельзя же так, много людей пожилых валидомом давились... Но в долгих полетах смех отличная штука, космонавты практически всегда очень веселые люди. От мыслей отвлек рапорт с "Аэлиты".

' - Земля, спуск наблюдаю визуально, переключаю канал'. Затормозив и сойдя с орбиты 'Лось', уже без всяких двигателей, набрал скорость и ушел далеко вперед. Небесная механика однако, очень меня всегда веселило, как в фантастических фильмах корабли летают — подлетать к планете надо обязательно носом вперед, врубив движки на полную! Ну не бред ли, падая в колодец гравитации, еще и самому разгонятся? Видать, режиссеры считают летящие кормой вперед звездолеты некрасивым...

Но сейчас двигающийся по орбите экспедиционный корабль снова догонял воткнувшийся в атмосферу десантник, Жора поймал друзей в прицел телескопа. Недельной давности картинка почти повторилась, только теперь на утренней стороне планеты. Да и видно было лучше намного, над проносящейся ржавой поверхностью летела точка корабля — оставляющая позади многокилометровый огненный хвост ионизированной плазмы.

Намного спокойней сегодня в Центре Управления было. Ну, посадка, ну — на чужую планету. Но волнения никакого особого нет. Все делают привычное, давно отработанное дело. Чем, собственно, отличаются Луна и Марс? Да, пусть гравитация выше, но — наличие газовой оболочки атмосферы позволяет громадным образом сэкономить топливо. Садящиеся в вакууме корабли тратят десятки тонн горючки на торможение, тут его на халяву обеспечил местный воздух. Да, тогда, при маневре аэроторможения сидели мы в тревоге, ожидая результата. Там буквально все зависело от любого булька трясущегося в баках топлива.

А сейчас смотрели спокойно на кадры с орбиты, Георгий крутил громаду корабля — держа в фокусе телескопа десантного 'Лося'. Там, над кирпично-красной поверхностью, пролетел над береговыми скалами корабль. Вышли, и затрепетали позади два купола тормозного парашюта. Долго когда-то чесали репу мы — инженеры. С одной стороны полезная штука, снизит скорость с полукилометра в секунду до полусотни метров. С другой стороны риск — а вдруг не

сработает, нужно горючку резервную тащить. Решили по методу товарища Соломона, пополам. Посадочные верньерные движки не имеют своих баков, жрут топливо из взлетной ступени. Ну и парашют тоже продублировали, на всякий...

' - шшшшш...Есть отстрел экрана, высота три, маяк готов. Системы в норме, заходим на посадку...' - Ура, вернулась связь! Весь центр застыл в напряжении.

Сбросив миску верой и правдой послужившего щита, корабль снижался. Вновь появилась картинка, купол горизонта выпрямлялся по краям, и цель уже совсем близка. Бортовой центрально-вычислительный комплекс рисовал маркеры поверх сигнала курсовой телекамеры, циферки по краям стремительно менялись. Как потом, во время долгого пути домой, говорил Гера — очень было обидно садится под управлением киберпилота, хотелось — сжав рукоятки, вести корабль самому.

Но, подчиняясь набору микросхем пыхнули пламенем сопла — сдувая во все стороны песок и пыль. Спрятавшийся за подходящей дюной марсоходик снял и отправил домой все — факелы пламени, столбы пыли, касание опор. Опершись на которые, качнулась махина 'Лося', выдохнули в черно-синий зенит немного топлива движки. Когда-то, всего полчаса назад бывшие тормозными, а сейчас ставшие прижимными.

' - Земля, мы тут уже сели и смотрим — пейзажи вокруг чудесные...' - как всегда, не мог не пошутить Борька.

' - Посадка произведена успешно, все системы в норме. Необходимости аварийного старта нет' - строго, и точно по плану доложил командир.

' - Да, как будто в Каракумы попали. Вот только головы Саида не хватает...' - продолжал хохмить товарищ Егоров.

' - Ага, и Сухова с чайником...' - поддержал веселье Титов.

И, с опозданием в двенадцать минут началось в центре, да какое, по всей стране — веселое безумие.

Прервавшееся ненадолго лишь спустя час, с началом выхода туда — наружу. Космонавты и так уже были в удобных, проверенных и отработанных до мелочей 'Кречетах'. Для полной герметизации скафандров оставалось лишь надеть закрепленные у пульта перчатки. Но, сперва они доделали очень важное дело, законсервировав все системы корабля. И лишь потом был открыт люк, ногами вперед пошел сперва Герман, следом Борис.

И мы, так далеко, с тревогой и волнением смотрели на спуск по лесенке неуклюжих в толстых скафандрах ребят. Тут конечно не вакуум, но давление всего одна сотая от земного. По старой уже традиции шагнули они одновременно, впечатав след ботинок в историю. И, тоже по традиции — нужно сказать первые слова. Гера, немного раскинув в стороны обжатые скафандром руки, гордо заявил:

' - Здравствуй, новый мир для всего Человечества!'

И, тут случилось смешное событие — почти, скандал долго заминали. Хороша была весьма и красива журналистка из СиЭнЭн, но абсолютная блондинка — торопясь успеть с переводом одновременно с историческими словами, гордо ляпнула в эфир...

' - Hello, new world! New world for a communism...' - и обиженно захлопала красивыми глазками, с такими пушистыми ресницами, осознавая ошибку.

' - Ouch! Excuse me, he said is the - 'New world for all of Humanity!' - постаралась исправить конфуз, тоже уже попавший в историю. Оглянулся — Юрка ржет как конь. Ну да, на днях, она сумела таки его достать, после интервью выглядел как выжатый лимон. Видать, в отместку, типа 'по секрету', подсказал 'одобренные Партией и Правительством слова'...

В установившейся тишине зала раздались первые хлопки, превратившиеся затем в водопад восторженных звуков, на экране герои продолжали творить историю. Титов ставил, отойдя подальше от корабля алый флаг Союза. Ну а Борис, рядышком, укреплял циркуль и линейку с серпом, молотом — и звездой в центре, нового флага СЭВ-а. Старательно воткнули флагштоки, расправили толстую фольгу знамен. Потом, уже помогая друг другу, воткнули ООН-овскую синюю 'карту' на самом длинном флагштоке. Камера корабля и, подрулившей под управлением Жоры машинки исправно посылали домой картинку. Встали герои, отдав честь знаменам — на фоне рыжих дюн, под сенью розового у горизонта и синеющего вплоть до черноты зенита неба. И, зазвучала в динамиках музыка — там, на Марсе и тут, на Земле одинаково стояли и пели все в меру голосовых возможностей.

Знамя, как и гимн это просто символ. Но как много они значат, как могут сплотить таких разных людей, таких разных народов... На всем пространстве державы, в едином порыве ликовал народ.

И пели мы под великую музыку написанные в далеком, кровавом — но победном, сорок третьем году слова:

'Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов

Единый, могучий Советский Союз!'

Именно так! Сейчас, сплоченные, стояли и пели люди многих десятков национальностей. Вот товарищ Джанибеков, сверкая золотыми звездами, сложив по обычаю кисти домиком — пел, с текущими по лицу каплями, слова.

И, на всем пространстве державы, в едином порыве ликовал народ. Взлетали и разрывались в выси фейерверками ракеты, заботливо подготовленные в клубах Юных Техников.

'Сквозь грозы сияло нам солнце Свободы,

И Ленин великий нам путь озарил.

Нас вырастил Сталин — на верность народу,

На труд и на подвиги нас вдохновил!'

Нет в нашем старом-новом гимне упоминаний о каких-то органах власти, партиях и идеях.

Только два имени — Ленин, как к нему не относится, давший реально забитому и бесправному народу Свободу. И грозный, но справедливый Сталин. Как он сам предвидел — много грязи нанесло на его могилу, но ветер истории все развеял. Осталась лишь правда, даже ведро помоев XX съезда улетучилось. Народные суды по всей стране рассматривали вопрос, поднимали остатки сожженных предыдущей властью архивов. Пенсионер Н. С. Хрущев получил ВМГС — условно, за давностью фактов. А вот документы тридцать седьмого были рассекречены, держащий всегда нос по ветру Юлиан Семенов написал новую книжечку. 'Красный Бонапарт', в литературной форме описав историю неудачного путча военных, плюс похождения молодого Штирлица, заодно. :)

Мы армию нашу растили в сраженьях,

Захватчиков подлых с дороги сметём!

Мы в битвах решаем судьбу поколений,

Мы к славе Отчизну свою поведём!

Мы стараемся... И чтим героев, остановивших и повергших сбесившуюся Европу. Тогда, в кровавые годы — действительно решали в битвах судьбу поколений. А чем мы сейчас хуже? Точно так же зависит от нас Будущее. И, да не посрамят мы память поколений!

Славься, Отечество наше свободное,

Счастья народов надёжный оплот!

Знамя советское, знамя народное

Пусть от победы к победе ведет!"

Хороший припев, с удовольствием повторяли...

Да, совсем неправ был не-товарищ Хру, отменивший текст гимна, сильно не прав. Долгие годы, просто под музыку, летали космонавты и выигрывали чемпионаты, олимпиады спортсмены. Но, мы все изменили, точнее вернули на место. Хм, нет в тексте ни слова про 'партию' или 'коммунизм'.

//Кусок высадки — исправить ошибки, переделать и дополнить/

Но закончилась торжественная часть экспедиции, дальше была просто работа. Отцепили от корабля жилой, рассчитанный с запасом, на двадцать пять суток, отсек. Повисла десятитонная машина на подвеске грузовой стрелы, дома бы давно обломавшейся, но тут все в три раза легче. И опустилась в проем посадочной платформы. Надулись восемь толстых, многосегментных колес, аккуратно коснулись грунта. Глупо было бы, залетев так далеко сидеть все время на одном месте. Вокруг только песчаные дюны, но там — за близким горизонтом, прячутся чудеса чужого мира.

Тут раздался глас свыше, точнее с орбиты:

' — Ого, когда успели памятник поставить?' - в недоумении были все — и космонавты дюжину минут назад, и мы, сейчас.

' - Какой такой памятник? Не видишь, мы тут примус починяем!' - отшутился Егоров.

' - Да ну, я в телескоп вижу — красивый такой обелиск. Сияет там звезда рукотворная, большая и красная!'

Действительно, на переданной картинке был четко виден кружок, украшенный алым пятиконечником. Упавший с большой скоростью щит раскололся, конечно, но форма была вполне узнаваемой. Странненько, однако. После отделения конус экрана должен был падать ровно, что же его закрутило? Но факт есть, лежит он там, сверкая символом. Когда-то, наплавленным смешанным с красителями материалом. М-да, может его ветром развернуло... Но дальше все было нормально, к счастью.

Остаток первого дня прошел под прицелом камер, в обшаривании места посадки. Воткнули комплект приборов — метеорологическую и сейсмостанцию, тоже полезно. Поставили ящик, нажали кнопку — выросла пятнадцатиметровая ферма с антенной наверху и болтающимися фалами. Закрепили, забив реальной кувалдой колышки, протянули кабель — резервный ретранслятор получился. Периодически делали перерывы в работе — отдыхая, давали репортажи. По утверждению парней работать на Марсе одно удовольствие — не скользит под ногами почва, не так сильно обжимает скафандр. Ну и остановки для дозаправки тоже хороши — глотая густой бульон через трубочку, заряжали одновременно одежду. Вспомнилось, как когда-то, после полета, давал нагоняй бригаде Северина. Теперь в броне можно комфортно день прожить, с едой и питьем. Сутки тут, на чужой планете, на полчаса длиннее, и вечер настал по расписанию. Камера корабля долго передавала картинку, теперь уже цветную — развернутый зонтик остронаправленной антенны помог. Стояли, задумчиво, фигуры в скафандрах на фоне стремительно темнеющего горизонта. Маленький, но ослепительно белый солнечный диск коснулся поверхности. Не было привычных земных сумерек, просто выключился свет. Но, за несколько секунд до захода светила — окуталось оно незабываемо-красивой, огромной, радугой! И быстро бежали в небосводе луны, похожие на маленькие дырявые кусочки сыра.

А следующим утром, началось долгое путешествие. Конечно, по всему пути здоровенный самоходный марсианский домик не уходил от корабля дальше критического расстояния в сорок километров. Именно столько, по расчету, смогут в теории пройти ребята. Если вдруг откажет вся восьмерка движков, крутящих колеса, сдохнет проверенная на Луне СЖО, да пусть даже злобные марсиане поставят машину на штрафстоянку... Тогда, взяв две легких дюралевых тачки с баками кислорода и блоками аккумуляторов, побредут они домой, к кораблю. Но, к счастью, такой экстрим не случился — путешествие шло по плану.

Обычный порядок движения был такой — сновала впереди по курсу маленькая танкетка, шныряя во все стороны и разведывая маршрут. Руливший ей Борька как всегда весело отрывался. А следом, медленно и торжественно, по проторенной дороге переваливался на дутых колесах бочонок с гордым именем 'Атласов'. Названный так в честь еще одного великого исследователя, описавшего — и присоединившего мирным путем к России целую страну.

Камчатку — просто подружившись с местным населением. С каким зубовным скрежетом печатали на западе эту историю, так контрастирующую с ихней, полной крови. Ну а тут весь

пейзаж был красным — ржавый мир, однако. Рыжий песок, бурые камни, розовое небо — высокое содержание железа и, когда-то, много воды было. По следу маленького марсоходика, шел экспедиционный аппарат. И все ближе был древний берег древнего моря, все круче становился подъем, труднее было найти дорогу к цели.

'- Куда ты завел нас, Сусанин млин!' - все чаще ругался командир. Ну не виноват же был Борька — что управлять роботом может только в зоне радиовидимости. А горизонт тут близкий, дюн много... Все чаще приходилось поворачивать, искать другой путь. Зато прозвище 'Сусанин' прилипло к самоходной тележке крепко, по-другому ее уже не называли.

Но, наконец, появились на горизонте уступы скалистого берега. Расстояние обманчиво, казалось — вот, чуть осталось. Но только на следующий день достигли подножия. Да, это уже не дюны, чем ближе была цель, тем более возбуждались геологи. Сложная, слоистая структура явно осадочных пород, история планеты была как на ладони. А дальше начался просто вандализм! Пробурили в основании обрыва шурфы, заложили заряды. Отъехали подальше.

'В целях природы обуздания,

В целях рассеять неведенья — тьму...

Берем картину мироздания — да!

И тупо смотрим, что к чему...'

— дочитав стих Егоров даванул кнопку детонатора, большой бум было слышно даже в разряженной атмосфере. И разлетелись в стороны древние скалы, открыв давным-давно не видевшее свет нутро. Очень эффектно смотрелось, правда. Ученые всего мира взвыли в предвкушении...

Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — науке и сейчас не известно. Угу, зато, теперь точно ясно — была там она, долго и счастливо жила, и потом умерла... Энтропия наступает всегда, любое движение лишь вечный бег от неизбежного конца. И, когда-то, примерно пятьсот миллионов лет назад, все закончилось быстро. По геологическим меркам конечно. Прошла основная фаза дегазации ядра и мантии, потухли вулканы. Самое главное — заглох внутренний движок планеты, формирующий защитный экран магнитного поля... Не отклоняемый уже, беспрепятственно совершенно, начал сдувать атмосферу солнечный ветер. Постепенно, начиная с верхних слоев. По мере падения давления и, потери парникового эффекта, погибли следом водоемы. Огромный океан, множество морей, рек и кратерных озер частично испарились, частично превратились в вечную мерзлоту. И лишь слабый, разряженный ветер носит иногда над мертвым миром пылевые бури. Примерно то же ждет и нашу планету, только чуть позже — толще она, намного. Луна умерла вообще давно, остатки вулканизма это уже наведенное приливными силами возмущение. Вот так, все мы смертны — что люди, что миры...

И собирали космонавты среди сверкающих сколами глыб рукотворного обвала, тщательно пакуя в гермопакеты — следы древнего изобилия жизни.

'- Иияяя!!! Ребята, зуб даю — Раки! Реально, я клешню нашел...' - вопил восторженно Егоров. Собирали, старательно упаковывая, ребята образцы. Например камни, с отпечатками водорослей, ракушки и что-то вроде крабов. Чем хороши панцирные виды — оставляют после себя твердую шкурку. Способную протянуть, окаменев, миллионы лет — пока не раскопают. Может и водился тут кто другой, помягче, но следов не оставил.

Короткий совсем срок пребывания, в этой экспедиции. Хотите дольше — оставайтесь тут на два года. Или изобретайте гравицапу, тирьямпампацию или любые, на выбор, движки из фантастических фильмов и книжек. Ну, а если летать по-реальному — вариантов два. Остаемся, проживаем местный, долгий-долгий год — и, с минимальными затратами топлива летим домой. Или рискуем — не успеть сделать все в срок, не успеть попасть в обратное стартовое окно — совсем не к дому, в космосе нет прямых путей. Здесь и сейчас этот вопрос был давно решен. Двадцать два дня колесили по чужому миру ребята, с каждым мигом все увеличивая багаж знаний. А какие пейзажи они видели вживую... Красивая планета Марс, хоть и мертвая. Почти, посадка была в разгар местного лета. Температура тут прыгает от -120 зимой, меньше не бывает — замерзает ЦЭО2. До плюс тридцати двух в полдень, летом, на экваторе. И таяла вечная мерзлота, стекающая грязными пузырящимися ручейками... Даже сверхсолёные остатки воды не могли долго быть жидкими, увы. Но снимали это буйство летней активности космонавты, был шанс, что в грязных ручьях кто-то до сих пор живет. А если что — впереди долгий-долгий карантин обратного полета. Естественно, насобирали в контейнеры образцы льда — грязного, смешанного с песком и мелкими камнями. Но лед!!! Это не просто фазовое состояние воды — это просто Вода! Без нее невозможно жить. И, она может помочь летать... Топливо. Кислород плюс водород для химических движков. Водород или, просто она сама, для атомных. Пусть грязная, вонючая — от примесей, но вода... С этими контейнерами обращались как с великой драгоценностью, без шуток.

Но все хорошее рано или поздно подходит к концу. И время, неумолимо тикая — тоже. Вывел 'Сусанин' героев к кораблю. Сперва показалась на горизонте верхушка сигнальной фермы, потом туша 'Лося', торчавшего таким инородным посреди пустыни объектом. Но своим — родным, знакомо-угловатым. Слегка припорошенная пылью посадочная платформа, массивная и полная топлива машина корабля, шарик командного отсека. Хм, почти не отличающегося внешне от лунных кораблей, так же лесенка спускается от люка. Крайнюю ночь герои провели в привычном и удобном жилом отсеке 'Атласова'. А вот утром началась беготня — погрузка находок, консервация марсохода. За прошедшие дни время на Марсе сместилось почти на одиннадцать часов вперед относительно родного московского. И, уже не земным утром, а вечером, снова мы с волнением глядели на экраны. Теперь отставание сигнала было уже пятнадцать минут.

Волнение в Центре было огромное — как перенес корабль суровые дни и ночи, как сработает? Просто зрителями мы были, постоянно обменивающиеся параметрами компы 'Аэлиты' и 'Лося' считали все сами. Только оставалось смотреть — как...

Пыхнули маршевые движки, снося под собой дюну, песок засыпал 'Сусанина' наполовину. Дрожала, опаляемая пентаборановым факелом посадочная платформа, уносило в стороны куски теплоизоляции и кувыркалась лесенка... Камера марсохода поворачивалась вслед рукотворной звезде, пока могла. Через пять минут толстый, тороидальный бак разделился на половинки и отпал. Через двадцать минут крохотный остаток десантного корабля вышел на нужную орбиту и пошел на сближение.

Огромный цветок 'Аэлиты' хорошо было видно даже с поверхности, яркостью соперничал с дальней луной, Деймосом. И сейчас он был, во всей красе, на экранах Центра. Там, внутри жилого отсека долгих двадцать два дня прожил Жора, ожидая товарищей. И сейчас радостно сыпал в эфир восторженными словами.

' - Что-то вы там отощали, провожал упитанного Лося. А назад какой-то крохотный лосенок прилетел. Да вы больше на пчелку похожи, круглая голова и крылышки!'

Действительно, плавно как пчела, взлетный отсек влетел в сосредоточие лепестков,

состыковался...

Радостная встреча, рукопожатия, торжественный ужин на орбите чужого мира, все прошло. До стартового окна остается всего девять дней, надо использовать. Тикали минуты, превращаясь в часы и дни. Опустошенная от контейнеров кабина 'Пчелки' снова ожила, приняв экипаж. Хм. Теперь ее 'Лосем' уже не называли.

Ожидавший на орбите товарищ Гречко не попал на Марс. Был он так близко, почти коснувшись во время торможения в атмосфере. Ну а потом разглядывал больше месяца проплывающие под ногами пейзажи, всего в пятистах километрах. А сейчас готовился тронуть ладонью камни чужого мира. Какого — тут уже выбор есть. Целых две луны, однако. Страх и ужас, в переводе. Фобос и Деймос. Маленький ужас болтается на слишком высокой орбите, оставим другим товарищам. А вот 'страшшшный' Фобос почти рядом, заправка кораблей на орбите отработана.

И занимает всего полчаса времени. Заглотив пятую часть топлива, обвешенный некоторыми причиндалами корабль был готов. Риск есть, конечно. Это хрупкое яичко садилось уже на Марс, потом взлетало. Но тесты прошли нормально — и шампанского хочется всем. Дали импульс, просто переход на другую орбиту. Цветок корабля, с неугомонным Егоровым остался на прежней пятисоткилометровой высоте. Четыре долгих часа перелета — и цель. Крохотная совсем, просто огромный булыжник.

С чем-то другим эту луну сравнить трудно. Это не посадка была — скорее стыковка. Приблизившись на десяток метров стрельнули гарпунами, притянулись. Тут тяжести почти нет, гравитация мизерная. Даже торжественный след ботинка специально пришлось втоптать. По поверхности маленькой луны не ходили — летали. Как следует оттолкнувшись можно выйти на орбиту, реактивные ранцы были дополнительной страховкой. Пробы местного грунта тоже было тяжело брать, в основном сверлили... Но местный реголит и сам Фобос представляют огромную ценность. Даже если не получится из грунта добывать топливо, то база на этой крохотной луне все равно пригодится. Так что стучали спец-молотками, бурили и ковыряли сорокакилометровый булыжник ребята. Пока не пришло время — лететь домой.

После стыковки выдернули с малютки все ценное, отстрелили вместе со стыковочным отсеком, фермами. Да даже телескоп бросили. В точно назначенный день, час и миг крохотный остаток корабля развернулся, готовый к старту в долгий обратный путь.

Нет в природе прямых путей, совсем нет. Даже если вы идете по ровной, новенькой и прямой дороге... Никогда не забывайте — Земля круглая. И самые быстрые в мире лучи света тоже искривляются, гравитацией. Нет в мире ничего прямого! Так что путь домой тоже был весьма замысловат. Как говорится, настоящие герои всегда идут в обход. Хорошенький такой, аж вокруг другой планеты. Спалив почти все топливо блока, вышел корабль на траекторию. Совсем не к Земле, к ее далекой сестре...

//Хз, может разрыв с лирикой вставляю./

Никаких научных или политических целей это не имело, простая механика — позволяющая значительно снизить время в пути и расход топлива. При облете по точно рассчитанной траектории корабль проведет так называемый гравитационный маневр. И, строго по законам физики скорость Венеры уменьшится на неизмеримый микрон, зато корабль разгонится на два километра в секунду. Причем без всякого топлива, и выйдет на траекторию, ведущую уже к

Земле...

Во время полета командир и бортинженер вышли в открытый космос. Проверили опять, на всякий случай состояние корабля и ракетного блока. Он почти пустой, не брошенный лишь по двум причинам. Во первых там еще осталось немного 'вонючки', гептила в отсеке ДОК, двигателей ориентации комплекса. Во вторых, служит дополнительной защитой от солнечной радиации. На земной орбите нас прикрывает щит магнитного поля, в пространстве только тонкий металл корпуса. Почти все время полета и, особенно сейчас — при максимальном приближении к светилу, поддерживалась постоянная ориентация корабля. Кормой к солнышку, стараясь максимально затруднить путь всяким гамма-рентген квантам, протонам, нейтронам и прочей гадости. Которая, последовательно проходя блок разгонника, двигатели и баки самого корабля, спускач со щитом теплозащиты практически не доходила до хрупкой человеческой плоти. Во всяком случае фон был ниже намного, чем на гранитной Красной площади. Ну, а в случае маловероятной сейчас вспышки заныкаются ребята в свои каюты — прикрытые тонким слоем свинца и толстым — полиэтилена.

Вид с внешних камер был потрясающий — плавно приближался ярко-белый, чуть-чуть желтоватый серп, вспыхивали местами на ночной стороне зарницы молний. Целый огромный мир, чуть меньше родной Земли! Давным давно великий Ломоносов открыл атмосферу Венеры. Долгие столетия мечтатели представляли таинственные моря, джунгли полные динозавров...

Вспомнилось, как больше десяти лет назад, на совещании конструкторов вмешался наш Главный. Твердо приказав, делать зонд — рассчитанный на безумные сто атмосфер давления и пять сотен градусов жары. Какой шум подняли ученые и инженеры, рассчитывающие в самом худшем случае встретить всего сто градусов и десяток атмосфер. Мечтающие о чудесах чужого мира, вставившие в проект антенну на поплавке. И сахарный замок, который растворился бы в водоеме таинственной планеты. Как долго они пререкались, уговаривали. Аргументы были здравые — вдруг не понадобится, вдруг там курорт? Тогда защита будет мертвым грузом, а тут столько разных приборчиков вставить можно!

Послушав их, шеф подошел к доске и написал крупно: 'На Венере ХРЕНОВО.' И ниже поставил подпись с расшифровкой — С. П. Королев. Все опешив замолчали, а он обвел зал тяжелым взглядом и издал привычный рык... У нас в КБ степень разноса мерили 'корами', 'кило-Корами', и фатальным 'мега-Корами'... Тут было поспокойней, просто объяснил для тугодумов свое мнение и приказ. Пускай долетит эта глупая кастрюля, сядет. Из приборов на ней только датчики температуры и давления, плюс агрессивности среды, даже радара нет. Тогда и поглядим, какими будут следующие станции. В конце бурной речи остановил на мне взгляд — сурово так, обещающе... Аж занервничал, вдруг в этом мире есть отличия?

Но всего через полгода в центре царила совсем не радость от успеха первой посадки робота на чужую планету. Скорбь, уныние, по мере поступления данных все нарастало — многие солидные академики тайком вытирали глаза. Можно было их понять — всегда больно, когда умирает мечта...

Но великая, непостижимая природа любит подкидывать крохотным человечкам сюрпризы и загадки! С жадным любопытством смотрели на пронсящийся внизу мир ребята, пытаюсь мысленно представить себе — что творится в таинственных глубинах туманной атмосферы. Не было на корабле никаких зондов, везти их сюда через Марс было бы верхом идиотизма. А с Земли запустить новые никак нельзя, окна нет подходящего. Да и готовых зондов тоже, сейчас в спешке инженеры с учеными, и у нас и в штатах, создают новые. Но вот нога человека вряд-ли ступит сюда, по крайней мере в ближайшее время. Сесть-то тут предельно просто. И, допустим, продержатся немного до полного изжаривания. А вот домой улететь — проблема,

большая. Почти как земная гравитация, лишь чуть-чуть легче...

Действительно проблема. Чем мощнее сила притяжения, чем толще атмосфера — тем труднее взлететь. Сейчас, даже если очень сильно захотеть — на Венеру слетать мы пока не в силах... На химическом топливе это просто невозможно. Совсем.

Американцы испытывают всю атомные реакторы 'Нерва' - отличные движки, разгоняют водород до скорости истечения аж девять километров в секунду. Но вот только тяга маловата, увы. Двадцатитонный движок дает тягу всего сорок пять тонн. Для космоса и Луны этого достаточно. Но не для землеподобных миров. Ведь когда-то, рано или поздно — доберемся мы до чужих солнц, найдем пригодные для жизни планеты... В космосе худо-бедно летать научимся, наш тестовый магнетоплазменный двигун дает скорость истечения аж в полторы сотни километров, ученые обещают еще поднять. Тяга конечно мизерная, всего килограмм. Но для пути длиной в миллиарды километров абсолютно не важно — час разгоняется корабль или месяц.

Вот только посадка и, особенно, взлет десантного корабля пока проблема. На Марсе все просто было, там первая космическая — всего три км/с, отравой пентаборана обошлись.

Так что стояли герои-космонавты на борту корабля, обливаясь — на такую близкую, но такую недоступную Венеру. В принципе, на текущем уровне технологии можно туда слетать. Вот только вон поднимется... Есть, хранимый в заглазнике на всякий случай, способ. Простой как мычание — взять и, как Мюнхгаузен, полететь верхом на бомбе. Атомной, буквально — тупо взрывая по небольшой бомбочке позади корабля. Тяга — офигительная, импульс приличный. Проект 'Орион', разработан был еще двадцать лет назад. Но стремно как-то, так гадить в космосе. Как показали испытательные взрывы в космосе — опасная штука. Образуется вокруг Земли рукотворный радиационный пояс, попадут под угрозу космонавты, помрут в муках многочисленные спутники. Не зря же размещение и испытание ядерного оружия в космосе запрещено. Правда, с недавних пор добавилась поправка: '... За исключением находящегося под международным контролем ООН и, применяемого исключительно для блага всего Человечества...'

И подходит, как у нас принято — в обстановке строгой секретности, время испытания нашей надежды. Объект 'Луч' наконец-то вышел из пеленок теории.

Грязная-грязная степь. Не просто слякотью, а невидимой, неосязаемой — но такой опасной грязью. Сколько лет пройдет, пока затянутся раны. Неразумные человечки много раз вызывали тут демона звездного пламени.

А мы еще собираемся чуть нагадить. Действительно — всего чуток...

' - Готовность. Две минуты.' Толпился народ вокруг пультов, парой коротких слов разогнал здешний командир всех по местам. А там горят светодиодные панели, телеэкраны. Переключают кнопки на пультах инженеры — привычная обстановка. Так же привычно глядятся выведенные на центральный экран циферки. И слова в шлемофонах — заботливо розданных всем гостям.

' - Десять секунд, есть протяжка...' - звучат команды почти так, как мы готовим к старту ракеты.

Уткнувшиеся в пульта операторы, одетые в странные костюмы и наушники — продолжали проверку. Хм, скафандры радиохимической защиты на нас тоже натянули.

Но, всплыло из глубины памяти воспоминание — как похоже на фильм, пуск главного калибра фантастической 'Звезды'...

' - Есть продувка, есть подача рабочего тела' - радостный голос возвестил что-то, непонятное нам. Просто для привычных химических двигателей эти слова означают совсем другое, тут операции продолжались. Напряглись все высокие гости, одетые в скафандры. А волнение местной команды было просто непередаваемое! Как я их понимаю...

Безликая фигура в гермошлеме управляла стихией, легкими щелчками тумблеров.

' - Реактор норма, активация... Есть!' - постепенно стали отворачиваться от активной зоны регулирующие, наполовину бериллиевые стержни. И началось.

' - Поток нольтри, повышается.'

' - Подача предварительная... Есть!' - там, за толстым свинцовым стеклом, выплеснулся в небо толстый факел выхлопа. Серое зимнее казахстанское небо, серые низкие облака — озарились заревом. Скакнули вверх ровные, красные огоньки светодиодных столбиков.

' - Поток нольшесть, норма. Подача полная...' - алый выхлоп раскаленного водорода достал до облаков, тающих на глазах.

Главнокомандующий этим чудом принял немного театральную позу, громко спросил:

' - Импульс?'

' - Восемь дробь три...' - сурово ответил товарищ ???.

Валентин Петрович очень любит красивые моменты, гордо смотря на экраны — заявил...

' - Пуск!'

Но спокойно инженеры нажимали кнопки, шли рапорты.

' - Поток нольсемь, поле включено.' - отможенные жидким водородом заработали сверхпроводящие катушки.

' - Есть пуск!' - выстрелились в сферу рабочей зоны маленькие кусочки металла.

И попали под невидимый, яростный поток нейтронов. Закрутились, испарившись — и превратившись в бублик ослепительной плазмы. Мощнейшее электромагнитное поле не давало коснуться стенок, держало... А раскаленный уже, после прохождения реактора водород попадал в маленький филиал ада.

' - Есть активация, поток девяносто!' - остаток слов, команд и подтверждений просто не услышали. Рвущийся в небо факел пронзила фиолетовая струя, рев оглушил...

Это еще не двигатель, даже не тестовый прототип. Просто демонстрационный макет, 'Луч-ДМ'. Но игла выхлопа, со страшной скоростью и грохотом дотянувшаяся до стратосферы впечатляла. Много лет пройдет, пока эту технологию доведут до применения, но потрясенные товарищи смотрели в небо — где рождался рукотворный антициклон. И родное солнышко осветило полигон, заблестало на тающей снежной каше, радуге испарений.

' - Импульс?' - Стоящий в гордой позе Глушко, как мне кажется, старался подражать героям

античности. Прометей, однако...

Странное у меня отношение к этому человеку. Отличный конструктор, но очень плохой товарищ. Не признает никого, оспаривающего и подвергающего сомнению его 'власть'. Тяжело то как, работать с такими 'гениями'. Все равно им — строить дворцы или разрушать. //Строить Энергию или разрушать Н-1/

Циферки на экранах перестали меняться, ослепительная струя за окном стабилизировалась. К шуму уже привыкли

' - Скорость истечения тридцать один... Тридцать два!'

— Ааааа!!! — вопль шел из глубины души. Толстые в неуклюжих защитных костюмах — обнимались. Пусть первые опыты, пусть. Но то, что мы видим — чудо!

' - Потеря активного тела пятнадцать процентов' - спокойно сказал оператор.

Чччерт! Грязное все-таки чудо-чудовище... С каждой секундой неизмеримо маленькие атомы активной зоны вырываются из плена магнитных полей, уносятся вместе с потоком плазмы. Уф, как грязно... Хорошо не плутоний в активной зоне, тот и так смертельно ядовит. Эх, работать и работать еще — не бывает чудесных двигателей.

' - Реакция в норме, эксперимент номер 45 прекращаем... Поле стоп!' - резко заглох луч, выплеснулись с последним потоком разъяренные частицы сверхтяжелого металла. Теперь, без возбуждающего нейтронного потока они моментально остынут. И упадут тут, посреди изгаженной людьми степи.

' Есть глушение реактора, поток тридцать пять, уменьшается. Продувка. Температура реактора норма, продувка завершена...' - Все, эксперимент закончен. Мы все еще оставались в бункере, за толстым стеклом светило в искусственную прореху в облаках ласковое солнышко...

' - Ну, Серега — держи!' - товарищ Глушко, как всем показалось, был в полном восторге. Как в молодости, и наш шеф тоже...

'... Валька, ты... Ты смог! Это же... Ключ!!!' Впервые вижу, как пытаются поцеловаться, стучаясь шлемами, люди в скафандрах.

// Хз куда встанет, но 1977 год точно/

' - Готов приступить к выполнению задания!' - Довольное лицо пилота, откинутае зеркальное забрало гермошлема отражало белую, иссушенную степь. Нашу дружную толпу, маршала, сказавшего напутственные слова...

' - Удачи, товарищ...' - просто обнял молодого собрата пожилой, седой уже человек.

' - Начинаем, пошел!' - уже совсем не по торжественному, просто работали ребята. По длинной лестнице новоиспеченный выпускник взбирался сам, лишь на верхней площадке двое ребят-сослуживцев, хлопнув по традиции по заднице, помогли — крепкими руками, поддержав, забраться на место. Задвинули блистер, защелкнули крепления, проверили все — и выдернули последние красные флажочки. Простой совсем способ контроля, но какой действенный. Долго удивлялись гости из-за-океана, потом сами стали использовать.

Второй заправщик — толстый, серебристый, покрытый инеем, медленно отъезжал от белой стрелы. Ледяная кислородная дымка струилась из цистерны и дренажных клапанов носителя. Ну а первый автозаправщик давно уехал, мечта алкоголика — простейшая химическая формула. Регулярно закрашиваемые слова постоянно обновляли курсанты - 'ОН', просто Це2АжпятьразОН. Ну да, этиловый спирт. Как учили в школе 'метил и этил пропили бутил'. Старое совсем топливо, малоэффективное.

Первая в мире баллистическая ракета, способная нести ядерный заряд — долго державшая под прицелом базы НАТО в Европе, полетевшая еще в год смерти Вождя... Уже десятилетия применяется для самых мирных целей. Метеорология, биология, астрофизика — да много применений можно подобрать для дешевой, наштампованной когда-то в большом количестве болванки. Ну а самое практичное применение предложил когда-то товарищ Микоян. До готовности 'Птицы счастья' еще далеко, отдельные детали испытывают. И, в том числе — макеты. Действующие, со всей аппаратурой, средствами управления. А набранных в группу космонавтов-пилотов надо проверять. Вот так крохотный прототип залетал регулярно.

Жаркое небо первого полигона, однако. Капустин Яр, первый наш космодром — тут еще с сороковых годов испытывали, тщательно обработав напильником, порождения сумрачного германского гения. Да, давно это было — война, Большая Война. Бесноватый фюрер, чуя своей проклятой шкурой поражение выделил таки финансы. И, мечты энтузиастов-ракетчиков сбылись — как всегда бывает с мечтами, не так. Баллистические ФаУ-2, они же А-4 падали на Лондон. И на другие английские, французские города — неся тонны взрывчатой смерти. На подземных заводах трудились рабы, умирая и выдавая на поверхность продукцию... Бред это был, конкретный. Стоимость одной 'вундервафли' была сравнима с ценой хорошего серийного истребителя. Ценность была скорее психологическая — нет защиты от падающей с космической скоростью смерти! Хорошо, что наци не додумались до другой, концентрированной, атомной мегасмерти...

Ну а этот носитель, великая — но совершенно не знаменитая 'пятерка', Р-5... Ее собрат, американский 'Редстоун' выводил на орбиту спутники, подбрасывал на пару сотен километров ввысь первых астронавтов. Когда 'ракетный Барон', Вернер фон Браун впервые увидел птичку — его слова было крайне трудно переводить. От волнения перешедший на родной германский, часто ругательный... Основной смысл был такой - 'Как?', 'Почему?', и 'Какого... Вы не запустили Спутник еще в пятьдесят четвертом?'

Можно было понять человека, увидел высшую степень развития своего детища, спиртово-кислородной Фау. Когда-то, сбежав к американцам, делал ракеты. И, естественно, продолжил прежнюю работу. Максимально форсировал, улучшил технологию. Получившаяся ракета прославилась за океаном. Вот только наш результат его потряс... Мы получили в конце войны несколько кусочков монстра, конкуренты утащили из под носа все заводы. Разбомбили Пенемюнде, первый космодром в истории, однако. Но совсем быстро совершили чудо — разрушенная страна яростно боролась за выживание, любой ценой... Первая советская баллистическая ракета полетела в сорок седьмом. Американцы тогда продолжали пускать захваченные в Европе ракеты, не задумываясь о новых, хватало захваченного железа. А дальше началась борьба — невидимая, неслышимая для всего мира. Смысл в которой был один — кто, когда, как — успеет. Пока генералы чертили планы ядерных бомбардировок нашей страны, летчики, в далекой Корее, навешали САКу по рогам. Стратегическое авиационное командование честно доложило — не получится забомбить красных, силенок не хватит... Нужны ракеты.

Ну а наш Главный подошел к делу обстоятельно. Получив кусочки чужой технологии сперва ее

просто повторили, весьма разумно. А потом обработали напильником как следует! Оружие возмездия гансов летало на три сотни, 'Пятерочка' на тыщу триста километров. С тем же двигателем, с тем же топливом. Американско-Немецкий 'Редстоун' летал всего на шесть сотен. Так что 'коричневый' товарищ Браун был поражен — создатель машины, получившей максимальное развитие уже без его контроля.

Совсем недавно ему врачи объявили диагноз. И приговор — рак. Опять гептил, всего полгода осталось жить человеку. Хорошему, не смотря на нацистские награды. Ведь когда-то посидел он в Гестапо, ожидая расстрела. Всего лишь за попытку использовать несколько ракет для исследования Космоса. Прекрасно осознающий ограниченность времени пришел он в Советское посольство. С простой, но сильно озадачившей дипломатов просьбой. Всего-лишь посетить космодромы, пообщаться с давними соперниками, принять гражданство ГДР — и умереть на Родине.

Долго ходил вокруг Р-5, обнял и даже, как показалось, поцеловал дюраль носителя. Все удалились на безопасное расстояние, звучали привычные команды. Выхлестнуло, разбиваясь о пирамиду рассекателя, спиртовое пламя. Как сказал один генерал - 'эти бы тонны моим бойцам — никаких ракет не надо, любой город снесут!!!'

Но поднималась в Небо серебристая стрелка, с наконечником крохотного крылатого корабля. Прижимаемый перегрузкой к катапультному креслу сидел там курсант — ставший уже летчиком-космонавтом. Через пять минут он взлетит на четыреста километров, посмотрит на Дом, родную планету с высоты. Через пятнадцать минут войдет в атмосферу. Новенький, экспериментальный — но уже космический 'МиГ' встретит ярость плотных слоев атмосферы титановой шкурой и, пройдя на гиперзвуковой скорости тысячи километров, сядет на полосу Тюра—Тама. Огромную, недавно построенную — крошка 'Спираль' будет казаться мухой.

И еще один, проверенный, выбранный из многих пилот будет готов. Готов, насколько возможно для человека, существа — состоящего из плоти и кости. Летать там — в чернобелой пустоте, смертельной для всего живого. Видеть неприкрытое сияние светила. Такой ласковый лучик Солнца дома — превращается в яростный протуберанец, потоки излучения. Стоит только глянуть — и можешь ослепнуть. Почти как на вспышку термоядерного взрыва посмотреть. Хм. Так оно и есть...

// Добавлю потом, как Муза придет — переход. И вот — самый грустный кусочек. Написанный давно. Его продолжение — и многие другие кусочки погибли. При весьма мистических обстоятельствах. До сих пор хожу задумчивый.../

'... И сейчас готовятся к первому входу в плотные слои атмосферы. Скорость корабля превышает...' - аккуратно обошел оператора с телепушкой, снимающего увлеченно тараторящую молодую симпатичную журналистку. Болтала, впрочем, она по английски.

Прошел на свое рабочее место, одел наушники. Пробежал глазами по экранам, все в порядке. Сотрудники компьютерного отдела ЦУП-а спокойно продолжали контроль, не нуждаясь в начальственном пригляде.

Час назад космонавты отстыковали жилой отсек и перевели корабль на траекторию попадания. От громадины массой почти полкилотонны, собранной когда-то на орбите, домой вернется только трехтонный спускач. Ну и еще болтающийся на солнечной орбите жилой блок. Вдруг, может быть — спустя многие годы, его тоже приведут домой, в музей сдать. Но эту заботу мы оставим потомкам. Вспомнилось, как недавно служба слежения заметила подлетающий к

Земле неопознанный объект, по тревоге были подняты новорожденные силы UNSC. Тревога оказалась ложной, после десятилетнего болтания в межпланетном пространстве вернулась к Земле третья ступень от американского 'Сатурна'. После недолгих споров состоялись маленькие учения — бедный бочонок испарился в пятидесяти тысячах километров от родного мира.

Но пора за работу, пошел контроль программы последней коррекции. Для успешного возвращения падающий, со скоростью в пятнадцать километров в секунду корабль должен попасть в игольное ушко. Узенький, всего десяток километров, коридор входа. Как говориться, шаг влево, шаг вправо карается — либо кремацией, либо мумифицированием и вечным полетом в пустоте.

Все, центр обработал данные и выдал параметры. Движок в последний раз включился, выплюнув пару десятков килограмм горючки.

' - Хорошо идете, хорошо... Попадаем в коридорчик, попадаем!' - от волнения товарищ Перминов заговорил так странно, немного сюсюкая — у многих на лице появились улыбки. Все хорошо, ура! Позади путь длиной в миллиард с лишкой километров, встреча с тремя мирами. И вот теперь ребята возвращаются домой, остался последний шаг...

' - Высота двестидвадцать, коридор норма. Отделение ПАО' - четко, по военному отрапортовал командир корабля.

На пульте мигнули и погасли огоньки контроля систем приборно-агрегатного отсека, обнулились циферки топливомера. От корабля сейчас осталась только 'фара' спускаемого аппарата. Но тяжелыми, свинцовыми глыбами упали на нас слова, спокойно прозвучавшие в динамиках...

' - Нет отделения'.

Я впервые увидел, как мгновенно седеют. И у самого челюсти сковало судорогой, волосы дыбом.

' - Повторяю, нет отделения ПАО. Переход на ручное...' - в мертвой тишине центра звучали страшные слова обреченного человека.

Да чем тут уже поможет ручняк, чем?! С неотделившимся агрегатником, похожий на пулю от 'макарки' корабль и воткнется в атмосферу как пуля. Нет, в двадцать раз быстрее любой пули, причем не броней теплозащитного экрана, а хрупким люком, крышками парашютных контейнеров. От перегрузки ребята быстро потеряют сознание, сколько времени в невесомости были. Урржжж... Они же еще на ремнях повиснут!

И в унисон мыслям прозвучали спокойные слова балагура Егорова, весьма бы смешные в другой ситуации.

' - М-да, командир. Это песок, а песок не излечим. Как доктор говорю'.

Ответ мы не расслышали, заглушил нарастающий шум помех.

Полная тишина, только шуршит в наушниках статика, замершие с открытыми ртами журналисты, застывшие сотрудники центра. Кто схватившись за голову, кто с побелевшим лицом смотрели на потухшие экраны.

Где-то там, далеко-далеко над Атлантическим океаном горел в плазме искусственный метеор. Где-то там, в экзосфере, вцепившись в джойстики окаменевшими руками, пытался повернуть корабль, не подставить под яростный жар родной планеты уязвимый нос, его командир. Успеть, главное успеть — пока нарастающая перегрузка не дойдет до убийственной двадцатикратной и погасит сознание...

Где-то там, посреди океана, отвернувшись от замолчавшего приемника, капитан авианесущего крейсера стиснул кулаки и рявкнул непередаваемые слова. Но, повинувшись им, описав на полном ходу циркуляцию, встала на ветер громада корабля. Опалив форсажным факелом палубу, прыгнул с трамплина в небо первый Миг.

Где-то там, далеко над казахской степью, на борту поисково-спасательной вертушки, остановилось усталое сердце великого Человека. И запустить его пытались, прилагая все усилия, квалифицированнейшие врачи...

А тут, в подмосковном Звездном, царил тихий ужас. Все взгляды были прикованы к табло электронных часов, запустившихся в момент потери радиоконтакта.

Минута.

Две.

Три.

' - Аэлита, здесь ЦУП, ответьте...'. Оператор начал безнадежно, но строго по графику вызывать корабль. Как раз сейчас он должен был бы, если бы все шло по плану, вынырнуть из атмосферы назад в космос.

Четыре минуты.

Там, над Атлантикой устремившиеся в стратосферу истребители, включив радары, обшаривали почти по-космически темнеющий небосвод.

Пять минут.

Уже десяток машин, разлетаясь на все стороны света, искали. Хоть что-то, хоть падающие обломки. Авианосец, похожий на растревоженный улей, продолжал регулярно выстреливать все новых птичек в небо, на корме раскручивали винты вертолеты. Послали его в этот район океана так, на всякий пожарный. Увы, пригодилось.

Шесть минут. В зал прибежали медики центра подготовки, много им работы. Да, похоже что все. Жизнь — только миг, и точка с запятой...

Как же трудно. Как тяжело нести такой груз. Режет сердце печальная музыка, больно смотреть... На молчащих, замерших в тоске, траурной грусти людей. Не надо никакой милиции, все и так соблюдают порядок. Черное, все черное... Черные лица, черный день. Ну как, как так могло случиться! Как...

Тишину, мертвую тишину центра нарушили связисты. Радостно заорали, переключая тумблеры. И, сквозь помехи донесся далекий голос.

' ...овторяю — я пятый, вижу цель! Квадрат девять два пять, повторяю...'

Мы все вскочили, прижимая наушники — и с надеждой слушали...

' — Высота одиннадцать скорость восемьсот...' - падает стремительно скорлупка спускача, ну давай птичка, не подведи!

' — Вышел парашют, повторяю — наблюдаю раскрытие купола. Что? Нет, один, повторяю — купол один...' - тут кто-то очень жизнерадостный уже стал кричать 'ура'. Не вовремя, рано — ох как рано радоваться начал. Бывалые товарищи успокоили оптимиста.

Один — всего один из трех... Значит, два других парашютных отсека повреждены. Прогорели или просто заплавились крышки. Что там — внутри корабля, не расплавился ли люк... Чудо, что он вообще не сгорел, как спичка. Есть ли там кто живой? Двадцатикратная перегрузка, каменная, на такой скорости стена атмосферы. И один, всего один парашют открылся.

Разрубая форштевнем океан, спешил на предельной скорости огромный корабль — капитан вывел реакторы на полную мощность. Турбины ревели, раскручивая винты — риск, оправданный риск. Немного опережая, неслись вперед вертушки, выставив ласты готовы были боевые пловцы. Стремительные Миги кружились вокруг падающего спускаемого аппарата...

Ох, хорошо об воду ударился корабль, потухший купол плавал грязной разноцветной тряпкой. Все это мы увидели на киноэкране лишь спустя много дней. А тогда приходилось ловить обрывки радиопередач, представляя реальность.

'...шшш...'

'... подтверждаем, есть посадка!' - мертвые экраны Центра, нет телеметрии, нет связи. Лишь далекие голоса вояк, доносящиеся по спутниковому каналу.

'...Центр, говорит Орел. Просьба, подтвердить последовательность открытия люка... Что? Там нет указанных объектов! Как нет? Просто нет...' - сгорели.

Уже потом, совсем потом — смотрели мы киноролик. Снятый простой, пленочной кинокамерой. Корабль, точнее спускач — выглядел... Страшно. Оплавленный, потерявший форму. Люк, взрезаемый автогеном на палубе. Точнее — его оплавленные остатки, тщетно пытались водолазы заглянуть в иллюминаторы. Потекшее как воск стекло, с вкраплениями обшивки стало совсем непрозрачным... Долгие, долгие минуты были потеряны — сперва прямо в море пытались открыть корабль, потом прицепить тросы к сгоревшим креплениям. Наконец, долетела тяжелая вертушка, просто поймали 'фару' корабля сетью.

И, уже только на палубе смогли открыли корабль... Дым тлеющей, в теории негорючей внутренней обшивки потянулся из распилов. Матрос, орудовавший алмазным резакон, закашлялся. Куски люка выламывали обычным ломом, время... Время решало все. Извлекаемые фигуры в скафандрах, похожие на безликие куклы. Капли, потеки пластика...

Спасательные шкурки 'Кайр' справились. Зеленые огонки светодиодов на рукавах погасли — под контролем врачей одежду не снимали — срезали. Увеча многослойную спасательную броню, стараясь не задеть и не потревожить лишний раз хрупкие тела. Мы все в центре, затаив дыхание — слушали обрывистые, скупые слова по радио. Медицинские термины, торопливые слова...

'...кислород, быстро. Не трогать грудь! Только дыхательная подача...' - тревога, сперва утихшая — нарастала вновь.

Тишина, тишина. Уже потом, много дней спустя — мы узнали, как все было. Прямо на летной палубе весь медсостав авианосца ожидал доставку корабля. Медики были в курсе всех возможных неприятностей, космонавтов старались достать очень бережно. Но изломанные страшной перегрузкой тела были похожи на гуттаперчевые куклы...

Помощь пришла вовремя — увы, не для всех. Гера, отстегнув пристяжные ремни, управлял кораблем до последнего момента. Держал осью против потока, стараясь не подставить люк, точно рассчитав единственно возможный вариант спасения. И, когда яростная плазма расплавляла крепления, сгорели коварные болты, взорвалось оставшееся топливо в баках — фару спускача закрутило. Он потерял сознание, перегрузка зашкалила за двадцатку. Его собственные руки, как тяжеленные гири — упали. На грудную клетку... Командир был еще жив, самый первый очнулся — и, хрипя, булькая пузырями крови на губах, пытался что-то сказать. Много версий слышал я, почти каждый, кто был рядом — услышал что-то свое...

Врачи делали все — все, что могли. Но многочисленные внутренние кровоизлияния, переломы и трещины почти во всех костях оставляли мало шансов. Герман Степанович Титов, космонавт номер два, командир второй Лунной, первый человек, побывавший на Марсе и Фобосе, скончался на палубе атомного авианесущего крейсера 'Орел'. И навсегда стал, остался в нашей памяти первым... Если люди идут в Космос жить — значит, следом всегда будет красться разрушительница надежд. //Перерыл полки — не нашел 1001 ночь. А она там есть :(/

Георгий и Борис выжили, перенесли двадцатикратную перегрузку — дробившую кости, отрывавшую от корней зубы... Через несколько лет, проведенных в непрерывных лечебных процедурах — смогли вернуться к нормальной, почти нормальной жизни. Они больше никогда не летали...

А нас, всех собравшихся в Центре управления — добило еще одно печальное известие. Товарищ Мишин, уронив трубку телефона, прошептал - 'Сергей... Ну как же так...' - и прижал ладони к лицу, серому от горя. Не стесняясь, плакали все, от мальков-стажеров до академиков.

А через полчаса — вся страна. Как радостно готовили, потратив километры кумача, торжественные парады, как ждали — но хриплый голос диктора, бессменного товарища Левитана, сообщил трагическую весть.

Как тяжело, как холодно... Морозный февральский ветер несет поземку, забивая щели между гранитными бульжниками. Легкая совсем доля груза на плече — мегатонной горя давит на сердце. Уж слишком мы расслабились, привыкли к легким победам. Да и я грешен, чего там... Думал — корабль проверен на сто процентов, сколько лет летает. Но крохотные, в сотни грамм веса болтики жестоко доказали — случится может все. И предусмотреть, предвидеть все возможные случайности невозможно. Ну кто мог подумать, что заботливо укутав на все время долгого полета корабль дополнительной изоляцией — совершили фатальную ошибку? Кто... Некого винить. Меньше пятнадцати лет прошло, как мы впервые коснулись бездны — таящей множество угроз.

Мы несли скорбный груз по площади — помнящей многое. Несли мимо стройных рядов войск, в основном летчиков. И космонавтов. Все предыдущие трое суток, посменно сменяясь стояли мы почетным караулом, устало глядя на проходящую, скорбящую колонну.

Они лежали рядом, два тела. Ну не могу я на это спокойно смотреть! Не верится, что кипучая расчетливость Главного и холодная решимость Германа тут... В хрупких телах, лежащих в увенчанными венками гробах. Нет, хочется верить. Что где-то там, в неизмеримой никаким

прибором дали они продолжают полет. Полет в Вечность.

Он казался просто спящим, вот- вот, кажется, усталое лицо Сергея Павловича разгладится — и спросит он '...как там ребята...' Лежали рядом, на бархатной кушеточке награды. Сперва официальные, три Звезды Героя Социалистического труда. Орден Ленина и простая, без украшений звезда. Выданная посмертно, Звезда Героя... А рядом сиротливо притаилась еще одна звездочка, пока не внесенная в геральдические справочники. Тусклым серебром невзрачно светил пятиугольник, отлитый из сказочного мифрила. Титан, из далекого лунного кратера.

Ну а Гера... Хорошо постарались косметологи, выглядел совсем не так ужасно, как после посадки. Удачной, не смотря ни на что. Спас он, ценой жизни все — друзей, корабль, пробы — да провались они пропадом! Но лежит он сейчас, сложили руки специалисты, заботливо выпрямив изломанные кисти рук. И этими самыми хрупкими пальцами держал он, не взирая на боль и страшную тяжесть корабль — не давая свалится в смертельное на такой скорости пикирование. Держал до конца. И эти, собственные надежные руки — его же и убили... Сколько весит ваша рука? Килограмм пять-десять, в среднем. А теперь представьте, что весит в это мгновение она в двадцать раз больше. И долго удержите две сотни килограмм, и что будет — когда уроните их на себя...

Тщательно разбирали мы причины случившегося, работая — чтобы не допустить такого впредь. Первое, что было сделано — изменена программа управляемого возвращения, на всех кораблях. Теперь, в случае неотделения любого из отсеков компьютер должен совершить маневр. Маневр имени Титова... Пусть если такая гадость случится даже с обычным орбитальным кораблем — мы должны быть готовы. Но, конечно тут проще, скорость входа всего восемь километров, вместо пятнашки 'Аэлиты'. Долго нас упрекали всякие неграмотные товарищи, в основном журналисты зарубежные. Основной смысл был — почему же корабль шел на рискованную посадку, вместо такой удобной и привычной стыковки с орбитальной станцией.

Эх, как же трудно объяснить такие простые вещи! Межпланетный корабль домой не просто летит. Домой он падает — как кирпич в колодец. Если к моменту входа в область притяжения Земли его скорость была 4 км/с, то за два дня падения, пролетев 400000 км, он разогнался до пятнадцати — на величину второй космической скорости. Небесная механика — дело такое... Ну а станция нарезает витки вокруг нашего Дома на скорости меньше восьми километров. Забавная стыковочка получится — взрыв будет видно днем, в полдень!

//Разрыв. Заполнить./

' ...это Центр. По расчету вы вышли! Удачи, товарищи!'

Торжественно подняли, чокнулись пластиковыми тюбиками, провожая крайнюю ночь. Туманный, сине-белый серп Земли, далекий диск Луны. Красивый вид из форточки... Виднелись края краснеющих от нагретого теплоносителя радиаторов, два реактора надежно были скрыты щитами биологической защиты, болтаясь на концах стометровых ферм. И работали движки, выхлопные струи в виде почти незаметной, туманной дымки улетали в пространство с огромнейшей скоростью... В Космосе не действуют привычные законы, тут принцип 'тише гонишь — быстрее прилетишь' работает. Да еще как — в невесомости очень малую роль играет тяга, гораздо большую — скорость истечения материи. Наша огромная, ажурная игла никогда не сможет сесть на любую планету. Дело даже не в хрупкости

конструкции — при летной массе, без полезной нагрузки в три сотни тонн... Тяга маршевых двигателей аж тысячу ньютон-ов! Переводя на обычный язык — сто килограмм. И это хорошо, аргонная плазма вылетает из сверхпроводящих катушек со скоростью в сто шестьдесят километров в секунду. Кушая при этом пяток мегаватт электроэнергии...

За каждую секунду наша скорость увеличивается на десять сантиметров. Целый метр за десять секунд! Наша родная Земля остается позади, мы набрали скорость ухода. Эх, когда-то, мы с Юрой разогнались всего за двадцать минут. Но, коэффициент полезного действия химических движков... Паровоз обгонит.

Все, впереди долгий-долгий день. Долго, очень долго будет светить нам попутное солнышко, и не будет тени. Совсем. Далеко-далеко от нас проносятся маленькие каменные шарики, крохотные в бездне пространства. Там, на орбитах вокруг родного светила останутся твердые, землеподобные планеты. Крохотный, тяжелый и перспективный Меркурий. Огромная и таинственная Венера. Родная Земля, с увязавшимся шариком Луны. И Марс, ржавый, мертвый — но такой полезный. Если что пойдет не так — нас там встретят и помогут.

Очень, очень трудно понять простым обывательским мышлением всю глубину Бездны. Для того, чтобы осознать размер Солнечной системы, пылинки в безбрежном океане миров... Уменьшим для примера все размеры в десять миллионов раз. И Земля окажется шариком размером всего в один метр тридцать сантиметров. Мячик. Самая высокая гора окажется высотой меньше миллиметра... Далее, в том же масштабе, шарик Луны. Диаметр тридцать пять сантиметров — на расстоянии в тридцать девять метров. Вот такая вот арифметика.

Ну а до светозарного Солнышка — пятнадцать километров! В таком масштабе оно всего сто сорок метров диаметром. Ну и как, продолжаем чувствовать себя 'царями природы'?

А до ближайших звезд гораздо дальше... Пока мы лишь можем на них смотреть. Колочие, далекие-далекие искорки термоядерного пламени. Эх, как же они далеки! Наш корабль только что разогнался до скорости, второй космической. Чуток всего, одиннадцать с половиной километров в секунду — мизер в масштабе вселенной. Временно утихли двигатели, оставшаяся далеко позади станция накручивает витки вокруг родной планеты, всего за полтора часа совершая кругосветное путешествие...

Вот и все. Мы летим, уже не подчиняясь гравитации родной планеты. Почти — она еще действует, искривляя траекторию. Но все идет строго по расчету — через пару суток корабль выйдет из сферы притяжения. Условной сферы, конечно — гравитация Земли будет действовать и дальше — но воздействием меньше одного процента можно пренебречь. И наш корабль выходит на солнечную орбиту.

Любовались мы видами в иллюминаторе, провожая на долгие годы Родину. Прекрасный, хрупкий шарик... Не видно там ни государств, ни границ — вообще следов деятельности Человечества. Конечно, всего за полчаса можно таких следов наделать... Эх, хорошо сейчас и спокойно дома — от Сибири до Калифорнии в командных бункерах сидят смешанные команды. И подтверждение на запуск должны отдать два офицера UNSC, разных наций. Спят спокойно Париж и Москва, Нью-Йорк и Бейджинг...

Мир под ногами удалялся, из чаши превращаясь в полусферу, в шар — уменьшающийся с каждым часом.

Ну вот и прошло расчетное время, упрятанные в бункере ЦУП-а компы, раскинув электронами по микросхемам, выдали параметры разгона — связь пока почти без задержки.

Заработали двигатели ориентации, развернув иглу корабля, снова засветились радиаторы — рассеивая в пространстве лишнюю энергию. С пользой — и немалой.

Очень когда-то удивились неожиданному эффекту: ускорение корабля с экспериментальным двигателем менялось по странной закономерности, погрешность достигала девяти процентов! Причем — в разные стороны. Сначала никак не могли понять, почему. Но затем выяснили, разогретые радиаторы системы охлаждения излучали — фотоны. И, давали тягу — крохотную в обычных условиях. Но магнитоплазменные двигатели и так были малой тяги, и это излучение на нее влияло — вот с таким вот результатом.

Но лишние проценты на дороге не валяются — теперь дополнительное усилие строго ориентировано по вектору, тепло сбрасывают с пользой...

Вот так мы и летели — двухсотметровая игла 'Цандера' шла весьма странно для фантастических фильмов, боком к вектору. Сияли колючие струи выхлопа, тек по системе охлаждения жидкий натрий, краснели радиаторы, распадались ядра урана в капсулах реакторов.

Земля уменьшалась с каждым днем, превращаясь в крохотный шарик. Очень грустно было смотреть в иллюминаторы — и закрывать ее пальцем, особенно мизинцем...

Еще через десяток дней родной дом превратился в яркую голубую точку, с крохотной белой искрой спутника. Реакторы убавили ярость распада материи, радиаторы погасли. До следующего раза...

Наш корабль, огромный, не похожий совсем на фантастические мечты — летел. Свободный уже от притяжения родной планеты, по точно рассчитанной траектории — шел. В долгий-долгий путь к цели. Призрачной цели...

//Разрыв/

Цель... Когда обыватель слышит привычные слова - 'Пояс Астероидов', реакция однозначна. Человек представляет огромную кучу камней, роящихся, сталкивающихся — красивых и страшных. Ах, да — там еще живет в пещере страшный, вечноголодный злой червяк! Конечно злой — вокруг только камень, никто не кормит. Одна надежда — вдруг прилетят придурки, найдут в пасть... С учетом такой вероятности червяки сдохли, давно.

И красивые картинки тоже. Тут просто пустота. Такая же, как в остальных пределах Солнечной Системы. Нет красивых картинок... Но камни есть!

Летит такой себе довольный камушек, аж метр размером. И тысяча километров до соседа.

Десять метров — сто тысяч километров... Есть тут большие камни, размером в сотни, даже тысячи километров — но и расстояние соответствует. Если собрать в одну кучу все камушки из многомиллиарднокилометрового пояса — получится половинка родной Луны, по массе...

Аффигеть, как боялись писатели-фантасты — описывая всякие ужасы, пугая читателей.

Но нам не до шуток, концентрация пыли тут значительная. Что страшней — кирпич или пылинки? Мы тихо-тихо крадемся, относительная скорость маленькая. Но датчики звенят

слишком часто... Датчики? Это просто пластинки, двухслойные. Попала пылинка, замкнула цепь — компьютер получил новые циферки. И потерял капельку нервов экипаж...

//Разрыв/

'Новый Год, новый год...' - по радио уже звучали поздравления — наша Держава велика! Петропавловск и Владивосток уже гудят, Новосибирск и Свердловск готовятся. Ну а мы живем по времени Звездного. Хотя для летящего межпланетного корабля понятие 'Новый Год' весьма растяжимое — ведь дома, на Земле — это начало нового витка вокруг родного Солнышка... А мы что, не Земляне? Значит праздновать будем за компанию, по т — МСК!

И накрываем праздничный стол — в меру возможностей. Достаем лучшие деликатесы из пищевых контейнеров — вакуумированный шашлык, например. Приготовленный год назад, с пылу с жару попавший в плен металлопластика. Тюбики солений, салатов. И вот, наконец — праздничный стол готов. Укрытый капроновой сеткой — блюда сидят за решеткой, во избежание побега в невесомость. Аппетитные запахи струятся по отсеку, краснеет икорка — на крохотных хлебцах, покрывая каплю масла — выдавленного из тюбика. Ня!

Ну а с питьем проблем нет — изначально, еще двадцать лет назад в проект было заложено вино — каждый день в рационе пятьдесят грамм... Именно естественное — не порошковое. Вода в системе жизнеобеспечения восстанавливается из отходов — с потерями. Определенный процент улетает в вакуум с твердыми отходами. Значит, нужно пополнение — ну а красненькое микроэлементы и просто хорошее настроение содержит. Конкурс был большой на поставку, среди всех стран Совета Экономической Взаимопомощи...

На застолье смотрел молчаливый глаз телекамеры, транслируя картинку. И мы, заранее — с учетом запаздывания поздравили Дом. И нам, тоже с расчетом, отправили бой Курантов, поздравления от товарища Андропова. В точно рассчитанный момент подняли мы пластиковые бурдючки, стукнули краями...

Ура, товарищи — поздравляем с новым, тысяча девятьсот восемьдесят шестым годом!

=====

Спать в невесомости приятно. Ничего не давит, тело принимает любую удобную позу в коконе спальника, дверь каюты, хоть и крохотной, надежно отгораживает от шумов жилого отсека, разговоров дежурной смены. Лишь тихо шуршат вентиляторы, разгоняя выдохнутый мной ядовитый углекислый газ, перемешивая атмосферу корабля. Где-то далеко, в нашем крохотом мирке попискивают успокаивающе другие приборы. Мы дежури́м посменно, иначе нельзя — и все годы полета напарников видим только за завтраком или ужином. Пора спать... Только-только задремал, нравится мне засыпать, глядя в окошко. На холодные, разноцветные блестки, миллиарды далеких солнышек... Но зуммер — не страшный аварийный, а обычный тревожный прерывает дрему.

— Пик-пик! — задумчиво говорит компьютер, обслуживающий радиолокаторы. Эх, хорошо летающим в атмосфере самолетам — снизу плоскость, и сверху плоскость — недостижимого потолка. А нам надо смотреть уж совсем во все стороны — и вперед, и назад, и налево и направо. А так же вверх и вниз, вот такое полное три-д.

— Обнаружена цель, диаметр двести метров, вектор... Относительная скорость плюс тристочетыре. Мы уже давно вошли в Пояс. Но это такой огромный объем пространства, что привычные размеры тут не годятся — мерять трудно, представить еще трудней.

— До цели двадцать пять мегаметров, расстояние увеличивается! — мизер в этом пространстве, торе толщиной в десять световых минут, крутящимся вокруг Солнца.

Выпутываясь из объятий спальника, натягивая форму — обдумывал варианты. Радары камушек засекли почти на пределе чувствительности — всего пятнадцать тысяч километров стандартная дальность обнаружения. Это только в фантастике сенсоры на световые годы смотрят, у нас таких нет — увы. Но размер достойный, да и отражающая способность тоже что-то говорит, стоит бахнуть...

' — Капитан на мостике!' - хитро ухмыльнулись ребята. Мы когда-то, точно от американцев заразились — уже традицией стало на всех кораблях носить в ответственный момент головной убор — фуражку, пилотку или кепку. А вот стиль и фасон не оговаривался — по выбору. Кто носил эмблемы родной державы, кто значки родных училищ. Крабы военно-морского флота, крылышки летчиков, десантные лябы — вот только шайбу ЮН никто не таскал — не нравилась она... Споры долгие идут — надеюсь, придут к единому варианту. Да и международный институт лингвистики создан, может получится что из этого сборища?

А на моей голове кепка — с красивой эмблемой, десять лет назад придуманная гениальным физиком и великим ученым Фейнманом. Но главное — Ричард неудержимый шутник! Про все истории рассказывать долго — но когда мы, в составе международной комиссии, работали над чужими ошметками — поднял тему, как будто в шутку.

'- Господа и Товарищи! Мы работаем над странными вещами и странными делами, и нам точно необходим отличительный знак. Ведь инопланетян среди нас нет, КГБ бдит!' - хитрый взгляд в нашу сторону, ну это он зря шутил. Были проверки, были. Следов не обнаружено.

'- Так вот, нам нужна эмблема! Для отличия. Предлагаю простейшую — символ бесконечности и стрелка факториала, думаю даже школьники поймут...' - эх, весельчак все-таки, хоть и нобелевский лауреат. Нас было совсем немного — человек пятьдесят. Ведущие ученые, космонавты и астронавты, летавшие за грузом. Математикой владели все, символ понравился сразу. Кто знает, тот поймет. А вот неграмотные или злоязыкие — или излишне религиозные обзывали 'охреневшим знаком'... Потому что в дальнейшей эволюции эмблемы стрелка сместилась левее — и протыкала лежащую горизонтально восьмерку символа бесконечности.

Ну чтож, будем соблюдать традиции — подлетел к телескопу, полюбовался на далекий камушек. Похож на огурец, но блестит уж очень ярко. Будем дальше играть в подводников.

— Третий торпедный аппарат товсь!

— Есть, капитан! — приняв игру, веселились ребята, вводя параметры в блок наведения.

— Дистанция до цели двадцать пять мегаметров, увеличивается... — да, улетает камушек, торопится. До него больше двадцати пяти тысяч километров и с каждой секундой он удаляется еще на триста метров. Ну это совсем близко по космическим меркам, да и скорость маленькая совсем. Относительная, конечно — на самом деле мы крутимся по орбите вокруг Солнца с хорошенькой такой скоростью, в двадцатку км/сек. Ну это почти как стыковка на орбите Земли — и станция, и корабль гонят по восемь километров, но их относительная скорость уравнивается — в случае успеха, конечно.

— Третий готов!

— Огонь!

Но не было никакого огня, тряски. Отщелкнулись захваты подвески, действительно под номером три. Отделилась крохотная, весом в три сотни килограмм, ракетка. Абсолютно не похожая на своих воздушных сестренок — выглядела скорее как пень какой-то. А зачем аэродинамика в безвоздушном пространстве? Идеальная форма бака — сфера. Вот и выглядело это чудо военпрома как два шарика, по бокам в месте соединения два движка. Сверху коробка управляющего компа, четыре микрика наведения и полезный груз. В данном варианте совсем мирный — никаких боеголовок, особенно спецБЧ. Просто тридцать килограмм сверхчистой меди. Зачем? А мы же сюда не воевать прилетели, исследовать. Но к каждому встречному камушку подлетать — никакого топлива и времени не хватит. Так что, пыхнув на последок ярким факелом обычного, химического пентаборанового пламени — ушла ракета к цели. Разогнавшись до шести километров в секунду, следуя системе наведения — шла она к цели. И мы ждем результата — почти полтора часа. Вот такой вот парадокс — достать мы можем дальше, чем видят радары. Ну и какой тут уж сон — графики смешиваются уже который раз — но это ведь не скучный полет в пустоте!

Наш комп старательно считал параметры — и отделил ракету от боеголовки, остатками топлива увел в сторону. Ну вот, будет еще один метеорит, теперь рукотворный... А болванка шла по точно рассчитанной траектории... Почему медь? Во всех найденных на Земле метеорах содержание ее минимально. Это объясняется понемногу принимаемой теорией электромагнитной диссоциации веществ, еще при зарождении планет Солнечной системы. Вообще, меди в метеоритах нет — и наша болванка щаз как вдарит! Корабль сориентирован, главный телескоп смотрит неотрывно на цель — и к нему подсоединен спектрометр.

— Пять секунд... Две... Есть!!!

— Спектрометр в норме, есть прием параметров... — честно говоря, мы вандалы. Летают себе камушки, никого не трогают — а тут бах! Втыкается тяжеленькая плюха, сама испаряется и других заставляет. Породы в месте попадания превращаются в раскаленный светящийся пар — но каждый светит по своему. Вот что такое спектрометрия — находясь в десятках тысяч километров, глядя на далекий пар — мы его изучаем. И быстро понимаем, что нашли. А иногда — давно это было, еще в девятнадцатом веке. Спектрометрию изобрели, товарищ Менделеев свою таблицу еще не выснил. И открыли гелий — сперва увидев на Солнце, потом найдя на Земле!

'Вот такая вот польза от абстрактного знания, подумал питекантроп — убив махайрода бивнем мастодонта'

— Вова! Капитан... — отвлекли от такого зрелища...

— Ну что там у вас?

В полумраке светился экран компьютера, тщательно рисовавшего графики. Точнейший прибор передавал информацию, ну а процессор, после обработки — переводил в понятный для Человека вид кучу цифр. Достаточно одного взгляда, ух ты!!! Обычно большинство метеоритов — это осколки самого раннего периода формирования Солнечной системы, четырехмиллиарднолетние слепки углерода, азота, железа — список длинный... Но иногда на Землю падают странные камушки, выходящие из привычного образа. Чистейшее железо, например. Ну а тут спектрограф дал удивительный расклад. Линии, пометками из загруженной

в память таблицы, дали удивительный, чудесный результат.

— Вот это да... — мысли у всех наз были схожие.

— Клондайк, етить его налево! Платина...

//на переделку.

— Ну что ж, пойдем кочегарить 'паравоз'? — хмыкнул Валера.

— Да. Пока Земля раскачается — много часов пройдет.

Мы долго разглядывали ленты с анализами. Ну а наш штурман //Блин, найти список дл// вгонял в комп цифры, рисуя на маленьком экране графики. Примерная масса объекта определена, есть смысл наведатся и застолбить этот булыжник. Вопрос лишь в цене вопроса — громада нашего МКК 'Фридрх Цандер' идет по точно рассчитанной траектории к совсем другой цели. Врубать реакторы на маршевую мощность, включить плазменные моторы? Тогда на всей цели полета ляжет толстый болт — пока мы, на суперэффективных но малтяговых магнитоплазмниках догоним 'клондайк' она убежит далеко, по своей орбите.

Но есть и другой вариант, расстояние по космическим меркам мизерное. И, как у настоящего корабля наш 'Цандер' несет малые, целых четыре штуки, шлюпки.

И защелкали тумблеры на пультах — раскиданных по отсекам, для вящей безопасности. Загудели трубопроводы, подавая ядовитую вонючую жидкость в бак 'баркаса'.

Мы ужинали всей командой — теперь уже график дежурства сломан, совсем. Глотали деликатесы, запивали соками и 'штатной' дозой вина. А дальше был основной шлюзовой, долгое ковыряние в бронированных шкурках. Все в порядке, все в норме — захлопнулись гермошлемы, закрылся люк. Зашипели клапана, одежда раздулась и стала тесной, привычной вакуум-кожей. Открылся внешний люк шлюза.

Беззвучная тишина изредка нарушалась технческими вопросами, чаще шумела статика. Бездна окружила нас — блистаясь колючими искрами далеких звезд. Наш рейдер вращался — и время от времени сквозь позолоченное стекло гермошлема сияло далекое Солнце. На расстоянии в четыре миллиарда километров оно было... Маленьким. В двенадцать раз меньше, чем привычное Вам — яростный уголек в звездной круговерти.

Звезды так манят, они такие красивые — разноцветные, далекие и близкие. Относительно.

Даже если заправить 'Цандер' под завязку, закрепить навесные баки с рабочим телом вместо полезного груза — все равно полтысячи лет до Проксимы Центавра ковылять, причем без возможности не то что вернуться — а просто остановится у цели.

Но лесенка подошла к концу — сотня ступенек, полсотни метров. И знакомые кремальеры люка. За ними свет, тепло — и воздух.

'Дом', родной Центр Управления ответил согласием. Ну вот только сейчас пришел ответ, в космической механике минута промедления часто равна потерянными часам...А то и годам. Тяжелая, бронированная одежда пристегнута, система жизнеобеспечения проверена. Наш 'паровоз' готов вперед лететь!

=====

=====

Я сидел, спокойно и расслаблено на удобном камне, прислонившись ранцем к возвышающейся позади скале. Уютная долинка, место крайней высадки, красивая. И красиво смотрелся стоящий на восьми гибких лапках-опорах наш корабль. Все, пробы погружены, все рассчитано — можно просто посидеть и отдохнуть. Над близким горизонтом вставал далекий шарик Юпитера, но даже отсюда видно полосы облаков. Хотя лететь до него не ближе, чем до дома — просто планета огромная. Небосвод плавно пересекала яркая черточка, наматывая очередной виток вокруг планеты. Есть еще время, можно расслабиться, вспоминая и мечтая...

Наш корабль, точнее маршевые ионоплазменные моторы долго проверяли и отработывали. Сперва на орбитальной станции, потом на буксирах. А в середине 77го пришло время решающей проверки. ИКИ, потратив бюджет на несколько лет вперед, запустил два "Атланта" модели Н1Ф2. В это время в Солнечной системе приближался момент, случающийся очень редко — все дальние планеты выстроились так, что их можно одним зондом облететь. Отфутболившись гравитационным маневром от толстяка-Юпитера, набрав на халяву некую скорость быстро долететь до Сатурна. Немножко худосочней он, всего в пятьдесят раз больше Земли — зато какие красивые кольца! Дальше Уран, сам поменьше и кольца пожиже — но какого хрена он, в отличии от всех остальных планет лежа на боку вертится? Похоже давным-давно в Системе межпланетные разборки были, серьезные. Планеты старались, соперничая силой притяжения, урвать как можно больше болтающихся бесхозно в пространстве кусочков материи. Сливались, росли понемножку — и даже не упавшими, но присоединившимися лунами хвастались, наверно. У гиганта-Джупыча наши астрономы запарились их считать, только в орбитальный телескоп сорок восемь штук углядели. Хотя первые четыре открыл сотни лет назад великий Галилей, за что тупые попы чуть его не сожгли. Вообще каждая планета-гигант, подражая звездам, таскает за собой планетную систему в миниатюре. Но, например если сравнить Титан, спутник Сатурна, и полноценную с точки зрения дебильной астрологии планету Меркурий... То будет весело, в стиле детсадовских разборок. "У тя гравитация больше, зато у мну атмосфера есть. Реки текут, озера наполняются. Ну и что, что в тебе урана с торием полно — я, если получится, живность завести смогу! Ну и кто из нас планета настоящая?". А если вспомнить еще четыре Галилеевских луны — то вообще здорово. Ио просто рай для вулканологов, Европа — приманка для биологов. Прячет подо льдом целый океан, теплый и, по расчетам глубиной аж до полусотни километров. Интересно всем, можно ли там рыбку половить? Здоровенный Ганимед, больше Луны размером, тоже стоит поковырять на предмет всяких вкусностей. И самая дальняя, не попадающая в смертельно опасные радиационные поля папы-джупа, красавица Каллисто. Готовая заправочная станция, почти полностью покрытая водяным льдом. Ну а совсем на окраине нашей Системы крутится очень красивый, прекрасно-голубой Нептун. Как удачно в прошлом веке подобрали название для новооткрытой планеты! И бог морей ведет за собой младшего брата, Тритона. Также почти полностью сделанного из водяного льда, а для нас это дорожка золота. Кому оно теперь нафиг нужно, застолбили мы уже десяток кирпичей многомиллионотонной массы... Дальше в Пространстве, где Солнце на небе лишь самая яркая звезда, болтаются Плутон с Хароном. Двойная планета, спутник лишь чуток меньше, крутятся вокруг невидимого центра масс. В принципе зря их сейчас девятой планетой считают — там, на окраине, еще много подобных камушков-ледышек. Облако Оорта, остаток стройматериала Солнечной Системы, откуда к нам прилетают кометы, огромно и полно неразгаданных тайн. По мнению многих умников там прячется загадочная, гигантская десятая планета, почти звезда. Телескопы не помогут, надо лететь и щупать ручками, пусть пока телекамерами роботов.

Ведь следующий раз дальние планеты выстроятся в такую удобную конфигурацию только через двести лет...

И долгие месяцы раскручивали вокруг дома разгонную спираль стопятидесятитонные "Рейды", пока не набрали вторую космическую. Потом, уже на трассе еще немного поднажали — и стали самыми быстрыми пепелами из всех летавших. Маломощные, но с очень высокой скоростью истечения рабочего тела двигателя штука хорошая, в Космосе надежная, мало кушающая топлива улитка быстрее борзой собаки. Которые незамедлительно побежали следом, стартовав из солнечной Флориды. Атомные моторы модели "NERVA-I" выплюнули в вакуум разогнанный до девяти километров в секунду водород, американские "Вояджеры" тоже ушли в Большой Тур. Так обозвали журналисты рассчитанный на десятилетия рейд роботов по Солнечной Системе. К этой веселой гонке присоединились, удивив всех, Британия с Францией. Даже Китай попытался, но по данным системы "Глаз" их новая тяжелая ракета долбанула так, что теперь курортникам на остров Хайнань летать не стоит, полмесяца минимум. Пока гептил не распадется и азотный тетраоксид дождями не смоет... Предлагали же им нормальные движки купить, нет — ухватились за безумную идею горе-изобретателя, немца Кайзера Лутца. Система "ОТРАГ", типа делаем маленькую дешевую, длинную ракетку — а потом соединяем их в пучок, на любое количество полезной нагрузки. Поодиночке может оно и работает, но когда их штук пятьдесят — экономия боком выходит. Англичане поступили проще, купив два пуска "Титана-3С" у ВВС США. Британские ученые, без всяких шуток, построили две отличные восьмьсоткилограммовые машинки. Воткнули туда три РИТэГа, изотопных генераторов электроэнергии с расчетом лет на двадцать, отличный борткомп с реальным хардом на шестьдесят четыре мегабайта, три телекамеры и кучу прочих приборов. Французы справились сами, задулив с космодрома Куру на "Союзах" с дополнительным разгонным блоком, два маленьких зондика. Дальше Юпитера они не полетели, но воткнулись в него и, как воздушные шарики, плавали в атмосфере. Пока не истощились батареи и не улетели к Сатурну остальные участники, служившие ретрансляторами.

Короче говоря весело было, на умников пролился целый золотой дождь. Американцы официально два миллиарда зарядили, у нас деньги считать трудней, но в материальном плане не меньше. Даже бриты, гордо подтянув ремень на тощем пузе бюджета постарались. Вообще, пустившая на крохотной пероксидной ракетке много лет назад восьмидесятикилограммовый спутник и, вроде на том успокоившаяся Англия снова оживала. Вспомнил народ времена империи, над которой не заходило солнце, поднапряглись. Вломили некисло аргентинцам, потом, усмирив гордость заново подружились с бывшими колониями. И теперь вместе с индусами, австралийцами и К, затеяли проект собственного многоразового челнока, обозвав просто и незатейливо — "Хотол". Купили у нас водородные моторы — несмотря на зубовой скрип американцев конструкторское бюро имени товарища Кузнецова (уточнить дату) делает лучшие в мире по импульсу химические двигатели. Нерастратившие еще знания инженеры конструируют птичку. Королева Елизавета, которая вторая, своей волей поставила руководителем сэра Артура Кларка. Отличный писатель, хороший ученый, получил возможность реализовать свою давнюю мечту. Ведь еще в далеком 1939м году проектировали под его руководством в Британском межпланетном обществе космические корабли, но мировая война поломала все планы, угробила экономику. Даже карточную систему распределения товаров отменили гораздо позже чем в Союзе. Но теперь, получив под командование RSC, королевский космический центр, отрывался дядька по полной. Схему полета выбрали забавную, полуступенчатую — взлетевший с аэродрома челнок должен будет дозаправиться от летающего танкера, на высоте километров двенадцать закачать в баки жидкий кислород. А дальше либо выйти на орбиту с полезной нагрузкой в пару тонн и двумя пилотами, либо подбросить и отстрелить разгонную, одноразовую ступень с гораздо большим грузом. Сейчас пока только считают и прикидывают, пуля из австралийской Вумеры макеты.

А первый шаттл, американский "Энтерпрайз", поднялся в небо в декабре семьдесят девятого. И совсем не был он похож на те гробы с крылышками, стартовавшие с помощью твердотопливных укорителей, с одноразовым топливным баком и вообще без системы аварийного спасения. В давно уже кажущейся бредовым сном истории прошлобудущего, ныне покойный президент Никсон, желая выиграть очередные выборы приказал уменьшить смету проекта "Спейс Шаттл" на пять гигабаксов. В результате получилось чудовище, убившее четырнадцать человек и десятки миллиардов бабла.

Не, эта птица получилась красивой! Мы тогда лично присутствовали на выкате изделия на стартовый стол. Первенство давно застолбила одноместная крошка — "Спираль", свою большую птицу счастья делаем не торопясь...

Несмотря на то, что в проект многоцветного космического истребителя вложены были значительные средства, сделать запланированный гиперзвуковой самолет-разгонщик пока не получилось. Не выходит каменный цветок! Ну это пока, освоение производства композитных титановых конструкций идет полным ходом. Какой хороший металл, но как же трудно его добывать и, особенно обрабатывать. Ничего, на Луне его полно — придет время, и там построим заводы. Но пока десятитонный файтер взлетает на старенькой, одноразовой — зато очень дешевой в серийном производстве "Семерке". Сейчас пока две первых эскадрильи новорожденного космофлота, по три машины в каждой, базируются только в нашем Байконуре и французском Куру. Лягушатники, вспомнив прошлое, разукрасили птичек эмблемами эскадрильи "Нормандия—Неман". И, не жалея финансов летают регулярно — вдоволь наманеврировавшись на орбите, залетев на пикничок в гости на станцию, потом в качестве тренировки находят и расстреливают третью ступень от своего же "Союза". Подлетают поближе и смотрят результаты испытаний разных вариантов вооружения, от привычных пушек и ракет до совсем экзотических. Например ракета же, у которой вместо боеголовки базука или пушка — валить высокоманевренные цели самое то. Драка в космосе совсем не похожа на сказочку, недавно выпущенную в прокат Джорджем Лукасом. Хотя, зараза, красиво отмазался — на прессконференции после премьеры сразу гордо заявив — "Я знаю, что звук в космосе не распространяется, какие еще будут вопросы?". Будут-будут, стратегия и тактика военных действий в космосе тщательно обдумывается, невзирая на многие неизвестности. И наши экипажи белобрысый, но опытный и умелый Римус Станкявичус тоже гоняет в хвост и гриву — стараясь оправдать гордое звание "ВИНГ КОММАНДЕР", комэск в переводе с интерлингвы.

Американцы тоже когда-то разрабатывали свой проект космофайтера, "Дайна—Сор". Но, попилив кучу бабла забросили, еще в далеком 67м. А вот хороший, надежный и безопасный космический грузовик сейчас сделали. И в любой нужный момент он легко превращается в орбитальный ракетоносец... Вот такое разделение труда получилось — экипажи не зря погоны носят. Немного напрягало лишь то, что первый экземпляр разгонной первой ступени, как они говорят — "мазершип", обозвали "Челленджером". Хорошо что пилоты стартовой и орбитальной ступеней сидят в надежных капсулах-спускачах, с системой аварийного спасения.

Американский МИК был меньше нашего по объему, зато высотой около(уточнить) двухсот метров. И одна из двух гигантских дверей открылась, выпуская на волю Корабль. Красивая огромная птица еле прошла в ворота, загнутыми кончиками крыльев. Прицепившийся ей на спину челнок казался малышом. Но это был оптический обман, его сухая масса сто двадцать тонн(уточнить), не считая двадцати пяти полезной нагрузки. За второй дверцей прятался, собираемый вертикально "Сатурн-5Н с ядреным движком на третьей ступени. Повез потом большую бочку временной базы "Селена-4", воткнул ее на пути нашего "Ермака-2". Все таки дружить лучше, чем воевать...

Обломки, оставшиеся от выхватившего термоядерный пилюль чужого пепелаца находили регулярно. Посчитав разброс и траекторию пришли к неутешительному выводу. Во первых, эта бамбула была большой. Для нас — очень, в километры длиной. Во вторых, основная часть улетела, в неизвестное далеко. То, что нам досталось это в основном куски обшивки, обломки радиаторов. Хлам, короче — даже электроника представлена "обычными" резисторами, конденсаторами и транзисторами. Ну, правильно, кто же чуткие к любой заряженной частице микросхемы снаружи держать будет. Будем дальше искать, и думать — на чем же хитропопые чужаки к нам прилетели, и почему не заколбасили. А пока нам надо в своем звездном доме разобраться, тупо посмотрев на окружающие планеты.

Вообщем "Большой Тур" сейчас в процессе, мы с нетерпением ждем известий — корабли пролетели уже Сатурн и всего пара миллионов километров осталась до Урана. Систему Юпитера окучили давно и дружно, рассчитанная на атомную войну электроника не подвела. Наши "Рейды" сбросили каждый по два робота и запалили вновь реакторы, меняя траекторию. Первая пара зондов, навоняв пентабораном, вышла на высокоэллиптическую орбиту. Пока не помрут будут здоровенные луны изучать. Два других пошли в атмосферу планеты, которая в шестьдесят четыре раза больше Земли. И тут случилось то, что является главной бедой всех программистов, забыли поставить "пустой стакан". Один из кораблей шел по идеальной траектории, точно попадая в коридор входа. Юпитер планета очень большая и тяжелая, скорость входа в атмосферу больше пятидесяти километров в секунду. Надо точно рассчитать коррекцию, но на расстоянии в почти миллиард километров запаздывание сигнала почти час — в одну сторону. И только БЦВК в реальном времени, повинаясь программе, сможет навести зонд. Но, в программе бортового вычислителя забыли добавить всего пару строчек. Если все хорошо — то ничего делать не надо... Вероятность такого события была, как говорится, один на миллион. Так и выпало, один из десантных роботов, выполнив по командам глупого компа хаотичный маневр, сгорел в атмосфере.

Зато второй, совместно с парой американских и парочкой же, французских, сработали. Ох и красивые виды передавали, словами не описать! Но никакой живности, вопреки предсказаниям сэра Кларка, не нашлось. Еще бы, твердой поверхности тут нет, опереться не на что. Венерианские козюбры и кракозюбры родились, когда планета была более подходящая по климату. А в небо забрались по принципу — "жить захочешь — еще не так раскорячишься!". Хотя виды облаков размером с земные континенты, огромные молнии, буйство красок всех цветов просто потрясали. Какая красота... А через полтора года (уточнить) роботы долетели до Сатурна.

Там тоже было красиво, одни кольца чего стоят. Самого гиганта не трогали, все сброшенные зонды нацелились на Титан. Плотная, облачная атмосфера облегчала посадку, пара орбитальных зондов щупали сквозь нее радарными поверхностью. Один американский робот утонул, реально, в местном море. Качество картинка было очень плохое — но там, рядом, точно какая то животная плавала! Наш один сел в ручей и, пока не сдохли аккумуляторы передавал красивую картинку. Камни-голыши, струящийся поток. Если не знать, что вместо воды жидкий метан, а камни из каменной при таком минусе воды — то хочется, как в детстве, пескарей половить. Кстати, в ручье тоже что-то плескалось, жаль разрешение устаревшей за годы полета телекамеры не позволило рассмотреть получше... А второй тупо сдох, и никто не может сказать — почему. Либо электроника, а может механика подвела, но на связь не вышел. Дальше в этой системе зонды разделились, совершая гравитационный маневр. Один британский "Оберон" и янковский "Вояджер" ушли к далекому Плутону. Остальные полетели к Урану, тоже кольценосному и со свитой лун. И уже завтра доползут, до очередной цели на своем пути.

Ну а мы пока окучиваем более ближнее пространство, игла "Цандера" третий месяц вращалась

по орбите вокруг Весты. Забавная планетка, благодаря низкой гравитации на пятисот километровом булыжнике горы огромные. Второй по величине кирпич в поясе астероидов точно доказал — был Фаэтон, был. Мифическая четвертая планета, любимица фантастов и умников. Контейнеры под пробы забиты битком, и буровые керны убедительно говорят, что... Породы метаморфированные, есть рудные пласты, нарушена гравитационная диссоциация, изотопный состав, даже следы гидровлияния в наличии. Вообще этот булыжник стал самостоятельно летать давным-давно, еще до того, как на Земле первые медузы появились, а на Марсе раки. Хотя раньше был он таки куском планеты. Но маленькой, по размеру не больше стоящего первым в линейке от Солнца Меркурия. За бездну лет обломки разлетелись, многие воткнулись в другие планеты, хотя большую часть заграбастал себе Юпитер. Фаэтон, по расчетам, совсем не тянул на фантастическую жилую планету. Ну а причина дробления прочного гравитационного образования как бы рассчитана, по спорной для многих умников, но понемногу подтверждаемой теории электромагнитной диссоциации древней туманности, оставшейся после взрыва примерно трех звезд. Из которой родилось Солнце, все планеты... Несостоявшуюся четвертую планету разорвало, как хомячка от капли никотина, напором внутренней дегазации и гравитацией толстожопого соседа-Юпитера. Никаких там "фаэтов" не могло возникнуть в принципе, но жизнь может быть была. Вообще пусть ученые дома пробы поковыряют, наше дело запаковать в гермомешки и довести.

Зато заправку тут воткнули, натуральный самогонный аппарат. Еще в основную задачу первой высадки входил поиск воды, хотя многие считали это безнадежным занятием. Но, выбирая место посадки "паровоза", я крепко подумал. Веста сильно изрыта кратерами, хоть астероидный пояс практически пустота, но за тьму лет всякая всячина нападала. И кромки некоторых кратеров постоянно были в тени. Хоть и крохотное совсем Солнышко на небе, но жарит хорошо, на дневной стороне водичка давно испарилась. Кстати на Луне воду тоже нашли, самые богатые залежи в кратерах на северном полюсе. Ну а тут только немножко воды нашлось на маленькой планетке, пара миллионов тонн всего, оценочных запасов.

Хорошо бы еще до самой толстой в поясе Цереры долететь, но горючки для маршевых моторов "Цандера" не хватит, их водичкой не заправишь... Да и совесть нужно поиметь, оставим честь первопроходцев другим товарищам. Но какой же мегаоргазм испытываешь, первым ступив на чужой мир! Жаль, что Юру в полет не пустили. Официально медики заявили, что его вроде крепкий организм плохо себя поведет в многолетнем полете. Но все понимали, что это только отмазка. И рисковать успешно разруливающим конфликты на Земле, зачастую одной ласковой улыбкой, человеком нельзя. В качестве пряника теперь он генерал UNSC, объединенного командования стратегических сил всех великих держав.

А вот американцы своего первого по настоящему слетавшего на орбиту астронавта, а не подпрыгнувшего чуток как Шепард и Гриссом, в далекий путь отпустили. Только что с Земли сообщили — "Индевор" успешно совершил гравитационный маневр, и оставив позади загадочную, недоступную пока Венеру летит к своей цели. Через пару месяцев, если все будет нормально, экипаж под командованием Джона Янга достигнет Меркурия. Маленькая совсем планета, лишь чуток больше нашей Луны. Но, по расчетам умников там в теории должно быть много полезных ископаемых, очень полезных...

Хотя вряд ли они найдут там воду, зато нам повезло. Как радостно таскали мы куски грязного льда, загружали в камеру предварительной очистки. Ну а потом, залив "самогонку" в баки паровоза, имели редкую для Космоса возможность летать, почти не глядя на топливомер! Прыгали по Весте как кузнечики, первая космическая здесь всего 300(уточнить) метров в секунду, самолеты на Земле быстрее летать умеют. Посменно поднимались на орбиту, давая возможность напарникам тоже получить удовольствие. Я торжественно, и в то же время грустно, водрузил флаг на вершине самой высокой в известной вселенной горы,

возвышающейся почти на сорок(уточнить) километров над планетой. Природа любит шутить — если смотреть сверху пик Королева немного похож на пятиконечную звезду. Жаль, что Сергей Павлович этого не видит...

На Красной площади, рядом с мавзолеем стоит необычный монумент. В точной, бронзовой копии своего любимого кресла сидит Главный, любовно поглаживая пристроившийся на коленках серебристый шарик, топорщащийся стрелками антенн. На груди сияют три золотых звезды и одна титановая. А рядом, держа в руках алый стяг, в скафандре с открытым забралом стоит Гера. У подножия, на древнем граните, без всяких украшений лежит совсем простой, невзрачный на вид, похожий на обломок кирпича камень. Но каждый день тысячи людей приходят, чтобы коснуться его...

— Володя, до окна час, — сообщил пилот. Да, пора подниматься. Землю отсюда не разглядеть — слишком близко она к спящей горошине солнышка на небе. Подобрал на память маленький, но тяжеленький камушек, положил в нагрудный карман. Традиция, однако! В штатах был большой скандал, когда выяснилось что ограбление дома побывавшего на Марсе астронавта организовал один миллионер. Никакие бабки не помогли, сидит в тюрьме, как миленький.

Длинными-длинными, но такими медленными скачками добрался до корабля. Залез по лесенке на одной из опор на площадку. протиснулся в дверцу и задрал люк. Зашипел, наполняя кабину, воздух. Не совсем земной — пятьдесят на пятьдесят кислород и азот при давлении в пятьсот мм ртутного столба. Такая атмосфера самой выгодной оказалась, с точки зрения безопасности и экономии. Не снимая скафандр устроился поудобней у пульта, защелкнул фиксаторы. Начинаем предстартовую подготовку.

— Пять, четыре, три, пошла подача... Стержни вышли, поехали!

В иллюминаторах за клубилась пыль, поднятая раскаленным яростью атомов факелом водяного пара.

— Есть отрыв, лапы в кучу. — Привычно, уже немного шутливо давали рапорт. На Родине его услышат лишь через полчаса, но порядок соблюдать нужно обязательно — Бездна ошибок не прощает. Да, следом за жизнью всегда, неотвратимой темной тенью крадется разрушительница надежд...

Ну зачем Коля с Кеном полезли на тот обрыв! Блин, захотели фоту красивую сделать на память — как же, долгожданная встреча двух экспедиций. И лежат теперь, навеки рядышком, под краснокаменным обелиском...

— Есть выход на траекторию. Крен, тангаж, рысканье в норме.

Американцы отправились на Марс в восемьдесят первом, сели в восемьдесят втором, окучили попутно Деймос и вернулись домой, привычно зайдя в гости к Утренней звезде. Через два года, в следующее стартовое окно туда ушел целый флот.

Пара наших буксиров медленно и неторопливо потащила сотни тонн груза, снова залетев в гости к Венере. Такими темпами, получая на халяву скорость, мы скоро ее совсем затормозим — этак через сотню миллиардов лет. Ну а люди, шестнадцать космонавтов и астронавтов стартовали следом на четырех, гораздо более шустро разгоняющихся корабliках. Землю от

солнечной радиации защищает экран магнитного поля, не пускающего большую часть всякой гадости до хрупкой жизни. Мать-планета, как любая настоящая мать бережет своих детей... Однако вокруг Земли есть опасный радиоактивный пояс, где скапливаются непропущенная "таможней" поля гадость. Летая к Луне мы, во время его прохождения сидим три часа в броне выходных скафандров — дозу получаем безопасную. Но высокоэффективные, со скоростью истечения больше ста километров в секунду движки имеют крайне малую тягу. эх, если были бы реакторы с выходом электричества в мегаватт, а размером с пачку сигарет да еще не требующие охлаждения... То летали бы почти как в "Звездных Войнах"! Но увы, не в сказке живем — и разгоняющийся с малой тягой корабль больше месяца болтается в опасной зоне. Мы, пока "Фридрих Цандер" наматывал витки, спокойно кушали шашлычок на Байконуре. А потом следом на двух сильно обработанных напильником "Союзах" стартовали, старые-добрые "Бурлаки" закинули нас к миновавшему радиационные пояса кораблю — гораздо выгодней такая схема полета оказалась, но для тяжелых планет тяга важнее импульса.

— Одна минута, полет нормальный.

Так что уходившие в многолетнюю, уже не флаговыкательную, экспедицию корабли разогнали ЯРД, ядерные ракетные двигатели. Американцы привычно запалили свои "Нервы", со скоростью истечения девять км-сек. Помешанные на многообразности буржуи еще несколько лет назад соорудили "Ядерный Шаттл". Здоровенная бочка водорода с ядерным мотором выводится на орбиту устаревшим, но надежным "Сатурн-5". Движок рассчитан на двадцать включений, и за год каждый челнок четыре раза таскает к Луне груз, тонн по тридцать(уточнить) за раз. По возвращению к Земле они встают на орбиту ожидания, ждут танкер. Большая птица, уже четыре штуки в строй ввели, подбрасывает в небо вместо пилотируемого "Шаттла" бочку горючки с движком, которая на автопилоте стыкуется, а потом пустая самозатапливается в Тихом океане. На пятый раз ядерный шаттл затаривают гораздо большим грузом, не ценным — например бочками обычного, химического топлива. И, доставив в последний раз посылку на полярную лунную орбиту, он делает харакири — падая в один ничем не примечательный кратер. Старое его название уже забыли и сейчас все зовут "трэшкэн", помойка короче говоря. Вроде имени какого-то герцога был. Главное, что он достаточно далеко от города, но доехать и пособирать уцелевшие запчасти можно — каждый доставленный с Земли килограмм стоит пять тысяч долларов. Хм, долго спорили насчет названия, все сошлись на "Лунограде", Луна—Сити по аглицки. Да, конечно, сейчас это пока лишь маленький хутор с постоянным населением аж в двенадцать человек. Но застройка кварталов уже намечена, по строго продуманному плану. Здесь вам не тут, окружающая среда безжалостна. Новый набор космонавтов и астронавтов почти полностью состоит из бывших полярников, прошедших суровый опыт, обживших самые негостеприимные уголки нашей планеты. Хотя даже почти безжизненная Антарктида по сравнению с Луной просто курорт. Ну а на вечной спутнице земли, вот парадокс, наиболее пригодны для жизни именно полюса. Есть вода, есть тенек — тоже курорт, по сравнению с остальными районами планеты. Где за долгие четырнадцать суток местного дня все накаляется до(уточнить), и долгой лунной ночью остывает (уточнить) Но теперь два района будущей столицы Луны уже имеют имена, начинающиеся с одной буквы — Королев и Кеннеди. Кстати, два замученных китайца в гости уже прилетали, на своей консервной банке. Интересно, как они свой чайна-таун обзовут? Будущие районы города почти весь год прячутся в тени края кратера (уточнить название), и лишь по фазе либрации иногда, ненадолго освещаются яростным солнышком. Так что закапываться глубоко в грунт необязательно — пара комбайнов, амерский "Картепиллер" и наш "Дон" спокойно ковыряют реголит, откладывая шарики вспененного камня в контейнеры. Засыпать в опалубку, залить местным, тоже самодельным бетоном — и готова защита для новенького домика. Стоят на новорожденных улицах фонарные столбы, спрятанные за скалами реакторы дают энергию — эх, так хочется там пройтись!

Но пока я спокойно, но внимательно смотрю на дисплей БЦВК, жидкие кристаллы поворачиваются — превращая пунктир расчетной траектории в дугу реальной, все параметры в норме — как хорошо и удобно с новым борткомпом работать...

Вообщем амеры при сборке кораблей просто соединяли в кучу четыре буксира, состыковывали с ними жилой блок, десантный корабль. И два из буксиров, точнее четыре — пара на корабль, после первой фазы разгона вернулись к привычной работе. Тормознув остатками водорода ушли домой, на околоземную орбиту — проект герра Брауна в действии. Неплохо задумано, но мы поступили по другому.

"Ломоносов" и "Циолковский" были фактически экспериментальными моделями будущих рейдеров. Газофазные ядерные моторы еще не вышли из стадии тестовых прототипов — слишком сложная технология, очень много "подводных камней". Даже самый простой вариант со скоростью истечения "всего" двадцать километров в секунду, достаточно успешно работающий на стенде, на улетающий в даль корабль ставить было просто страшно. Погоняем пока на буксирах "Земля—Луна", и сперва в беспилотном режиме, да с не слишком ценными грузами. Но американцы, давно забросившие программу создания ГФЯРД, от первого реального испытания прототипа тихо фалломорфировали.

Старенькая, но по прежнему красивая "Наташенька", немного накрашившись — с водородной второй ступенью, вывела на низкую орбиту стотридцатонный груз. И новый, пока еще очень сырой мотор доставил к Луне восемьдесят тонн, вот что значит высокая скорость истечения! эх — скорей бы относительно чистую "лампочку" до ума довели... Но обычные, со скоростью истечения всего в девять км/с, движки достаточно надежны. Их и воткнули на корабли. Хотя, в целях увеличения полезной нагрузки решили таки рискнуть. Два новеньких буксира своими "РД-2000" — товарищ Глушко примерял очередную золотую звездочку, разогнали наши корабли. И, добавив тягой "стареньких" шестисоток нужный импульс, ушли ребята в долгий путь.

...мерно гудит реально старый, но надежный РД-0410, вытаскивая нас на орбиту. Ну и что, что его тяга всего девять тонн при массе в 12(уточнить), для карликовой планеты достаточно. К тому же фактически экспериментальный мотор приучили питаться простой, дистиллированной водой. Ну и пусть импульс стал в два раза хуже — зато заправку найти легко. Почему-то во время выведения, когда все числа посчитаны и рассчитаны, корабль ведет киберпилот — особенно хорошо думается и вспоминается...

Флот долетел до цели год назад, грузовики месяц тормозили до выхода на опорную орбиту, рядом с Фобосом.

Наши корабли привычно потерлись щитами об атмосферу — огромные баки под эффективный, но такой объемный и холодолюбивый водород давно сброшены, трудно и рискованно хранить его все два с половиной года. Марсианского года, ну а домой на вонючем аммиаке уйдут. Американцы тормознули моторами, подрулили к точке рандеву. Шесть кораблей крутились вокруг булыжника-Фобоса. Мягко, благо мизерная гравитация позволяла, посадили пустые бочки "Ядерных шаттлов" и, после разгрузки, иглы наших грузовиков в центр кратера Стикни. Если вдруг случится с кем беда — четыре реактора обогреют, а два резервных жилых отсека спасут. Мы например, при отказе двух третей моторов корабля сможем дотянуть до этой базы — ну, по расчетам, проверять которые как-то не охота...

— Две минуты, все системы в норме.

Спускачи с грузом сели в двух отстоящих друг от друга на тысячи километров точках, по сигналам маяков марсоходов. Следом пошли люди. Повтыкали, как положено флаги, собрали из севших рядышком модулей поезда на колесиках. Прицепом зацепили транспортно-пусковые контейнеры, в которых спали, до поры до времени взлетные корабли. И началось Путешествие! Великое, по просторам чужого мира. Пройдя полторы тысячи километров за год пути встретились поезда первопроходцев, дальше вместе будут колесить еще полтора года, до открытия окна. эх, вроде все опасные случаи постарались предусмотреть, но... Товарищ Голованов стал первым марсианским журналистом, репортажами в газетах зачитывался весь мир. Вот и захотели ребята запечатлеть себя для истории, мля! Да уж, мы тоже хороши — прыгали по скалам, пока (уточнить, точнее выбрать ФИО) не навернулся. Пусть и низкая на уменьшающейся в иллюминаторе планете гравитация — но шлем треснул. Хорошо, что недалеко от корабля ЧП случилось, успели забраться в шлюз до опустошения кислородного баллона.

— Стержни опущены, пятнадцать, четырнадцать...

Так, пора за работу — привычно застучал пальцами по кнопкам.

— Температура в норме, реактор стабилен, подача рабочего тела прекращена.

Вот и показалась в черной бездне приветливо помигивающая солнечными бликами искорка корабля. Еще раз все проверив, нажал клавишу "ИСП".

— Коррекция траектории через пять, четыре, три...

Ядерный мотор штука хорошая — но требует постоянного внимания, его не отключишь как обычный химический. Раскаленные, хитро закрученные урановые стержни после остановки реакции нужно охладить — что дает хаотичный, слабенький, но сбивающий расчетную траекторию импульс тяги. Вот на несколько секунд включились маневровые движки, выплюнули в пустоту десятков килограмм обычной горючки. Импульс фиксации орбиты дадут чуть позже — число запусков маршевого двигателя "паровоза" тоже имеет свой предел. И все увеличивалась в курсовом иллюминаторе искорка нашего "мазершипа", на полу, в посадочных окошках было видно краешек Весты. До свидания, маленькая планетка с именем древней богини. Люди к тебе вернуться, обещаю! Я, лично, уже никогда — возраст... В дальние, многолетние полеты уходят пожилые, уже имеющие своих детей, космонавты. Молодежь пусть пока резвится на низкой орбите, под защитой нашей Матери. Вот и мы, блудные дети, через полтора года вернемся домой. Два дня еще покрутимся тут, и в путь. Прощай, красивая планета...

"...Светят разноцветные огни

На высоких башнях космодрома.

И напившись запаха степи

Мы на года задраиваем люки..."

(С этим стихотворным кусочком требуется помощь Ну не поэт я, совсем...)

Тихонько напевал я, глядя на приближающийся корабль, нашу песню межпланетчиков, сочиненную на известный мотив Егоровым(уточнить дату появления мелодии). На долгом, и так трагически завершившемся обратном пути...

"...Светит нам далекая Земля
Крохотной сапфировой искрою
Мама, мы вернемся — только жди
Снова мы сбежали в Бездну...
Ты нас сильно не ругай
Твои мы дети, повзрослели
Ты нас ласково домой прими
Теплыми руками-облаками... "
И, суровой -
"День, неделя, месяц иль год -
Время не имеет здесь значенья
Где звезды сверкают как угли
Летая в безумной дали — и!
Пусть до них дотянутся внуки...
Дороги в неизведанных мирах
Под чужими лунами и небом...
Плоть твоя сталью нас хранит
Древняя ярость дремлет в моторах
Мчат цифры пучком электронов
Разум и Воля подняли нас в Небо
Мы не вернемся домой без Победы!"

(сам знаю, что хреново. Помогите с песней, товарищи...)

Да, Борис вернулся. Но лежат на Кенсингтонском кладбище Гриссом, Уайт и Чаффи — ну и что, что катастрофа случилась еще до старта! На Красной площади Титов, на Луне Стаффорд и Сернан. Теперь добавились в грустный список Рукавишников и Маттингли. Жили на Земле, побывали оба на Луне — а теперь покоятся на Марсе... эх, ну надо же было так глупо погибнуть!

— Импульс фиксации орбиты через десять, девять...

Развернутый в парковочное положение "Цандер" уже не помещался целиком в иллюминатор, видно было лишь ядро и мелькали, медленно вращаясь, основные блоки.

Наша птица состоит из нескольких частей, фактически это два самостоятельных корабля. В случае отказа одной половины мы, хоть и в тесноте улетим домой во второй. На крайняк до Фобоса, бросив центральный связующий модуль. Вот на него-то мы и нацелились, закрутив "паровоз" в такт вращению корабля. Из глубины памяти всплыли в очередной раз воспоминания прошлобудущего, черно-белая картинка на экране старенького телевизора. Кассетный магнитофон, с писком и скрипом загрузивший программу в крохотный, но зато лично-персональный комп. И долго в совсем не красивой, но завораживающей игре не хватало денег на покупку "докинг компютер", сколько раз в смятку разбивался ап станцию... Ничего, сейчас такая машинка у нас есть — реальная, не виртуальная.

— Дистанция пятьдесят, скорость нольпять.

— Скорость сближения в норме, осевая отклонение нольдва!

Пыхнули на полсекунды микрики, перекрестие стыковочного прицела точно посреди марки-мишени. Пусть и ведет сейчас корабль некисло развившаяся за десятилетия электроника, но товарищ Джанибеков (уточнить ФИО) держал джойстики. Ну и моя левая рука в готовности долбануть по тугой, рифленной кнопке отключения киберпилота. Все-таки человек надежней, что еще лет девять назад убедительно доказал автоматический грузовик. Вломившись своей семнадцатитонной массой в толстый, но тонкостенный бочонок "Спейслэба-3". Хорошо, что в тот момент там только один астронавт был! Опытный, много раз летавший Билл Карпетнер успел выдергнуть из аварийного ящика мешок и заныкатся в него — застегнув спецмолнию, уже теряя сознание дерганул чеку кислородного патрона...

Придуманый как раз на случай аварийной декомпрессии, долгое время несправедливо обзываемый всеми "кондомом" девайс не подвел. И хорошо, что по давно утвержденному, еще на первых станциях, распорядку все люки при стыковке обязаны быть закрытыми, не зря я старался. Ну и вот — очередная страшилка сбылась. Хорошо без фатальных последствий, но просидевший больше суток в надутом мешке товарищ-астронавт ругался потом так, что уши в трубочку сворачивались. Еще бы, всего пара памперсов в комплекте была! Пока остановили нештатное вращение станции, выдернули из дыры тупой грузовик, пока осторожненько не перенесли похожего на сосиску с руками коллегу в ближайший шлюзовой. Орбитальной ночью, есно — пузырь лишь от вакуума защиту дает. И, так и не раздев засунули в душевую кабину замерзшего, грязного астронавта. Из полужакрытой шторки протянулась слегка дрожащая рука с тяжеленьким мешком. Ну да — вас бы в такую ЖОПУ засунуть...

— Осевая ноль, дистанция три, два...Есть контакт. Есть захват, начинаем стягивание.

Привычно, но теперь уже в крайний раз десантный корабль пристыковался к базовому. И перед стартом мы его бросим, оставив на всякий случай "паровоз-2", с менее изношенным реактором.

Два дня гудели моторы, останавливая вращение — и, бывшая сперва равной лунной, искусственная гравитация слабела. Игла корабля повернулась, засияли малиновым цветом радиаторы. Теперь несколько месяцев нормально не поесть, вино из тюбиков сосать будем. Но, пользуясь уменьшением веса, легко перегрузили контейнеры с пробами в жилые отсеки. Долгие дни уменьшалась в иллюминаторах Веста, искорка верного паровоза. "Цандер" крутил разгонную орбитальную спираль, пока не вышел на траекторию. Совсем не к Земле пока, нет во Вселенной прямых путей.

=====

(вставить кусок проМ)

И наша держава тоже прирастала, теперь реально больше одной шестой суши занимаем. Торжественно стояли строгие шеренги на древнем граните, развеваются пятнадцать флагов — и чеканя шаг, армейской походкой несет свернутое полотнище товарищ Гуррагча. Летчик-космонавт, по совместительству глава государства подошел ко вставшим по стойке "смирно" бойцам МНР, передал знамя. И стяг Монголии присоединился, стал шестнадцатым в стройном ряду. Одновременно, под звуки гимна в Улан—Баторе поднялся флаг Советского Союза.

=====

Мы летим домой, долгие месяцы разгона позади. Ура, снова можно сидеть за столом. Маршевые моторы уже выключены, реакторы переведены в холостой режим — дающий немножко электроэнергии. Аварийные, свернутые в рулоны солнечные батареи на таком расстоянии от Солнца — практически бесполезный груз. Но лучше их, как зонтик, потаскать на всякий пожарный. Отмечаем историческое событие, командирским приказом выдал по литру вина на нос.

— Пик, пик, пик, Пии! — внезапно заявил пульт контроля поисковых радаров. Ляяя, так хорошо сидели... Заглотив остатки топлива из мифриловых рюмочек, пошли разбираться.

— Дистанция до цели тридцать мегаметров, относительная чуть меньше половинки, мы догоняем. Сигнатура странная, рваная. Похоже опять железный самородок. — доложил (уточнить состав экипажа).

— Телескоп, доклад. Тащ астроном — что там?

— Странно, Владимир Евграфович, почти не видно ничего — навелся по радару, но только блестящие иногда мелькают.

Хм, все кирпичи в Поясе делятся на пять основных (уточнить) классов. И только почти полностью черные углистые хондриты, во название-то умники придумали, подходят под описание. Кусочки древних звезд, до сих пор болтающиеся по системе осколки стройматериала. Но радар их видит только на совсем небольшом, зачастую опасном расстоянии. Интересненько, что же там так ярко светит в отраженных радиолучах.

— Народ, пуляем крайнюю. Торпедное товсь!

За год блуждания в Поясе мы потратили пятнадцать ракет, окучивая достойные внимания встречные камушки. Осталась всего одна, и сейчас тоже ушла к цели. Ну не совсем последняя — в загашнике еще четыре есть. Вот только для их пуска нужно ввести коды и, одновременно повернуть два ключа. В разных концах корабля, что характерно.

Медная "боеголовка" готова, крохотная ракетка догоняет цель. Вот на экране появилась картинка, черно-белая. Что?!

— Отмена, аборт!!! — от волнения закричал, путая русский с интерлингвой. Ракета, изменив остатком топлива траекторию, пролетела мимо. Теперь будет блуждать в бездонном пространстве, до встречи с чем-то твердым.

— Перемотать пленку, быстро, — похоже мне везет на экстремальный вариант "Зю"... Ну точно

— на смазанных кадрах был совсем не очередной астероид. Вот и дождались, чужой пепелац рядышком. Братья по разуму, ети их в укачель!

— Дистанция двадцать пять мегаметров, уменьшается.

Какая нафиг разница — уменьшается или увеличивается, траектории разные... Ждать решения Земли некогда. эх, поехали.

— Паровоз-2 на экстренную побудку, Миша — готовь машинку, (фио) доклад домой. Не знаю, что это за хрень, но упустить нельзя.

Опрометчиво конечно, вот так с бухты-барахты лезть к неизвестной хреновине. Но ведь уйдет же, ищи потом по всему поясу. Утешало лишь то, что судя по данным радара и видеозаписи фиговина небольшая, похожа на пятидесятиметровый "чупа-чупс" с крылышками, да еще беспорядочно вращается. "Цандер" затормозить не сможет — рабочего тела в обрез. Точней легко сможет — но уже никогда не вернется на околоземную орбиту. Нет, сперва слетаем на шустром "паровозе", поглядим...

— Компьютер медленно размышлял, перебирая миллионы строк базовой программы. Приоритетный приказ был категоричен — и почти весь оставшийся запас бороводородных горошин был уже в камере, заполнив ее полностью. Но длинная, вмещающая много разрядов, переменная в памяти давно переполнилась, что автоматически включило подпрограмму свободы выбора.

Машина не имела разума в биологическом понимании смысла этого слова. Множество связанных в единую сеть процессоров, модули оперативной памяти — от самого быстрого, в котором крутятся текущие "мысли", кэша до тяжелого, освинцованного куба. Скрывающего в себе залитые полиэтиленом тысячи тончайших серебряных проводочков, с нанизанными крохотными ферритовыми колечками. Параллельно выполняются сотни подпрограмм, контролируя и управляя системами корабля, наблюдая за окружающим пространством. И докладывает блок самотестирования неутешительные вести. Компьютер не мог осознать понятия жизни и смерти, даже время для него — всего лишь бег цифр, увеличивающий определенное число. Важная переменная, ну и что? Другие тоже постоянно меняются — число работоспособных процессоров критически мало, большая часть оперативной памяти ошибается при сверке контрольных сумм. Диагностика систем показывает — генераторы дают лишь пять процентов номинала. Половина внешних устройств вообще не отвечает на запросы. Машина не знала понятий "диффузия", "радиационная деградация" — но датчики, отслеживающие внутренние параметры — особенно состояния полезного груза, еще более добавляли раздумий центральной программе. Если она была живой — то, наверное, вздохнула с облегчением.

Отразить ракетную атаку ей было просто нечем. Однако, изменив траекторию, угроза прошла мимо. И сигнатура выхлопа не была известна ее памяти. Но и не была следом Врага... А теперь примитивная, крохотная машинка приближалась, уравнивая орбиту. Надо принимать решение. И электронный мозг отдал приказ. С трудом, но завелись рулевые моторы, останавливая вращение. Резервные внешние камеры открыли свои бронированные шторки. Мозг корабля ожидал, переваривая свежие данные.

Кораблик завис рядом, общаясь с кем-то по радиоканалу неизвестным кодом. Открылся люк, и неуклюжая фигура в скафандре выпрямилась в полный рост. Подпрограмма распознавания образов радостно заявила о тридцати процентном совпадении, спектральный анализ улетевшей в вакуум атмосферы тоже порадовал. Компьютер решил работать по третьему варианту.

=====

Через час сборов, похватав все, что в теории могло понадобится — от аварийного контейнера до лазерных пистолетов, мы отчалили. Сам базовый корабль, нещадно потратив химическую горючку на останов вращения, развернули так, чтобы он занимал с точки зрения чужака как можно меньшую площадь. То есть осью иглы, и, что сулило определенный риск, перевели один из реакторов в полностью холостой режим, дающий минимальное излучение. За остающиеся до пролета часы это все, что можно было сделать в целях безопасности. "Цандер", хоть и несет на борту боеголовки — мирный корабль. Ах, а как же лазерные пистолеты в кобурах?!

А вы их видели вообще, стреляли из них? Если представляете себе мегаштурмовые бластеры, с легкостью сжигающие танки... То сильно ошибаетесь. это даже не пистолет — восьмизарядный револьвер со съёмным барабаном. Вместо патронов одноразовые лампы-вспышки, дающие импульс накачки на кристалл в стволе. Ога, звучит сурово и страшно — хомячка убьёт, без вопросов. Человека, даже на небольшом расстоянии — нет. Но вот ослепить, или повредить скафандр можно. Не надо слишком долго смотреть кинофантастику, лучше сходить на экскурсию в Оружейную палату, посмотреть на это убожество... Страшные мегабластеры это практически сказка, нереальная. Единственное достоинство наших пукалок — нет отдачи, и борт собственного корабля точно не пробьёт.

Чужой пепелац приближался, выхлоп тормозного импульса закрывал обзор. Вот, наконец, он утих и я прильнул к окуляру.

— Еклмн! Он стабилизировался... И мигает!

С расстояния всего полсотни километров "чупа-чупс" было еще плохо видно, а телескоп прикинувшегося ветошью "Цандера" в тени радиаторов. Но четко было видно — чужой корабль больше не вращается, как нечто в проруби. Висит ровно, и моргают периодически несколько разноцветных огоньков. Кажется, хороший знак — хоть казавшаяся мертвой хреновина и ожила, но мегапилюль по нам пока не засветила. Похоже на приглашение...

Ну что ж, мы у цели. Вблизи неизвестный корабль выглядел даже красиво — значит летает, летал хорошо. Ну, с точки зрения космической эстетики. Для привычных к стремительным обводам морских кораблей и воздушных самолетов наверное не очень.

Длинные решетчатые силовые фермы, топорщащиеся гребнями радиаторов, держали тонкую, перевитую кольцами утолщений трубу. Увенчанную с одной стороны полусферическим, явно рассчитанным на экстремальный вход в атмосферу, отсеком. Торчали в стороны РИТЭГИ, судя по данным инфракрасной камеры почти мертвые. А на другом конце трубы было утолщение, и виднелась забавная, похожая на баскетбольную корзину, конструкция...

Сопла ТЯРД!!! Американцы богаты, развернули долговременную программу создания термоядерного ракетного мотора. Рассматривают множество вариантов, ведь даже "простой" рабочий реактор для земной электростанции обещают, каждый год, "сделать через пятнадцать лет". Но, по расчетам, именно так может выглядеть один из вариантов долгожданного, почти как Грааль, движка!

А тут он рабочий летает... эх, даже пожалел о договоре, по которому все переговоры межпланетных и лунных экспедиций запрещено теперь шифровать — такая конфета нашлась, а придется поделится. Ну, это пока рано шкуру неубитых алиенов делить. Да к тому же, с легкостью способная поджарить нас до состояния "труп с хрустящей радиоактивной корочкой", чужая птица в очередной раз моргнула проблесковыми маяками.

Пришлось выдержать суровый бой, но — как командир, построил команду. Назначил временно исполняющим нашего "Галилео". Если что со мной или с Джанибековым случится — долбить спецБЧ, коды ввел еще перед отлетом. Но в первый выход пошел один. Привычно зашипела откачиваемая атмосфера, остатки дымкой скользнули за борт. Выполз ногами вперед на площадку, ухватившись за поручни повернулся к цели. Да уж, хорошо покоцало этот кораблик! Обшивка в оспинах микрометеоритной эрозии, местами довольно большие куски эвти оторваны. Но тут, внезапно, загорелись два прожектора, а я светофильтр гермошлема не опустил... Как потом показала запись, они шарили по скафандру и кораблю минут пять, пока я пытался проморгаться. Потом скрестились на правом плече и, через секунду, погасли.

— И шо это было, Холмс? — задумчиво спросил я Пространство. Тут вдруг свет загорелся снова, скрестившись на явном люке. Створка поползла в сторону, открывая шлюз. Внутренние лампочки светили совсем тускло, дальняя часть невнятно темнела.

— Под запись. Своим решением отправляюсь в..., любезно открытый люк чужого КК. Все отданные ранее приказы подтверждаю. Командир МКК "Фридрих Цандер". — строго, по утвержденным правилам доложил. На всякий пощупал рукоять "блястера", контейнер с приборами — пользуясь невесомостью обвешал перед выходом скафандр причиндалами. Включил микрики, дал импульс — и полетел к цели. Хорошо, что светофильтр шлема закрыл, еще раз невидимый в вакууме, но слепящий луч ощупал скафандр, почему-то уцепившись за правое плечо.

...Компьютер вновь размышлял. Повторная проверка дала лишь двадцать процентов идентичности, побуждая изменить решение. Но отсутствие враждебной деятельности, да еще странный, очень странный идентификатор не давали строгой логике отдать финальный приказ. Подпрограмма свободного выбора подтвердила текущее решение...

Я уже затормозил, возле призывно открытого люка. И тут впал в ступор. На наружной стене сияла алая, пятиконечная звезда.

=====

— По черному морю, к синей Земле

— Плыву я на белом своем корабле,

— На белом своем корабле,

Да, наш МКК почти полностью белый — еще бы, восемьдесят процентов видимой площади это радиаторы системы охлаждения реакторов. Но сейчас они снова краснели, колючие струи плазмы бьют из моторов.

— На белом своем корабле...

Панорамный иллюминатор центрального поста почти полностью занимал купол Марса. Загибающийся по краям горизонт был местами украшен пушинками облаков и торчал, поднимаясь почти на двадцать семь километров, великий Олимп. Гигантский древний вулкан приближался, увеличивался с каждой минутой.

— Одна минута до перигея.

Надоела нам старая система названий, все эти периселении и апомеркурии сократили. Ведь действительно неудобно было — оставили лишь апогей и перигей. Высшая и низшая точка

орбиты. Но апогей нашей текущей траектории реально будет у прекрасной Геи.

— Меня не пугают ни волны, ни ветер...

Прицепившаяся ко мне цепкими коготочками Анютка спокойно слушала песню, с любопытством разглядывая проносящийся мимо мир. Памперс сухой, все в порядке, полет продолжаем.

— Плыву я к единственной маме на свете.

— Плыву я сквозь волны и ветер

— К единственной маме на свете...

Где же твоя мама, котенок? Где она пропала, в бездне лет и мегаметров? Я не знаю, кем были твои папа и мама, чем они занимались. Но вряд ли ваши родители были плохими — существа, полностью загрузившие перед боем спасательную шлюпку детьми, и наверняка своей жизнью прикрывшие ее уход... Мягко говоря, достойны глубокого уважения!

— Скорей до Земли я добратся хочу...

— "Я здесь, я приехала!", — ей закричу.

— Я маме своей закричу,

— Я маме своей закричу...

Куда кричать-то? Да и стоит ли... Почти восемьдесят лет ты проспала, и за это время никто не прилетел. А откуда ты родом — в радиусе, например, пятьдесят светолет больше двух тысяч звезд, в Галактике их почти триста миллиардов. Ну а тех галактик в бесконечности вообще немеряно болтается...

— Пусть мама услышит, пусть мама придет,

— Пусть мама меня непременно найдет!

Жаль, что на Земле прошло столько лет, потраченных на мировые войны и прочие разрухи. Мы слишком поздно прилетели...

Когда я, разглядев наконец эмблему, вошел в шлюз, то еще раз убедился — все плохо. Мертвые приборы контроля скафандров, лишь огоньки аварийного освещения горят. Парочка костюмов, кстати, имелась — две руки, две ноги. Все почти как у нас, вот только рост вместо стандартных 1.9 два с небольшим метра. И формы гермошлема, суставов другие.

Люк закрылся, но радиосвязь осталась, успокоил товарищей. Зашипел газ, наполняя отсек. Достал коробочку химического газоанализатора, сорвал неуклюжими пальцами-сосискам крышки с колбочек, размотал ленты. Немного подождав сверился с таблицей. Хм, опасных газов вроде нет, азот и кислород пополам при давлении четыреста пятьдесят мм, примерно.

— Под запись. Принимаю решение открыть гермошлем. — доложил я тогда. Один фиг уже камикадзе, чего уж дальше терять!

— Ведь так не бывает на свете,

— Чтоб были потеряны дети.

Продолжая напевать песенку, ласково поглаживал ребятенка, вспоминая...

Как вновь обшарили мое лицо неожиданно яркие в полумраке лучи. Через несколько минут открылся внутренний люк.

mir-knigi.org